

Фрш 20-84
103

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XVII.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга III (83).

МАЙ-ІЮНЬ.—1906 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Циленовская ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Эдуардъ фонъ-Гартманъ († 25 мая 1906 г.). П. В. Тихомирова	251
Типическія системы философіи. (Научное міровоззрѣніе и философія). Л. М. Лопатина	262
Этическія воззрѣнія Шефтсбѣри. Н. Д. Виноградова. (Окончаніе)	294
О постановкѣ преподаванія психологіи въ средней школѣ. Г. И. Челпанова	311
<hr/>	
Психологія злодѣя. (Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчевъ). В. Ф. Чижа. (Окончаніе).	139
О психикѣ паукообразныхъ животныхъ. Э. Эриксона	173

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Н. Д. Виноградовъ. Философія Давида Юма, ч. I. Теоретическая философія Д. Юма. Москва. 1906. Л. Лопатина 251

II. Библиографическій листокъ 260

III. Обзоръ журналовъ.

Revue Philosophique 1904. №№ 6—12. В. Волковичъ и З. Столица 261

Archiv für Geschichte der Philosophie. Band. XVIII. Neue Folge. XI. Band. 1905. I. Heft. Н. Анкиевой 269

Объявленія.

Эдуардъ фонъ-Гартманъ. († 25 мая 1906 г.)

Недавно скончавшійся Карль Робертъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ, состоявшій, между прочимъ, почетнымъ членомъ и нашего Психологическаго общества, принадлежалъ къ числу крупнѣйшихъ фигуръ не только въ философскомъ мѣрѣ современности, но и вообще среди философовъ истекшаго столѣтія. Какъ по общему характеру и тенденціямъ своего мѣровоззрѣнія, такъ и по своимъ историческимъ отношеніямъ Гартманъ примыкаетъ болѣе къ прошлому, къ философскому движенію первой половины 19 вѣка, нежели участвуетъ въ своеобразной работѣ современной философской мысли: его справедливо называютъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ поборниковъ метафизики въ борьбѣ съ тенденціями современныхъ естествоиспытателей и философовъ; а своими предшественниками, оказавшими замѣтное и несомнѣнное вліяніе на его систему, онъ самъ называетъ Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра. Онъ замыкаетъ собою серію развитія, начатаго Кантомъ и принявшаго, начиная съ Фихте, характеръ „догматическаго трансцендентализма“ въ противоположность „критицизму“ Канта. Но онъ до конца дней своихъ не переставалъ слѣдить за умственными теченіями, хотя бы и не отвѣчавшими его мѣросозерцанію, и всегда умѣлъ точно и сознательно обозначить свое отношеніе къ нимъ.

Личная жизнь Гартмана сложилась не особенно счастливо,—скорѣе даже наоборотъ. Любители психологическаго прагматизма въ исторіи философіи могутъ усматривать въ этомъ первоначальный источникъ его пессимизма. Можетъ

быть, это и на самомъ дѣлѣ такъ, хотя ни его литературная манера, ни вообще методъ работы не даютъ основаній видѣть въ его міровоззрѣніи просто только философію „настроенія“. Но мы въ настоящей краткой „некрологической“ замѣткѣ отнюдь не собираемся давать ни подробнаго объясненія Гартмановой системы, ни ея оцѣнки, а хотимъ только по случаю смерти философа напомнить главнѣйшія черты его жизни и ученія, оставляя за собою право позднѣе болѣе подробно остановиться на происхожденіи, цѣнности и значеніи послѣдняго ¹⁾.

Гартманъ родился 11 февраля (23 февр. н. ст.) 1842 года въ Берлинѣ на Linienstrasse въ домѣ N 112. Его отецъ, капитанъ артиллеріи, старался воспитывать сына въ строгости и не допускать никакой измѣненности; но при этомъ не игнорировалась и его духовная жизнь, и развитіе характера. На четвертомъ году отецъ началъ учить маленькаго Эдуарда читать, а съ пятого года пригласилъ для регулярныхъ занятій съ любознательнымъ мальчикомъ семинариста (на 5-омъ году занятія продолжались по часу въ день, а на 6-омъ—по два). Самъ Гартманъ-отецъ старался вліять на развитіе сына во время ежедневныхъ прогулокъ съ нимъ, когда они бесѣдовали обо всемъ встрѣчавшемся, посѣщали мастерскія, фабрики, театры и пр. Философъ въ своей автобіографіи самъ отмѣчаетъ съ благодарностью эти вос-

¹⁾ При составленіи настоящей замѣтки мы имѣли въ виду главнымъ образомъ сочиненія самого Гартмана—„Philosophie des Unbewussten“, „Kritische Grundlegung des transcendentalen Realismus“, „Neukantianismus, Schopenhauerianismus und Hegelianismus in ihrer Stellung zu der philosophischen Aufgabe der Gegenwart“, „Phänomenologie des sittlichen Bewusstseins“, „Die Religion des Geistes“ и, наконецъ, „Kategorienlehre“. Для біографіи мы пользовались книгой *Drews'a*—„Eduard von Hartmanns philosophisches System im Grundriss. Mit einer biographischen Einleitung“. При характеристикѣ нами приняты въ расчетъ сужденія Файгингера (*H. Vaihinger*, Hartmann, Dühring und Lange. 1876), Ламе („Исторія материализма“), упоминавшагося уже *Древси*, *Кюльпе* („Современная философія въ Германіи“), *Каринскаго* („Критическій обзоръ послѣдняго періода Германской философіи“), Баумана (*J. Baumann*, Deutsche und ausserdeutsche Philosophie der letzten Jahrzehnte dargestellt und beurteilt. 1903) и нѣк. другихъ.

питательныя заботы своего отца. Серьезный взглядъ на жизнь, высокое чувство долга, чѣмъ такъ замѣтно отличался характеръ сына, а также его трезвая дѣловитость, не исключавшая, впрочемъ, идеальныхъ порывовъ, повидимому, обязаны своимъ укрѣпленіемъ влиянію отца. Шести лѣтъ, въ пасху 1848 года, поступилъ Гартманъ, минуя три младшихъ класса, въ королевскую семинарію въ Берлинѣ. Это былъ годъ революціи. Семейство Гартмановъ жило тогда на окраинѣ Берлина за Гамбургскими воротами. Но волны революціоннаго движенія докатывались и до этой тихой мѣстности. 18 марта (н. с.) насильственно удаленъ былъ караулъ у Гамбургскихъ воротъ, смѣну котораго обыкновенно любилъ наблюдать мальчикъ; дерзкіе и назойливые нищіе наводнили улицы, проникали въ дома и отравляли существованіе обывателямъ своими вымогательствами и угрозами. „Часто, — говоритъ Гартманъ, — и къ намъ приходили революціонеры и требовали пороху, упорно не желая понять, что квартира артиллерійскаго капитана — не пороховой магазинъ. Цѣлыми днями должны мы были сидѣть за спущенными шторами, чтобы не возбуждать у уличныхъ бродягъ охоты стрѣлять въ наши окна, а когда окна оставались незакрытыми, мнѣ строго приказывали не подходить къ нимъ близко, чтобы не возбуждать вниманія съ улицы“. Такъ какъ отецъ Гартмана, по требованію службы, жилъ не дома, а мать боялась, какъ бы революціонеры ни исполнили своей угрозы — вывести офицерскихъ дѣтей на баррикады подъ выстрѣлы войскъ, то она перебралась съ сыномъ въ одно дружественное семейство въ восточной части Берлина, гдѣ не было беспорядковъ. Можетъ быть, впечатлѣніями этихъ революціонныхъ недѣль объясняется отчасти и то, что Гартманъ впоследствии былъ проникнутъ глубокимъ отвращеніемъ ко всякому насильственному и революціонному движенію и вообще былъ рѣшительнымъ противникомъ демократическихъ принциповъ.

Въ семинаріи прошелъ онъ хорошій курсъ латинскаго языка, математики, естествовѣдѣнія, религіи и нѣмецкой ли-

тературы. Изученіе религіи подъ руководствомъ директора Фюрбрингера, преподаваніе котораго отличалось ясностью и точностью въ опредѣленіи понятій, дало первый и сильный толчокъ доселѣ еще не обнаруживавшейся метафизической потребности Гартмана. Будущій философъ уже въ эту пору сказывался въ томъ, что его идеи по религіознымъ вопросамъ отличались антихристіанскимъ направленіемъ. Ему уже и тогда казалось непонятнымъ превосходство лютеранскаго ученія объ евхаристіи предъ реформатскимъ, оправданіе крещенія дѣтей, отрицаніе безсмертія души у мертворожденныхъ дѣтей и домашнихъ животныхъ,—предметы обыкновенно 10-лѣтнихъ мальчиковъ совсѣмъ не интересующіе. Съ годами его нерасположеніе къ официальному христіанству все усиливалось. Въ Фридрихъ-Вердеровской гимназіи, куда онъ поступилъ на пасхѣ 1852 года, его смѣлое свободомысліе и непочтительность къ старымъ священнымъ авторитетамъ отталкивали отъ него товарищей, что, въ связи съ завистью къ его успѣхамъ дѣлало его нелюбимымъ и положеніе его—изолированнымъ. Съ особенной любовью и успѣхомъ онъ занимался математикой. Увлеченіе этимъ предметомъ все болѣе усиливалось въ старшихъ классахъ подъ вліяніемъ зародившейся мысли о философскомъ значеніи математическихъ функцій, какъ простыхъ и удобныхъ формулъ для сложныхъ понятій. Онъ съ благодарностью вспоминаетъ своего учителя математики, проф. Бертрама, который указывалъ ему на это философское значеніе математики. Тотъ же проф. Бертрамъ преподавалъ и физику и здѣсь далъ основу для позднѣйшей гносеологіи Гартмана, натолкнувъ его на мысль, что матерія отдѣльно отъ силы есть лишь пустой образъ. Другими предметами гимназическаго преподаванія молодой Гартманъ интересовался мало. Вкусъ къ исторіи на долгіе годы заглушенъ былъ у него неумѣлымъ преподаваніемъ этого предмета въ старшемъ классѣ, а чтеніе Шопенгауэра, этого великаго презрителя исторіи, еще усилило такое нерасположеніе. Послѣднее смягчилось лишь позже, благодаря знакомству

съ философіей Гегеля. Въ классическихъ языкахъ его интересовала грамматика, но содержаніе читаемыхъ авторовъ рѣдко удовлетворяло. Въ общемъ изъ гимназіи Гартманъ вынесъ довольно неприятное впечатлѣніе духовнаго гнета и принудительнаго изученія многихъ казавшихся совершенно бесполезными вещей.

Чѣмъ меньше могла ему дать школа, тѣмъ горячѣе посвящалъ мальчикъ, по личному влеченію, свое свободное время разнымъ излюбленнымъ занятіямъ. Такъ уже въ семинаріи пробудился у него сильный интересъ къ литературѣ—благодаря учителю нѣмецкаго языка, знакомившему на своихъ урокахъ учениковъ съ главными произведеніями Шиллера, Гёте, Лессинга и Кернера: они читали ихъ и въ классѣ совмѣстно—съ раздѣленіемъ ролей, и собирались для этого разъ въ недѣлю въ квартирѣ учителя за чаемъ. Позднѣе въ гимназіи Гартманъ усердно предавался чтенію романовъ. Онъ прочиталъ въ это время Вальтеръ-Скотта, Купера, Маррета, Диккенса, Бульвера и др. и даже самъ пробовалъ писать романъ. Въ послѣднихъ классахъ онъ, вмѣсто чтенія романовъ, началъ заниматься музыкой и рисованіемъ, а когда у него обозначился хорошій и благозвучный голосъ (баритонъ), сюда присоединились и занятія пѣніемъ. Въ занятіяхъ искусствами Гартманъ обнаружилъ большой талантъ и сдѣлалъ большіе успѣхи: могъ хорошо писать красками портреты и ландшафты, прекрасно исполнялъ на рояли произведенія новѣйшихъ композиторовъ и самъ сочинялъ романсы, дуэты и даже оперу (послѣдняя осталась неоконченной; текстъ для нея онъ написалъ самъ по „Звѣздѣ Севильи“ Лопе де Веги).

Шестнадцати лѣтъ осенью 1858 года Гартманъ окончилъ гимназію. Школьные занятія въ послѣдніе годы такъ основательно ему надобѣли, что отъ мысли объ университетѣ онъ безъ особеннаго сожалѣнія отказался и рѣшилъ посвятить себя военной службѣ, которая, по его мнѣнію, должна была оставлять ему довольно времени для любимыхъ занятій искусствами и науками. Впослѣдствіи онъ никогда не рас-

каивался въ принятомъ рѣшеніи, находя, что военная служба много дала ему для выработки характера и для познанія жизни.

1 октября 1858 года Гартманъ поступилъ въ гвардейскій артиллерійскій полкъ въ Берлинъ, оттуда послѣ трехмѣсячнаго обученія вмѣстѣ съ вольноопредѣляющимися полка пѣхотной службѣ и полевой стрѣльбѣ переведенъ былъ въ Шпандау для изученія крѣпостной службы, а въ августъ слѣдующаго года, съ производствомъ въ прапорщики, снова переводится въ Берлинъ для изученія верховой ѣзды въ полевой артиллеріи. „Эпидемическая скука въ Шпандау“ оставляла ему весьма достаточно времени для духовнаго сосредоточенія, для чтенія философскихъ сочиненій, а также книгъ объ искусствѣ и по всевозможнымъ отдѣламъ естествознанія и, наконецъ,—для любимыхъ занятій музыкой. Служба въ Берлинъ не внесла въ этомъ отношеніи въ его жизнь существеннаго измѣненія. Товарищи мало его понимали. Они считали его за скрытнаго карьериста, такъ какъ его успѣхи на испытаніяхъ по четвертямъ года и на годичныхъ обыкновенно принадлежали къ числу самыхъ лучшихъ и по большей части удостоивались королевской похвалы. Надъ его идеальными стремленіями они только смѣялись и думали, что съ такимъ вздоромъ въ головѣ мудрено сдѣлаться настоящимъ офицеромъ. Его считали филистеромъ, не понимая, какъ, на самомъ дѣлѣ, далека онъ былъ отъ всякаго филистерства. Тѣмъ не менѣе, у него были и друзья. Съ нѣкоторыми изъ послѣднихъ онъ охотно посвящалъ часы музыкѣ. Кругъ его знакомыхъ былъ довольно обширенъ. Особенно цѣнили онъ общество дочерей въ дружественныхъ ему семьяхъ, съ которыми его связывали разные художественные интересы.

Въ іюль 1861 года случилось съ нимъ несчастное обстоятельство, которое совершенно выбило его съ избранной жизненной колеи. Онъ получилъ сильную контузію лѣваго колѣна и при лѣченіи ея холодной водой приобрѣлъ ревматизмъ. Въ началѣ, казалось, что молодой организмъ, при раціо-

нальномъ лѣченіи, позволяеть надѣяться на выздоровленіе. Но надежда эта не оправдалась, никакое лѣченіе не помогло, и положеніе становилось все хуже. Съ военной службой пришлось проститься. Думалъ было онъ тогда посвятить себя живописи,—это было въ 1862 году,—но черезъ годъ усумнился въ такомъ призваніи. Съ удвоеннымъ жаромъ послѣ этого набросился онъ на музыку и композиторство, но и здѣсь скоро пришелъ къ убѣжденію, что чего-либо великаго онъ въ данной области не создастъ. Ему оставалось только вмѣстѣ съ Фрицемъ Рейтеромъ сказать: „одинъ мѣшокъ балласта за другимъ полетѣли за бортъ моего жизненнаго корабля“. Сознавъ, такимъ образомъ, себя банкротомъ во всемъ, что манить къ себѣ смертныхъ, онъ почувствовалъ, что можетъ съ успѣхомъ работать только въ области мысли: „Mit einem nachgerade hoffnungslosen Leiden behaftet,—говоритъ онъ,—vom Schicksal betrogen (wie ich damals wähte) um die Anstrengungen der sechs besten Jahre meiner Jugend, abgeschnitten von der praktischen Wirksamkeit, der ich mein Leben aus freiem Entschlusse bestimmt, verlustig gegangen des beseligenden Glaubens an die eigene künstlerische Gestaltungskraft,—so war ich bankerott an allem, was sonst den Sterblichen gross und begehrenswert erscheint,—bankerott an allem, nur an einem nicht: dem Gedanken“. Такъ опредѣлилось истинное призваніе Гартмана—быть философомъ. Сознаніе этого призванія можно датировать 1864-мъ годомъ.

Съ этихъ поръ въ біографіи Гартмана насъ привлекаеть, наравнѣ съ событіями и явленіями, имѣющими для него чисто личное значеніе, также развитіе его философіи и генезисъ главныхъ философскихъ твореній, равно какъ и приемъ, встрѣчавшійся послѣдними среди большой читающей публики и среди разныхъ специалистовъ-цѣнителей. Чтобы не прерывать, однако, чисто біографическаго повѣствованія, мы отнесемъ все, имѣющее болѣе литературно-историческій и философскій интересъ, къ концу нашей замѣтки, къ философской характеристикѣ Гартмана.

Философскими вопросами Гартманъ, какъ мы уже говорили, началъ интересоваться очень рано. Уже на 13 и 14 году онъ начинаетъ записывать свои мысли, афоризмы, случайныя догадки, вопросы, сомнѣнія и т. п. Еще въ гимназiи началъ онъ большую работу—„Размышленія о „духѣ“, а во время службы въ Шпандау въ 1859 г. написалъ „О духовной дѣятельности воспріятія“. Потомъ до 1863 года онъ продолжаетъ писать разныя мелкія замѣтки психологическаго содержанія (о дружбѣ, о совѣсти, о чести и под.) и, кромѣ того, три болѣе крупныхъ изслѣдованія: „О цѣнности разума и познанія для человѣческой дѣятельности и счастья“, „О понятіи безконечнаго и нуля“ и „Объ одинакомъ корнѣ закона достаточнаго основанія“. Гартманъ самъ считаетъ три послѣднихъ самыми зрѣлыми изъ своихъ юношескихъ философскихъ произведеній. Свою знаменитую „Философію безсознательнаго“ Гартманъ началъ на святкахъ 1864 г., когда ему не было еще 23 лѣтъ. Въ апрѣлѣ 1867 г. „Философія безсознательнаго“ была окончена; но Гартманъ не спѣшилъ съ ея печатаніемъ. Лѣтомъ того же года онъ написалъ небольшое сочиненіе „О діалектическомъ методѣ“, которое сослужило ему двойную службу: доставило ему степень доктора философіи (in absentia) въ Ростокѣ и привлекло издателя для его послѣдующихъ трудовъ—Карла Геймонса. Послѣдній самъ рассказываетъ, что когда онъ въ началѣ марта 1868 г. лично посѣтилъ Гартмана, то имѣлъ намѣреніе возвратить ему рукопись „Діалектическаго метода“. Но когда онъ побесѣдовалъ съ философомъ, котораго засталъ прикованнымъ болѣзнью къ постели, то былъ такъ пораженъ силой его духа и очарованіемъ личности, что не только не исполнилъ своего намѣренія, но и обѣщаль издать „Философію безсознательнаго“. Послѣдняя вышла въ ноябрѣ 1868 г. Надежды, возлагшіяся авторомъ на свое главное твореніе, не обманули его. Книга надѣлала чрезвычайно много шума, вызвала многочисленныя газетныя и журнальныя рецензіи, страстную полемику съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ, стала любимой

темой всевозможныхъ разговоровъ и обсужденій въ разнообразнѣйшихъ кругахъ общества, не исключая и дамскаго; даже война съ Франціей не заглушила этого интереса,—многіе военные брали знаменитую книгу съ собою въ походъ. Быстро потребовались одно за другимъ новыя изданія, и въ 1890 г. вышло 10-ое. На молодого философа обратили вниманіе университеты и министерство культа, и онъ въ 1870 г. получилъ три предложенія профессуры—изъ Лейпцига, Геттингена и изъ министерства. Всѣ три онъ отклонилъ,—съ одной стороны, вслѣдствіе своего болѣзненного состоянія, а съ другой для огражденія свободы своего философскаго убѣжденія. Впослѣдствіи же, когда первое соображеніе перестало имѣть силу, здоровье его улучшилось, — уже ни одинъ министръ не отважился предлагать профессуру творцу „Философіи безсознательнаго“.

Борьба за „Философію безсознательнаго“ противъ философовъ, естествоиспытателей, моралистовъ и теологовъ надолго привлекла къ себѣ силы Гартмана и дала толчокъ его литературной апологетико-полемической продуктивности. Въ этой борьбѣ ему большую не только моральную, но и умственную поддержку оказывала жена его—урожденная Агнесса Таубертъ. Она была единственная дочь артиллерійскаго полковника Тауберта, который былъ друженъ съ отцомъ Гартмана. Между молодыми людьми тоже существовала дружба, которая естественно и привела ихъ къ браку—въ іюль 1871 г. Агнесса Таубертъ получила строго-религіозное воспитаніе и не безъ труда и большой внутренней борьбы вошла въ кругъ идей своего мужа. Подъ его руководствомъ она начала заниматься философіей. Бракъ ихъ былъ весьма счастливъ. Плодомъ его была дочь. Г-жа Гартманъ оказалась столь же любящей матерью, какъ и самоотверженною супругой. Она настолько основательно прониклась идеями своего мужа, что даже сама писала сочиненія—о пессимизмѣ и полемическаго характера.

Въ этотъ періодъ появились—„Вещь въ себѣ“, „Новокантіанство, шопенгауэріанство и гегельянство“, „Бессознательное съ точки зрѣнія физиологіи и эволюціонной теоріи“, „Саморазложеніе христіанства и религія будущаго“, „Феноменологія нравственнаго сознанія“ и нѣк. др. произведенія Гартмана.

Къ 1876 г. состояніе здоровья философа настолько улучшилось, что онъ, послѣ 11-лѣтняго перерыва, сталъ снова появляться въ обществѣ и въ театрѣ. Но здѣсь одно за другимъ постигли его семейныя несчастія: въ мартѣ 1876 г. умеръ его отецъ, а въ маѣ слѣдующаго года скончалась жена. Онъ остался на попеченіи матери и тетки.

Въ ноябрѣ 1878 г. Гартманъ вступилъ во второй бракъ съ дѣвицей Альмой Лоренцъ, внучкой курортнаго врача въ Дрибургѣ, гдѣ онъ, начиная съ 1867 г., проводилъ по нѣскольку мѣсяцевъ почти каждое лѣто. Но вскорѣ для него опять настали тяжкія времена. Жена его, подаривъ его мальчикомъ, на долгое время заболѣла и слегла въ постель, а ребенокъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ. Самъ Гартманъ опять простудилъ свое колѣно и заболѣлъ воспаленіемъ сустава; а когда отъ этого немного оправился, то осенью 1881 г. имѣлъ несчастіе упасть, разбилъ другое колѣно и получилъ въ немъ воспаленіе. Къ пасхѣ 1880 г. онъ лишился матери и тетки. Въ это-то время онъ и написалъ статью: „Значеніе страданія“.

Съ половины 80-хъ годовъ Гартманъ поселился въ Гросслихтерфельдѣ близъ Берлина и жилъ тамъ до самой смерти. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ изъ главныхъ твореній Гартмана появились: „Религіозное сознаніе человѣчества въ его постепенномъ развитіи“ (1881) въ качествѣ 1-ой части „Философіи религіи“ и „Религія духа“—какъ 2-ая часть; „Эстетика“ (въ 1886 г. историко-критическая часть „Нѣмецкая эстетика съ Канта“ и въ 1887 г. систематическая „Философія прекраснаго“) и „Ученіе о категоріяхъ“. Кромѣ того—

множество сочиненій по исторіи философіи, полемическихъ и критическихъ статей по политикѣ, по еврейскому вопросу, о школьномъ дѣлѣ и т. п. Литературныя занятія его не прерывались до самой смерти: всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ онъ обнародовалъ новую книгу подъ заглавіемъ — „Проблема жизни“.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. Тихомировъ.

Типическія системы философіи ¹⁾.

(Научное міровоззрѣніе и философія).

Выводами, изложенными въ моей статьѣ „Аксиомы философіи“, мой споръ съ профессоромъ В. И. Вернадскимъ кончается. Если я не ошибаюсь, я показалъ, что и въ философскомъ міровоззрѣніи, какъ въ научномъ, существуютъ истины общепризнанныя и что всѣ вѣроятности заставляютъ приписать имъ объективную достовѣрность, по крайней мѣрѣ, когда мы дадимъ имъ точное и непредвзятое выраженіе. Почему же это мало замѣчаютъ? Мнѣ кажется, именно въ виду ихъ общепризнанности, общепонятности и общеизвѣстности. Мы менѣ всего цѣнимъ то, что всегда передъ нами, что давно намъ знакомо и близко, что интимно вплетается во всѣ наши представленія и умственные операціи и о чемъ мы поэтому всего менѣ думаемъ. Чтобы выдѣлить и понять значеніе этихъ всегда въ насъ дѣйствующихъ факторовъ нашей умственной жизни, надо стать на очень отвлеченную точку зрѣнія и серьезно задать себѣ вопросъ: во что обратилось бы наше міросозерцаніе, если бы этихъ факторовъ совсѣмъ въ насъ не было?

Но съ другой стороны, если эти факторы въ насъ есть, это рѣшительнымъ образомъ подрываетъ тотъ взглядъ, что всякія философскія идеи, кому бы онѣ ни принадлежали и какъ бы ни развивались, во всемъ своемъ составѣ представляютъ плодъ лишь субъективнаго настроенія и личнаго

¹⁾ „Вопр. и Фил. и Псих.“ № 80.

вкуса. Нельзя въ такомъ случаѣ признать и логической равноцѣнности различныхъ метафизическихъ теорій, что являлось бы довольно неизбѣжнымъ, если бы весь смыслъ ихъ существованія заключался только въ томъ, что каждая изъ нихъ по-своему лирически выражаетъ личную настроенность ихъ авторовъ. Въ аксіоматическихъ истинахъ разума лежитъ невольный судъ надъ ними. Степенью ихъ соответствія съ этими истинами и вѣрности толкованія и примѣненія такихъ истинъ опредѣляется внутренняя цѣна самихъ теорій. Мы получаемъ такимъ образомъ возможность различать между *субъективнымъ* и *объективнымъ* въ каждой данной философской системѣ, а это является въ высшей степени важнымъ, если имѣть въ виду, какое огромное мѣсто въ философскихъ построеніяхъ, какъ бы ни объясняли мы ихъ происхожденіе въ цѣломъ, принадлежитъ ихъ чисто субъективнымъ элементамъ.

Приходится, однако, ждать одного возраженія: присутствіе въ различныхъ философскихъ теоріяхъ нѣсколькихъ одинаковыхъ, хотя очень разнообразно сформулированныхъ утвержденій, едва ли само по себѣ способно дать имъ прочное логическое положеніе. Едва ли также эти одинаковыя утвержденія могутъ служить содержательнымъ мѣриломъ при сужденіи о философскихъ міросозерпаніяхъ по ихъ существу. Вѣдь то, что раньше было названо аксіомами философіи, представляетъ собою лишь самыя общія мѣста человѣческой мысли. При изученіи эволюціи философскихъ ученій для насъ едва ли могутъ быть интересны эти общіе пункты, въ которыхъ они всѣ совпадаютъ между собою. Для насъ важно то, что ихъ раздѣляетъ и составляетъ своеобразную фizioномію каждаго изъ нихъ. И вотъ въ этомъ отношеніи едва ли можно говорить объ объективномъ достоинствѣ философскихъ теорій. Этому препятствуетъ самая ихъ многочисленность: въ исторіи мысли ихъ было неисчислимое множество, ихъ слѣдуетъ ждать много и въ будущемъ. Каждая изъ нихъ одинаково хорошо или одинаково дурно объясняетъ міръ. Для предпочтенія какой-нибудь одной изъ

нихъ всѣмъ другимъ—объективнаго критерія нѣтъ никакого. Какъ же говорить объ объективной достовѣрности въ философіи?

На такое разсужденіе можно отвѣтить многое. И прежде всего совершенно ясно, что если вообще въ философіи содержится объективная истина, то она, конечно, всего скорѣе должна заключаться не въ томъ, что въ враждующихъ философскихъ ученіяхъ есть особеннаго и раздѣляющаго ихъ между собою, а въ томъ, что ихъ объединяетъ. Вѣдь истина на свѣтѣ одна. Разумѣется, вполне возможенъ случай, что какая-нибудь частная истина выражена въ одномъ ученіи лучше, чѣмъ въ другомъ, или что какая-нибудь одна философская система выдвинула такую сторону истины, которую другія игнорировали совсѣмъ. Подобные факты очень часто встрѣчаются намъ въ исторіи мысли. Но все же, если мы не признаемъ какую-нибудь одну философскую теорію прошлаго за выраженіе всей полноты истины и при томъ только одной истины (какъ, напримѣръ, относились средневѣковые схоластики къ Аристотелю), а всѣ другія не считаемъ за одну сплошную ложь, мы едва ли поставимъ на одну доску по степени объективной важности отдѣльныя случайныя мнѣнія философа по частнымъ вопросамъ и защищаемыя ими универсальныя истины. Впрочемъ, даже при такомъ исключительномъ предпочтеніи одного ученія всѣмъ другимъ, мы будемъ приписывать абсолютную цѣнность всѣмъ частнымъ особенностямъ только этого ученія, а не какого-нибудь другого. Нѣтъ спора, съ исторической точки зрѣнія въ данномъ философскомъ міросозерцаніи все интересно—и его общелогическіе моменты и воплотившіеся въ немъ личные взгляды и настроенія его автора: но такой интересъ мы и называемъ *историческимъ*.

Далѣе, если аксіомы философіи называть „общими мѣстами“, то вѣдь съ неменьшимъ основаніемъ и правомъ можно назвать общими мѣстами и всякія другія обобщенія, безспорныя, всѣмъ извѣстныя и всѣми признанныя, съ которыми мы встрѣчаемся въ другихъ наукахъ. Что солнце

каждый день восходитъ и заходитъ, конечно, въ этомъ смыслѣ есть общее мѣсто. Но можно ли отрицать его великое значеніе, какъ даннаго астрономіи? Аксиомы геометріи также можно назвать общими мѣстами, о которыхъ не стоитъ много думать и разговаривать: а во что обратится геометрія, если ихъ отбросить? Подобная же роль принадлежитъ и аксіомамъ философіи: отрицать ихъ способность являться весьма существеннымъ критеріемъ при оцѣнкѣ содержанія философскихъ построеній было бы совершенно голословнымъ приговоромъ. Вѣдь среди этихъ аксіомъ мы имѣемъ принципъ тождества, а этимъ принципомъ (какъ и его отрицательнымъ выраженіемъ—принципомъ противорѣчія) судится всякая человѣческая мысль,—не только философская. Мы могли также убѣдиться, какъ рѣшительно отражается одно-стороннее толкованіе аксіомы субстанціальности на выводахъ отдѣльныхъ философовъ, напр., на системѣ Спинозы. Не ясно ли, что *истинное* толкованіе этой аксіомы содержало бы въ себѣ весьма недвусмысленный судъ надъ подобными системами? Или, обращаясь къ прежде рассмотрѣнному примѣру: развѣ отказъ отъ цѣлага ряда аксіомъ разума, однако съ постепеннымъ ихъ обратнымъ введеніемъ въ міросозерцаніе, при томъ въ самомъ грубомъ и произвольномъ видѣ, наблюдаемый въ философскихъ построеніяхъ Маха и Авенариуса, не составляетъ настойчиво предупреждающаго показанія противъ раболѣпнаго увлеченія этими построеніями?

Но все равно,—какъ говорить объ общеобязательной истинѣ въ философіи, когда философскихъ ученій такое огромное множество? Однако, вѣдь и научныхъ теорій и гипотезъ за исторію науки возникало и возникаетъ безчисленное множество,—значитъ ли это, что никакого объективнаго достоинства въ нихъ нѣтъ и не было? Пуанкаре показали, что если найдено одно механическое толкованіе какихъ-нибудь явленій природы, ихъ можетъ быть найдено безконечное множество,—слѣдуетъ ли изъ этого, что отъ всякихъ механическихъ толкованій природы нужно отказаться? За что же у гипотезъ философіи отымать всякое

объективное значеніе только потому, что въ исторіи мысли ихъ существуетъ очень много?

Однако, здѣсь поднимается другой вопросъ великой принципиальной важности: точно ли философскихъ гипотезъ о вещахъ такъ много? Нѣтъ сомнѣній, если подъ философскимъ міровоззрѣніемъ cadaго лица разумѣть всю совокупность его мнѣній по какимъ бы то ни было вопросамъ— всю сумму его теоретическихъ и практическихъ взглядовъ,—философскихъ міросозерцаній окажется столько же, сколько было философовъ. Но вѣдь то же самое придется сказать и о міросозерцаніяхъ научныхъ: если подъ ними понимать всю совокупность мнѣній cadaго ученаго о всевозможныхъ научныхъ предметахъ, то у cadaго ученаго будетъ свое особое научное міросозерцаніе, и такихъ міросозерцаній будетъ столько же, сколько было и есть ученыхъ. Философское міровоззрѣніе даннаго человѣка складывается изъ сильнаго рѣшенія всѣхъ проблемъ жизни и мысли; но далеко не всѣ онѣ и не въ каждое данное время допускаютъ законченное логическое и объективное рѣшеніе. Поэтому въ философское міровоззрѣніе неизбѣжно входитъ много чисто субъективныхъ элементовъ: предположеній, чаяній, догадокъ, вѣрованій. Съ собственными мнѣніями и выводами философа тѣсно и неразличимо сливаются взгляды и вѣрованія его современниковъ: только имѣя въ виду опредѣленный историческій фонъ, понимаемъ мы характеръ личнаго творчества великихъ мыслителей прошлаго. Разнообразное сочетаніе субъективныхъ проявленій генія съ вліяніями эпохи составляетъ то неповторяемое въ каждомъ значительномъ философскомъ міросозерцаніи, что принадлежитъ ему одному. Міросозерцаніе дѣйствительно замѣчательнаго и оригинальнаго мыслителя обыкновенно представляетъ изъ себя внутреннее нерасторжимое единство. Но это единство очень часто бываетъ скорѣе органическимъ и художественнымъ, чѣмъ строго логическимъ. Оно дажо иногда совмѣщается съ бросающимися въ глаза логическими противорѣчіями въ окончатель-

ныхъ концепціяхъ, къ которымъ приходитъ данный философъ. Яркій примѣръ этому можно указать въ философіи Шопенгауэра: при самыхъ заурядныхъ критическихъ способностяхъ легко замѣтить, до какой степени отдѣльныя предположенія его системы находятся въ логическомъ разногласіи между собою.

Тѣмъ не менѣе, очень важно именно то, что мы, при серьезномъ критическомъ отношеніи, легко различаемъ логическое единство ученія отъ его только художественнаго единства. Положимъ, мы видимъ матеріалиста, который, признавъ за веществомъ только чисто внѣшнія свойства протяженности, подвижности, инерціи, непроницаемости и т. д., и объяснивъ изъ нихъ бытіе міра въ его цѣломъ, потомъ вдругъ (а это у матеріалистовъ бываетъ очень часто еще со временъ Гоббса), когда вопросъ заходитъ о нашемъ собственномъ психическомъ существованіи, подвергаетъ полному сомнѣнію принадлежность этихъ внѣшнихъ свойствъ веществу въ немъ самомъ, начинаетъ говорить о неостижимости внутренней сущности матеріальнаго, высказываетъ даже предположеніе о внутренней одушевленности всѣхъ вещественныхъ элементовъ. Мы, можетъ быть, совершенно поймемъ субъективные мотивы, которые заставляютъ его въ этомъ случаѣ такъ рѣшительно отказаться отъ своего первоначальнаго взгляда, но мы все-таки прежде всего замѣтимъ логическую несомвѣстимость второй оцѣнки природы вещества съ ея первой оцѣнкой: какая-нибудь изъ нихъ можетъ быть вѣрна, обѣ заразъ быть вѣрны не могутъ. Стремленіе во что бы то ни стало въ общемъ міропониманіи сохранить первую оцѣнку вещества, несмотря на признанную справедливость второй, можетъ диктоваться весьма живою потребностью даннаго умственнаго склада смотрѣть на вещи подъ матеріалистическимъ угломъ зрѣнія—мы все же должны согласиться, что эта потребность не нашла себѣ *логическаго* выраженія. Матеріалистическій взглядъ имѣетъ свою внутреннюю логику, и въ данномъ примѣрѣ она оказывается нарушенной. Спиноза, съ одной

стороны, въ охватывавшей все его существо идеѣ мірового единства, съ другой стороны, въ совершенномъ своемъ подчиненіи дуалистическимъ понятіямъ Декарта объ абсолютной противоположности матеріи и духа, имѣлъ вполне достаточные субъективные мотивы, чтобы, настаивая на единствѣ Божественной субстанціи, приписывать ей, однако, такіе атрибуты, которые совсѣмъ исключаютъ другъ друга и образуютъ два ничѣмъ не связанные и никакого взаимодѣйствія не допускающіе независимые міра—это не мѣшаетъ ученію Спинозы объ атрибутахъ, съ логической точки зрѣнія, быть самой темной и противорѣчивой частью его системы. Количество подобныхъ примѣровъ можно было бы очень умножить: мы судимъ философскія ученія ихъ внутреннею логикой; какъ бы ни были драгоценны для насъ субъективные моменты философской системы въ смыслѣ выраженія духовной личности ея автора, мы ихъ невольно отбрасываемъ или отодвигаемъ на задній планъ, когда пытаемся видѣть въ данномъ ученіи объективно вѣроятное толкованіе существующаго. Вѣдь именно въ устраненіи субъективныхъ чертъ, частныхъ противорѣчій, недоговоренности и личныхъ колебаній заключается главный двигатель дальнѣйшаго развитія доктрины отдѣльныхъ мыслителей у послѣдователей основанныхъ ими школъ.

Итакъ, въ воззрѣніяхъ философовъ, кромѣ элементовъ чисто субъективныхъ, всегда присутствуютъ элементы объективные. Если первымъ нѣтъ основаній приписывать обязательности для кого бы то ни было, вторые несомнѣнно обладаютъ объективною обязательностію, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что *если мы усвоили послышки данной философской теоріи, мы тѣмъ самымъ обязаны принять и всѣ логическія слѣдствія изъ нея*. Въ этомъ отношеніи отдѣльныя философскія теоріи можно сопоставить съ гипотезами: ихъ различіе отъ гипотезъ отдѣльныхъ наукъ, какъ мы это уже отчасти видѣли раньше, заключается только въ степени общности поставленныхъ задачъ. Научныя гипотезы стремятся объяснить частныя свойства, частныя законы и част-

ныя отношенія дѣйствительности въ ея наблюдаемомъ конкретномъ строеѣ,—иначе говоря, особенную природу отдѣльныхъ группъ наблюдаемыхъ явленій. Напротивъ, философія ставитъ вопросъ объ общихъ условіяхъ и общихъ основахъ всякаго бытія вообще и все частное разсматриваетъ лишь въ свѣтѣ дѣлаемыхъ ею универсальныхъ предположеній и въ связи съ ними. Но судимъ мы и о философскихъ теоріяхъ и о научныхъ гипотезахъ по однимъ и тѣмъ же критеріямъ: 1) по логической обоснованности и внутренней связи входящихъ въ ихъ содержаніе положеній, 2) по степени ихъ пригодности для объясненія того, что онѣ хотять объяснить.

И вотъ, если имѣтъ въ виду то, что я назвалъ внутренней логикою философскихъ ученій, т.-е. выражающуюся въ нихъ связь опредѣленныхъ логическихъ выводовъ съ опредѣленными универсальными принципами, то кажущееся неограниченное разнообразіе философскихъ идей въ исторіи сведется къ весьма немногимъ повторяющимся общимъ типамъ умозрительнаго міропониманія. Форма этихъ типическихъ возрѣній можетъ очень мѣняться по приемамъ и методамъ ихъ логическаго обоснованія, по степени полноты, послѣдовательности и законченности ихъ развитія, наконецъ, въ зависимости отъ дополнительныхъ предположеній, заимствованныхъ изъ религіознаго или научнаго источника; которыя въ общемъ міросозерцаніи отдѣльныхъ мыслителей часто сливаются въ одно нераздѣльное цѣлое съ ихъ онтологическими и метафизическими концепціями,—но типическое содержаніе этихъ основныхъ философскихъ возрѣній въ томъ, что оно имѣетъ существеннаго, остается неизмѣннымъ. Существованіе такихъ общихъ типовъ философскаго пониманія давно замѣчено философами и историками, имъ дана болѣе или менѣе опредѣленная характеристика и классификація, для нихъ неоднократно пытались установить обозначающіе ихъ термины. По отношенію къ этимъ общимъ типамъ приходится отмѣтить еще одну очень важную особенность: на исторической сценѣ они возникаютъ не случайно; они появляются въ опредѣленной послѣдовательно-

сти, начинаясь отъ однихъ и потомъ постепенно, въ болѣе или менѣе устойчивомъ порядкѣ, переходя къ другимъ. Въ этомъ легко убѣдиться для каждаго безпристрастнаго критика, который разсмотритъ въ цѣломъ такіе періоды прошлой исторіи философіи, которые представляютъ собой какъ бы законченные историческіе циклы развитія философской мысли, какими являются, на примѣръ, исторія греко-римской философіи въ древнемъ мірѣ или исторія ново-европейской философіи отъ эпохи Возрожденія до нашего вѣка. Этотъ въ общемъ единообразный порядокъ историческаго преемства въ типахъ философскаго міропониманія (несмотря на частныя задержки, отклоненія и нерѣдко наблюдаемыя временныя возвращенія къ старому) опять-таки обнаруживаетъ извѣстную внутреннюю логику ихъ сравнительныхъ преимуществъ.

Въ высшей степени характерно, что философская мысль и въ древней Греціи, и въ новой Европѣ, несмотря на рѣзкое несходство историческихъ условій ея возникновенія, первоначально принимаетъ форму *иллозоизма*, т.-е. безразличнаго смѣшенія опредѣленій духовныхъ и вещественныхъ въ представленіи о существующемъ, съ признанія за первую основу вещей начала столько же духовнаго, сколько и матеріальнаго (напр., воздуха или эфира, который одновременно есть и вещественная стихія, изъ которой выдѣлились всѣ другія стихіи, и верховный божественный разумъ, все направляющій соотвѣтственно высшимъ законамъ нравственной правды). Эта точка зрѣнія, сначала общая у всѣхъ философовъ, въ дальнѣйшемъ развитіи мысли, въ своемъ чистомъ видѣ почти не повторяется,—развѣ за исключеніемъ періодовъ явнаго упадка умозрительныхъ интересовъ,—и обыкновенно замѣняется господствомъ или *дуалистическихъ* (основанныхъ на признаніи абсолютно противоположной природы у матеріи и духа) или *матеріалистическихъ* воззрѣній. Далѣе, въ связи съ сознаниемъ внутреннихъ логическихъ противорѣчій въ дуалистическихъ и матеріалистическихъ теоріяхъ, обыкновенно приобрѣтаютъ силу *скеп-*

тическія ученія ¹⁾, въ послѣдней инстанціи всегда опирающіяся на предположеніе объ абсолютной непостижимости настоящей сущности вещей (точка зрѣнія *феноменизма* или *иллюзионизма*). И наконецъ въ эпохи наибольшаго расцвѣта умозрительнаго творчества и наибольшей широты философскихъ запросовъ, въ напряженной борьбѣ съ раньше пережитыми формами философской мысли, односторонность и недостаточность которыхъ вполне понята и признана, начинаютъ возникать попытки дать законченное идеалистическое или духовное толкованіе существующаго ²⁾.

Однако, самый идеализмъ въ своемъ послѣдовательномъ развитіи получаетъ важныя видоизмѣненія и оттѣнки при постановкѣ своихъ основныхъ воззрѣній и задачъ: здѣсь прежде всего приходится имѣть въ виду противоположность *абстрактнаго идеализма* или *панлогизма* и *идеализма конкретнаго* или *спиритуализма*. Панлогическій идеализмъ полагаетъ сущность бытія въ формальномъ логическомъ принципѣ или идеѣ, т. е. въ универсальномъ умопостигаемомъ законѣ, который есть внутренній разумъ вещей и который, несмотря на свою совершенно отвлеченную природу, есть единственный источникъ и двигатель развитія и разнообразія міровой и человѣческой жизни. (Вполнѣ послѣдовательное выраженіе этотъ взглядъ нашелъ себѣ только въ философіи Гегеля,

1) Это съ особенною наглядностью замѣтно на условіяхъ возникновенія софистическаго движенія.

2) Широкой и примирительно-критическій по отношенію къ предшествующимъ формамъ философіи характеръ идеалистическихъ построеній ясно виденъ въ развитіи идеализма древнихъ отъ Сократа черезъ Платона и Аристотеля до гениально смѣлыхъ системъ неоплатонизма. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать и объ эволюціи идеалистическаго направленія въ новое время, начиная отъ Канта (пожалуй даже Лейбница и Берклея) и до нашихъ дней. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что развитіе идеалистической философіи (быть можетъ, въ виду широты и универсальной всеобщности ея основной задачи) обыкновенно не представляетъ непрерывнаго движенія и чаще, чѣмъ въ другихъ направленіяхъ философской мысли, перемежается попятными шагами къ пережитымъ и покинутымъ точкамъ зрѣнія. Наше время наглядно подтверждаетъ это хаотичностью своихъ философскихъ теченій.

хотя его зачатки можно указать еще въ древности, отчасти въ теоріи идей Платона, еще болѣе въ ученіи о формѣ Аристотеля). Спиритуализмъ, напротивъ, если можно такъ выразиться, признаетъ *реальную духовность* существующаго, независимую отъ нашихъ отвлеченій и логическихъ обобщеній: для него начало и основа вещей есть сила духовная въ себѣ, внутренно живая и дѣйственная до всякаго воплощенія въ жизни природы и человѣчества. А черезъ это для него и всѣ вещи внутри себя духовны, потому что въ окончательномъ итогѣ ничего нѣтъ кромѣ духа. Въ новой философіи такъ впервые училъ Лейбницъ, и къ этому основному его воззрѣнію такъ или иначе примыкали и примыкаютъ всѣ позднѣйшіе представители идеализма *не панлогического*. Впрочемъ, спиритуализмъ главнаго предположенія панлогической философіи о внутреннемъ разумѣ и смыслѣ бытія и о внутренней идеальной законности вещей вовсе не отрицаетъ: онъ отказывается только признать въ отвлеченномъ законѣ вещей творческій источникъ самого ихъ бытія; онъ усматриваетъ въ какихъ бы то ни было законахъ вселенной только способы дѣйствія и проявленія ея внутренней духовной основы, а не причину существованія этой основы и тѣхъ силъ, которыми обезпечивается господство закона надъ жизнію міра. Коренная мысль панлогизма, съ этой точки зрѣнія, есть только одинъ изъ элементовъ общаго спиритуалистическаго міросозерцанія.

Сопоставленіе древней философіи съ новой поучительно не только въ виду сходства въ послѣдовательномъ развитіи однородныхъ типовъ философскаго міропониманія, оно не менѣе интересно и по существенному различію въ умозрительномъ выраженіи и полнотѣ раскрытія этихъ типовъ, зависящему отъ историческихъ, культурныхъ, религіозныхъ и научныхъ условій этого развитія. Напримѣръ, въ древности гилозоизмъ въ философіи господствовалъ очень долго и даже когда долженъ былъ уступить первенствующее положеніе болѣе отчетливымъ философскимъ воззрѣніямъ, еще неоднократно возрождался и постоянно оказывалъ бесо-

знательное воздѣйствіе на подробности ученій, его замѣнившихъ. Напротивъ, въ новое время развитіе гилозоизма ограничивается эпохой Возрожденія, а потомъ, въ особенности послѣ Декарта, онъ почти безслѣдно исчезъ изъ философіи. Наоборотъ, матеріализмъ въ древнемъ мірѣ никогда не выходилъ за предѣлы отдѣльныхъ философскихъ сектъ, тогда какъ въ новой Европѣ, благодаря его огромному утилитарному значенію въ качествѣ источника и вдохновителя вспомогательныхъ гипотезъ естествознанія, онъ получаетъ все возрастающее значеніе и постепенно дѣлается единственнымъ философскимъ міросозерцаніемъ огромныхъ культурныхъ круговъ. Не менѣе любопытна судьба философскаго идеализма въ древнемъ и новомъ мірѣ. Въ древности идеализмъ, какія бы утонченныя формы онъ ни принималъ, никакъ не могъ вполнѣ эмансипироваться отъ дуалистическихъ представленій: матерія постоянно предносилась мысли его представителей какъ нѣкоторая абсолютная и въ то же время несомнѣнно реальная противоположность духовному началу. Напротивъ, въ новое время матерія въ цѣломъ рядѣ самыхъ разнообразныхъ системъ безъ остатка сведена къ чисто идеальнымъ силамъ. Въ связи съ этимъ находится другая важная особенность въ развитіи идеализма въ новое время: въ древности мы ни у кого не встрѣчаемъ послѣдовательно проведенной теоріи субъективнаго идеализма (признанія всего матеріальнаго міра за простое представленіе сознающаго духа). Напротивъ, въ новой философіи субъективный идеализмъ находитъ очень видныхъ и послѣдовательныхъ защитниковъ, а въ наши дни, благодаря широкому распространенію теоріи познанія Канта, его, пожалуй, нужно считать господствующимъ философскимъ воззрѣніемъ, хотя это не всѣми ясно сознается.

Итакъ, исторически существовавшія философскія ученія распадаются на немногіе основные типы философскаго пониманія. Если мы отвлечемся отъ различія методологическихъ приѣмовъ, помощью которыхъ мыслители приходятъ къ своимъ построеніямъ (сравнительнаго преобладанія у

нихъ рационалистическихъ или, напротивъ, эмпирическихъ тенденцій) и ограничимся только коренными особенностями въ самомъ содержаніи философскихъ представленій о дѣйствительной природѣ вещей, мы получимъ слѣдующія типическія формы философскихъ воззрѣній: 1) Гилозоизмъ, 2) дуализмъ матеріи и духа, 3) матеріализмъ (ученіе о томъ, что истинно-сущее есть протяженно-непроницаемая, подвижная субстанція, имѣющая только внѣшнія—механическія и физическія—опредѣленія, но не обладающая никакими внутренними, духовными свойствами). 4) Феноменизмъ или агностицизмъ; иначе его можно охарактеризовать, какъ *ноуменизмъ*, отъ кантовскаго термина *ноуменъ*, которымъ онъ обозначаетъ непостижимыя и ни въ какомъ человѣческомъ положительномъ понятіи невыразимыя *вещи въ себѣ*. Феноменизмъ въ своемъ скептическомъ основоположеніи: наше знаніе ограничено и призрачно,—мы знаемъ только явленія, но никогда не знаемъ и не можемъ узнать сущностей или субстанцій,—очевиднымъ образомъ предполагаетъ дѣйствительное существованіе какихъ-то непостижимыхъ и на явленія ни въ чемъ непохожихъ субстанцій; иначе для скептической оцѣнки нашего познанія не было бы никакого оправданія ¹⁾. 5) Идеализмъ или спиритуализмъ.

Это значитъ, что въ философіи существуетъ всего пять коренныхъ системъ или типовъ пониманія дѣйствительности.

¹⁾ Правда, подъ феноменизмомъ иногда разумѣютъ ученіе о томъ, что никакихъ субстанцій нѣтъ, а существуютъ *одни явленія*. Однако, въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ того, какъ понимаютъ слово *явленія*. Если подъ нимъ разумѣютъ движенія матеріи, происходящія внѣ насъ и независимо отъ нашего воспріятія, тогда феноменизмъ окажется лишь особою формою, или, лучше сказать, особымъ и при этомъ мало подходящимъ и двусмысленнымъ словеснымъ обозначеніемъ матеріализма. Если, напротивъ, понимать подъ явленіями чисто субъективныя состоянія нашего сознанія, *кромя которыхъ ничего нѣтъ*, тогда мы получимъ своеобразный видъ спиритуализма въ субъективно-идеалистической формѣ. Но тутъ едва ли можно говорить о какомъ-нибудь совсѣмъ оригинальномъ типѣ умозрительнаго міропониманія. Такая шаткость термина *феноменизмъ* оправдываетъ введеніе термина *ноуменизмъ*, прямо указывающаго на опредѣленный и особенный взглядъ на истинную природу вещей.

Однако, едва ли мы можем остановиться и на этомъ числѣ. Въдѣ двѣ изъ указанныхъ системъ имѣютъ явно смѣшанный, сложный и производный характеръ, представляя сочетаніе началъ, выставляемыхъ въ другихъ системахъ въ своей обособленности и исключительности. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что дуализмъ представляетъ сочетаніе принциповъ спиритуализма и матеріализма *въ ихъ понятой противоположности* въ одно цѣлое, а гилозоизмъ—*смѣшеніе* этихъ принциповъ вслѣдствіе неясности ихъ содержанія для мысли. Такимъ образомъ обѣ системы составляютъ только различныя ступени въ развитіи дуалистическихъ представленій (безсознательную и сознательную). Но въ этомъ заключается и судъ надъ ними по ихъ существу. Онѣ находятся въ явномъ противорѣчій съ основной тенденціей мысли къ единству пониманія. Философія, стремящаяся понять бытіе вещей въ ихъ дѣйствительности, не можетъ успокоиться на непримиримой двойственности началъ. А именно такую двойственность имѣемъ мы въ обычныхъ представленіяхъ о матеріи и духѣ, какъ независимыхъ сущностяхъ, которыя по всѣмъ признакамъ отрицаютъ другъ друга (одна протяженна, другая не-протяженна, одна имѣетъ чисто внутреннее бытіе, другая—чисто внѣшнее, одна сознаетъ себя, другая абсолютно безсознательна и т. д.). Какъ изъ нихъ склеить единое существованіе міра? Поставить ли эти сущности рядомъ? Но что же ихъ можетъ связать и заставить дѣйствовать другъ на друга? Приписать ли свойства обѣихъ одной первоначальной вещи, какъ дѣлаютъ гилозоисты? Но стоитъ подумать о такой вещи ясно, какъ изъ одной вещи выйдетъ непременно двѣ. Пускай мы согласимся, что всемірный творческій разумъ есть воздухъ или эфиръ. Мы тотчасъ же убѣдимся, что между воздухомъ въ его физическихъ свойствахъ и безконечнымъ разумомъ въ его идеальныхъ и абсолютныхъ опредѣленіяхъ нѣтъ никакого подобія, никакой связи, никакого логическаго отношенія.

Итакъ, дуализмъ противорѣчитъ основной задачѣ философіи—понять единство существующаго. Въ философіи можетъ

имѣть мѣсто только дуализмъ относительный, но никакъ не абсолютный: въ мѣрѣ мыслимо дѣйствіе лишь такихъ противоположностей, которыя допускаютъ происхожденіе отъ одного общаго источника. Такимъ образомъ только дѣйствительно монистическія системы удовлетворяютъ нормальнымъ требованіямъ философскаго пониманія. Напротивъ, дуалистическія ученія въ формѣ ли гилозоизма или дуализма матеріи и духа, или наконецъ абсолютной двойственности еще какихъ-нибудь началъ, несомнѣстимы съ самой задачей философіи. Съ другой стороны, даже и помимо вопроса о ихъ внутреннихъ недостаткахъ, дуалистическія системы, просто въ виду ихъ смѣшаннаго характера, не могутъ разсматриваться, какъ независимые типы.

Поэтому основной и типическій характеръ приходится приписать только чистымъ и монистическимъ системамъ: матеріализму, феноменизму и спиритуализму (поскольку всякій послѣдовательно и до конца проведенный идеализмъ неизбежно получаетъ спиритуалистическій обликъ). Другими словами мы имѣемъ только *три* основные типа умозрительнаго пониманія вещей. Легко видѣть, что ихъ не можетъ и не должно быть больше: это ясно вытекаетъ изъ самой психологіи человѣческаго ума. Наша мысль никогда не бываетъ абсолютно безпредметной; какъ бы она ни была отвлеченна, она всегда направлена на что-нибудь данное, на нѣкоторое наличное ей содержаніе, хотя бы она его разсматривала въ самыхъ общихъ признакахъ и отношеніяхъ. Поэтому каждое дѣйствіе разума въ послѣднемъ своемъ основаніи должно имѣть точку отправленія и постоянную точку опоры въ непосредственно наличномъ, прямо испытанномъ, въ томъ, что можно назвать *воззрѣніями* или, употребляя еще болѣе широкій терминъ, непосредственными *переживаніями* нашего сознанія и самочувствія. Въ этомъ отношеніи вполнѣ правильно приходится утверждать: понятій совсѣмъ безъ воззрѣній нѣтъ, если только они не выражаютъ голаго отрицанія. Но что же намъ прямо открыто, что нами непосредственно переживается?

Въ отвѣтъ также едва ли можетъ быть сомнѣніе: непосредственно намъ открыта только сознательная жизнь нашего собственнаго духа, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ и отдѣлахъ, и все другое, лишь насколько оно въ нее входитъ и составляетъ ея часть. Но въ себѣ мы находимъ, съ одной стороны, данныя о своемъ собственномъ внутреннемъ субъективномъ существованіи (въ формѣ нашей воли, чувства, пониманія), съ другой стороны, о какомъ-то существованіи, намъ внѣшнемъ и отъ насъ отличномъ, которое, однако, все же непосредственно рисуется для насъ качествами и отношеніями нашихъ душевныхъ состояній—ощущеній. Такъ возникаетъ для насъ различіе опыта внутренняго и опыта внѣшняго. Одни и тѣ же данныя непосредственнаго сознанія, одинъ разъ отнесенныя во всей своей совокупности къ переживающему ихъ субъективному центру, порождаютъ концепцію *духа*,—другой разъ, въ опредѣленной своей части (въ совокупности внѣшнихъ ощущеній) отнесенныя къ чему-то постороннему намъ и отъ насъ независимому, сливаются въ концепцію *тѣла* или матеріальнаго міра.)¹⁾ Внѣ разнообразныхъ группировокъ этихъ данныхъ и внушаемыхъ ими концепцій наша мысль не можетъ имѣть никакого положительнаго содержанія: всѣ категоріи нашего ума вырастаютъ на этой почвѣ и не могутъ быть отъ нея оторваны. А это значитъ, что мы только то можемъ понять и представить себѣ, какъ дѣйствительное, что подчиняется духовнымъ или матеріальнымъ аналогіямъ, т.-е. чему мы можемъ приписать или духовные, или матеріальные признаки. Что совсѣмъ и ни въ какомъ отношеніи не имѣетъ въ себѣ ничего духовнаго или физическаго, то мы не можемъ положительно мыслить, какъ реальное. Это общее правило можно было бы назвать *воззрительнымъ постулатомъ* нашей мысли. Что не

¹⁾ Я не хочу настаивать, что только внѣшнія ощущенія сливаются для насъ въ образъ чего-то отъ насъ независимаго; я утверждаю только ту самоочевидную вещь, что никакія концепціи независимыхъ отъ насъ существъ или вещей не могутъ выходить изъ сферы данныхъ сознанія, будь ихъ характеръ субъективенъ или объективенъ.

мыслить и не хочет и ничего не чувствуетъ, и что, съ другой стороны, не протяженно, не движется и не обнаруживается ни въ какихъ другихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, то для нашей мысли совершенное ничто. И если, тѣмъ не менѣе, мы по какимъ-нибудь соображеніямъ чему-либо подобному захотимъ приписать реальность, мы можемъ составить о немъ только чисто отрицательное понятіе, черезъ устраненіе всего намъ понятнаго, т.-е. признать его какъ что-то абсолютно непостижимое. Все это относится и къ нашимъ понятіямъ объ абсолютной основѣ или объ абсолютной природѣ вещей. Сущность вещей должна быть понимаема или по духовнымъ или по физическимъ аналогіямъ, и если она въ нихъ совсѣмъ и никакъ не умѣщается, мы не можемъ о ней составить никакой положительной идеи, — въ этомъ естественная граница всякихъ метафизическихъ построений. А изъ этого съ очевидностью вытекаетъ, что можетъ быть только двѣ *положительныя* типическія системы метафизики: спиритуализмъ, понимающій дѣйствительность по аналогіямъ духовнымъ, и матеріализмъ, понимающій ее по аналогіямъ физическимъ. Рядомъ съ ними возможна одна *отрицательная* типическая система, не признающая въ истинной реальности никакого подобія съ какими-нибудь духовными или матеріальными отношеніями и свойствами—таковъ агностицизмъ или ноуменизмъ. Всѣ исторически существующія философскія теоріи въ своей метафизической части представляютъ только различныя видоизмѣненія, сочетанія и смѣшенія этихъ основныхъ и неустрашимыхъ точекъ зрѣнія.

Эти основные типы умозрѣнія допускаютъ и въ своемъ чистомъ видѣ нѣкоторыя внутреннія варіаціи въ зависимости отъ различныхъ возможностей конкретнаго развитія исходныхъ положеній въ этихъ типахъ. Напримѣръ, матеріалистическое міросозрепаніе всего скорѣе облекается въ форму *атомизма*; но все же это не единственная его форма. Мыслимы (и они дѣйствительно встрѣчаются въ исторіи) такія предположенія объ абсолютномъ веществѣ міра, по которымъ никакихъ недѣлимыхъ и въ себѣ неизмѣнныхъ элемен-

товъ вещества въ природѣ нѣтъ, и оно все сливается въ одну, вѣчно мѣняющую виды своего бытія сущность. Подобнымъ образомъ и спиритуализмъ чаще всего получаетъ форму *монадологізма*, т.-е. признанія реальной множественности центровъ духовнаго существованія; но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ спиритуалистическія теоріи пантеистическаго характера,—наконецъ, иногда спиритуализмъ, какъ у Берклея, вполне совпадаетъ съ субъективнымъ идеализмомъ. Мѣнѣ всего вариаций въ этомъ смыслѣ наблюдается въ метафизическомъ содержаніи ноуменистическихъ гипотезъ, что является совершенно понятнымъ въ виду чисто отрицательнаго значенія ихъ утвержденій. Однако, подобныя вариации вообще мало мѣняютъ въ коренной сути каждаго даннаго міросозерцанія, а иногда онѣ довольно легко совмѣщаются между собою. Напримѣръ, спиритуализмъ Лейбница представляетъ ярко выраженное монадологическое ученіе; но уже у нѣкоторыхъ ближайшихъ послѣдователей его монадологізмъ пріобрѣтаетъ обоснованіе пантеистическое; и то-же самое приходится сказать о проповѣдникахъ монадологическаго взгляда въ эпоху позднѣйшаго нѣмецкаго идеализма (напр. у Лотце). Наконецъ, уже самъ Лейбницъ можетъ быть охарактеризованъ, какъ субъективный идеалистъ въ ученіи о воспріятіи пространства и времени и о подлинной природѣ матеріальныхъ вещей; позднѣйшія спиритуалистическія теоріи еще болѣе доказали, какъ разнообразно можно пользоваться при проведеніи спиритуалистическихъ воззрѣній предположеніями субъективнаго идеализма (хотя бы въ формѣ гносеологіи Канта).

II.

Допустимъ, что указанныя сейчасъ три типическія системы равноцѣнны и одинаково хорошо (или дурно) объясняютъ міръ. Онѣ и въ такомъ случаѣ не теряли бы своего теоретическаго достоинства. Онѣ все-таки оставались бы тремя единственными возможностями объяснять вещи.

Мы не могли бы приписать ни одной абсолютной достовѣрности; но все же каждой изъ нихъ принадлежала бы, при ихъ полной равноправности, совершенно опредѣленная вѣроятность. Что подобнымъ вѣроятнымъ построениямъ можетъ принадлежать очень высокое теоретическое и научное значеніе, лучшее тому доказательство даетъ одна изъ наиболѣе образцовыхъ по своей точности наукъ — геометрія. Въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ никакихъ дѣйствительныхъ эмпирическихъ данныхъ, чтобы при объясненіи реального пространства геометрическую систему Эвклида непременно предпочесть системѣ Лобачевского или систему Лобачевского поставить выше системы Римана. У насъ нѣтъ основаній, чтобы одну изъ нихъ признать за абсолютную истину, а двѣ другія разъ навсегда осудить, какъ завѣдомыя фикціи. Всѣ три системы приходятъ къ заключеніямъ весьма различнымъ между собою. Тѣмъ не менѣе никто не скажетъ, что геометрическія изслѣдованія представляютъ бесполезное занятіе. То же самое должно относиться и къ изслѣдованіямъ метафизическимъ: если указанные три метафизическія системы оказываются единственно возможными воззрѣніями на существующее, изученіе ихъ содержанія и заключающихся въ нихъ неизбѣжныхъ выводовъ должно вызывать глубокой теоретической интересъ, совершенно помимо вопроса о томъ, обладаетъ ли какая-нибудь изъ этихъ системъ исключительную и абсолютную достовѣрностію.

Но далѣе подымается не менѣе важный вопросъ: точно ли всѣ три системы обладаютъ полною логическою равноправностію? Вѣдь, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ повидимому уже сыграла свою философскую роль и едва ли когда-нибудь возродится въ формѣ абсолютной всеобъемлящей и догматической истины. Я разумѣю въ этомъ случаѣ матеріализмъ. Съ перваго взгляда такое мнѣніе можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Вѣдь трудно спорить, что міросозерцаніе, распространенное среди просвѣщенныхъ людей и даже среди ученыхъ, въ своихъ теоретическихъ и практическихъ

выводахъ болѣе всего напоминаетъ матеріализмъ. О внутреннемъ сродствѣ съ матеріализмомъ такъ называемаго научнаго міровоззрѣнія было уже неоднократно говорено раньше. А между тѣмъ именно это міровоззрѣніе считается наиболѣе достойнымъ предметомъ вѣры для человѣка образованнаго. Когда отъ него отклоняются, обыкновенно дѣлаютъ это, уступая нравственнымъ и эстетическимъ потребностямъ, не оспаривая его совершенной и исключительной рациональности. Какъ же говорить, что метафизическая система, которая положена въ основу такого міровоззрѣнія, доживаетъ свой вѣкъ и кончаетъ свою историческую роль?

Тѣмъ не менѣе, многое заставляетъ думать, что дѣло обстоитъ именно такъ. Съ матеріализмомъ происходитъ то, что часто наблюдается въ исторіи особенно популярныхъ религіозныхъ и философскихъ ученій. Онъ пользуется широкимъ признаніемъ въ своихъ выводахъ, частныхъ приложеніяхъ, жизненныхъ оцѣнкахъ; но онъ непоправимо пошатнулся въ своихъ принципиальныхъ основаніяхъ. Приходится сказать болѣе: какъ философская система, претендующая на полную объективную достовѣрность, онъ сталъ совсѣмъ невозможенъ. Если для очень многихъ онъ до сихъ поръ является непоколебимымъ отрицательнымъ критеріемъ всего, во что они могутъ вѣрить и что обязаны отвергать, то едва ли часто мы встрѣтимъ философски образованныхъ людей, которые принимаютъ матеріалистическую систему бытія, — въ формѣ ли наивныхъ фантазій Лукреція Кира, въ формѣ ли категорическихъ приговоровъ Гоббса, въ формѣ ли „системы природы“ Гольбаха, или въ болѣе смягченной и гораздо менѣе послѣдовательной формѣ катехизиса нѣмецкихъ матеріалистовъ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, — за положительную метафизическую догму, въ которой содержится окончательное и единственное слово истины. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій едва ли можно указать хотя одно замѣтное произведеніе философской литературы, въ которомъ матеріалистическая теорія защищалась бы во всей полнотѣ своего содержанія и своихъ

дѣйствительныхъ посылокъ. Зато слишкомъ часто наблюдается другое: появленіе сочиненій, даже цѣлыхъ школъ, въ которыхъ матеріализмъ проводится подъ чужимъ флагомъ, то черезъ подмѣну его во всѣхъ опасныхъ и щекотливыхъ пунктахъ агностицизмомъ позитивистовъ, то, какъ у новѣйшихъ эмпириокритицистовъ, черезъ слияніе его съ совершенно противоположными ему точками зрѣнія чистаго сенсуализма и даже субъективнаго идеализма, при чемъ вся догматика матеріализма на словахъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергается, а на дѣлѣ усерднымъ образомъ охраняется съ помощью удивительно ухищренныхъ манипуляцій надъ темными и вычурными терминами. Возникаетъ невольный вопросъ: отчего, если матеріализмъ всѣмъ такъ дорогъ и близокъ, его какъ-то не рѣшаются защищать прямо и открыто? Отчего философски размышляющіе люди его не проповѣдуютъ въ его чистомъ и настоящемъ видѣ, а предпочитаютъ подмѣнять его мало куда пригодными суррогатами? Мнѣ кажется, отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ: за послѣдніе полтора вѣка въ философіи и въ наукѣ произошли такія перемѣны, послѣ которыхъ матеріалистическая гипотеза въ своихъ принципиальныхъ основаніяхъ постепенно потеряла всякое философское правдоподобіе и потеряла его прочно.

И прежде всего логическому правдоподобію матеріализма, какъ объективной метафизической истины, нанесла совершенно непоправимый ударъ философія Канта. Какъ бы ни относились мы къ дѣлу Канта и какъ бы ни смотрѣли на его критическую философію въ цѣломъ, въ этомъ пунктѣ, кажется, всѣ должны оказать ему справедливость: ученіе Канта объ идеальности пространства и времени не прошло даромъ въ исторіи человѣческой мысли. Послѣ Канта нельзя стало смотрѣть на пространство и время, какъ на независимыя отъ нашей мысли и чувственной воспримчивости абсолютныя вмѣстилища, въ которыхъ искони вѣковъ, разъ навсегда заготовлены мѣста и сроки всѣхъ будущихъ вещей; въ нихъ стало нельзя видѣть первое реальное, отъ

котораго зависит всякая другая реальность. Такую оцѣнку слишкомъ часто внушалъ прирожденный человѣку наивный реализмъ, и вотъ Кантъ съ изумительной силой заставилъ почувствовать полную несостоятельность и рѣшительную немыслимость подобной оцѣнки. Этимъ самымъ онъ косвенно убивалъ матеріализмъ, какъ метафизическую систему, т.-е. какъ теорію, которая заявляетъ притязаніе на пониманіе истинной, независимой отъ насъ или абсолютной природы вещей. Вещество, матеріалистически понимаемое, всецѣло существуетъ въ пространствѣ и времени. Если ихъ абсолютная реальность заподозрѣна,—тѣмъ самымъ заподозрѣна и его реальность; если эта ихъ реальность отринута, тѣмъ самымъ отвергнута абсолютная матерія.

Впрочемъ, разрушительная роль Канта по отношенію къ матеріализму не ограничивается только его рѣшеніемъ проблемы о пространствѣ и времени. По общему строю его міросозерцанія, всѣ какія бы то ни было матеріальныя отношенія, свойства и данныя безусловно замыкались въ чувственно постигаемомъ феноменальномъ мірѣ, существующемъ только въ сознаніи человѣкоподобныхъ существъ, но ничто изъ этихъ свойствъ и отношеній не могло попасть въ умопостигаемый міръ независимыхъ отъ насъ реальностей. Въ Кантовскомъ мірѣ ноуменовъ не было мѣста ни для какихъ матеріальныхъ аналогій,—не даромъ Кантъ, несмотря на громко провозглашенный имъ принципъ теоретическаго агностицизма въ метафизикѣ, черезъ всю свою жизнь оставался глубоко убѣжденнымъ спиритуалистомъ.

И Кантъ не остался одинокимъ въ этомъ убійственномъ ударѣ матеріализму, какъ метафизической системѣ, нанесенномъ съ точки зрѣнія тѣхъ основныхъ понятій, съ которыми матеріализмъ обращается. Послѣ Канта возникъ цѣлый рядъ глубокихъ и талантливыхъ изслѣдованій, которыя невольно били въ то же больное мѣсто матеріалистической доктрины. Именно послѣ Канта особенно серьезно и строго были поставлены вопросы о психологическомъ происхожденіи нашихъ идей о пространствѣ, времени, отдѣльныхъ ма-

теріальныхъ свойствахъ, самомъ веществѣ и вещественномъ мірѣ, и съ каждымъ новымъ шагомъ въ этихъ изслѣдованіяхъ все болѣе становилось яснымъ, съ какими сложными, условными и производными продуктами нашего безотчетнаго, душевнаго творчества имѣемъ мы дѣло во всѣхъ подобныхъ концепціяхъ. Въ особенности сама собой выдвигалась неизбежная субъективность этихъ концепцій, ихъ соотнесенность съ законами, формами и условіями нашего духовнаго склада и съ непосредственными данными нашего сознанія. Этимъ система метафизическаго матеріализма подкапывалась въ самомъ своемъ фундаментѣ; вѣдь матеріализмъ весь коренится на безотчетномъ и некритическомъ переносѣ нѣкоторыхъ психическихъ данныхъ и вытекающихъ изъ нихъ общихъ представленій (о протяженности, тѣлесности, движеніи, сопротивленіи и проч.) на трансцендентную сущность, которой приписывается абсолютно *вънѣ-психическое* и *непсихическое* бытіе. Въ этомъ отношеніи психологія нашего ума является для матеріализма опаснѣйшимъ врагомъ.

А съ другой стороны матеріализмъ терпѣлъ удары отъ такой области, для которой онъ былъ неизсякаемымъ источникомъ ея наиболѣе популярныхъ гипотезъ, — я разумѣю область наукъ физическихъ въ широкомъ смыслѣ этого понятія. Матеріализмъ тѣсно сливается съ чисто механической гипотезой природы, — лучше сказать, онъ и есть только эта гипотеза, провозглашенная за абсолютную истину для всѣхъ вещей. Поэтому всякое колебаніе механическаго міропониманія ведетъ за собой сомнѣніе въ основахъ материалистической философіи. Между тѣмъ, если въ послѣдніе вѣка механическія толкованія явленій природы достигли небывалаго разнообразія и блеска, то съ другой стороны за эту же эпоху были сдѣланы смѣлыя попытки отстаивать немеханическіе взгляды на природные процессы. Еще въ XVIII вѣкѣ начинаютъ возникать динамическія теоріи вещества, обращающія элементы вещественной дѣйствительности въ идеальные центры силъ. Эта идея въ теченіе XIX столѣтія принимаетъ довольно разнообразныя формы. Наконецъ, въ

послѣднее время пользуется широкимъ распространеніемъ энергетическое ученіе о природѣ, еще болѣе рѣшительно отрицающее понятіе о веществѣ въ матеріалистическомъ смыслѣ. Нельзя также не отмѣтить перемѣнъ во взглядахъ на физическую природу, вызванныхъ новѣйшими научными открытіями. Сама механика въ своемъ прежнемъ, классическомъ видѣ, на которую раньше нерѣдко смотрѣли, какъ на чисто апріористическую науку, продиктованную самой организаціей нашего разума, начинаетъ колебаться въ своихъ основаніяхъ. Въ ней все болѣе начинаютъ подчеркивать условные, эмпирическіе, даже сомнительные элементы. А матеріализмъ, какъ мы знаемъ, въ значительной мѣрѣ представляетъ только возведеніе обычныхъ механическихъ понятій въ достоинство абсолютныхъ онтологическихъ нормъ. Въ наукѣ, повидимому, одерживаетъ побѣду символическое и абстрактно-математическое пониманіе природы вещества. Но въ такомъ пониманіи дается слишкомъ мало матеріала для поддержанія какой-нибудь опредѣленной метафизической догмы.

Если такимъ образомъ метафизическія притязанія матеріализма все менѣе находятъ себѣ опоры даже въ области наукъ физическихъ, онъ оказывается тѣмъ болѣе безсильнымъ, когда изъ него пытаются сдѣлать всеобъясняющую гипотезу при изученіи психическихъ явленій. Вообще, неспособность матеріализма обосновать и дѣйствительно объяснить возникновеніе и свойства какихъ бы то ни было психическихъ процессовъ еще со временъ древнихъ атомистовъ составляли его наиболѣе уязвимое мѣсто. И чѣмъ болѣе растутъ психологическія изслѣдованія, чѣмъ болѣе расширяются горизонты психологіи, чѣмъ болѣе тонкія и сложныя душевныя состоянія становятся предметомъ детального анализа, тѣмъ беспомощнѣе и бесполезнѣе является при ихъ толкованіи матеріалистическая метафизика. По этому поводу приходится сдѣлать важное общее замѣчаніе: матеріализмъ въ большей степени, чѣмъ какія-либо другія метафизическія гипотезы, зависитъ отъ отдѣльныхъ фактовъ. О такой зависи-

мости для другихъ метафизическихъ гипотезъ почти не приходится говорить. Ихъ повѣрка заключается въ ихъ принципиальной мыслимости въ качествѣ объясняющихъ предположеній по отношенію къ наблюдаемой дѣйствительности вообще; насколько хорошо онѣ объясняютъ одни факты, настолько же объясняютъ онѣ и всякіе другіе реальные и отвлеченные мыслимые факты. Если теорію агностицизма и ноуменизма считать по существу достаточной, она будетъ одинаково покрывать всѣ возможные факты опыта и между ними въ этомъ отношеніи едва ли можно установить какую-нибудь градацію. Если мы признаемъ спиритуализмъ, — въ формѣ ли монадологіи или въ формѣ Берклеевского субъективнаго идеализма, — едва ли можетъ быть рѣшительный споръ о томъ, какія явленія природы совмѣщаются съ этими точками зрѣнія, какія нѣтъ. Тѣ же замѣчанія можно сдѣлать о предположеніяхъ гилозоизма или дуализма. Всякіе факты, и дѣйствительные, и только вѣроятные, и просто отвлеченно-мыслимые могутъ быть при нихъ приняты съ этой самой своей характеристикой, какъ дѣйствительныхъ, вѣроятныхъ, возможныхъ. Матеріалистическая гипотеза въ этомъ смыслѣ находится въ совершенно исключительномъ положеніи: съ незапамятныхъ временъ она вынуждена была отрицать безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ фактовъ, которые въ обычномъ мнѣніи людей признавались возможными и вѣроятными или даже прямо дѣйствительными. Въ этой опредѣленности принциповъ матеріализма заключается ихъ своеобразное достоинство, благодаря которому онъ оказалъ немалыя заслуги въ исторіи культуры, но въ ней же лежитъ для него источникъ постоянной опасности: это единственная метафизическая система, которую могутъ убить отдѣльные факты. Допустимъ, на примѣръ, что неоспоримо доказанъ хотя одинъ случай *ясновидѣнія во времени*, т.-е. безотчетнаго интуитивнаго предвидѣнія какого-нибудь сложнаго будущаго событія во всей полнотѣ его подробностей, при чемъ не могло бы быть рѣчи ни о случайномъ совпаденіи, ни о рациональномъ предугадываніи на основаніи со-

временныхъ обстоятельствъ,—такой одинъ случай былъ бы смертнымъ приговоромъ для материалистической системы. Онъ находился бы съ ней въ явномъ противорѣчїи, потому что для материализма можно говорить о реальности настоящаго и реальности прошлаго, но нѣтъ совсѣмъ никакого смысла говорить о *данной реальности* будущаго; потому что для него вообще только прошлое опредѣляетъ будущее, а никакъ не наоборотъ. Между тѣмъ, можно ли съ абсолютною увѣренностію сказать, что ни одинъ подобный случай никогда не будетъ доказанъ? Вѣдь чѣмъ болѣе углубляемся мы въ изученіе душевной жизни, тѣмъ болѣе открывается передъ нами жуткихъ и странныхъ загадокъ. Вообще, плохо міросозерцанію, важнѣйшая опора котораго въ отрицаніи неизслѣдованныхъ фактовъ. Ничего нѣтъ труднѣе на свѣтѣ, какъ доказывать абсолютное несуществованіе чего бы то ни было. Между тѣмъ спиритуалистъ, или поборникъ агностицизма, или дуалистъ или даже гилозоистъ могли бы спокойно принять подобный доказанный случай: они знали бы, что произошелъ онъ или нѣтъ—это ничего не мѣняетъ въ истинной сути вещей.

Главная бѣда материализма однако далеко не въ томъ только, что нѣкоторые проблематическіе факты, если бы они были доказаны, составили для него величайшее затрудненіе—есть одинъ фактъ совсѣмъ не проблематическій, а, напротивъ, обладающій для насъ исключительной достовѣрностію и несомнѣнностію и который помирить съ материализмомъ никакъ не менѣе трудно, чѣмъ детальное предвидѣніе какихъ бы то ни было будущихъ событій. Если мы это не въ такой степени замѣчаемъ, то только потому, что этотъ фактъ очень для насъ привыченъ, да не новость и и весьма дурное положеніе, въ которомъ находится материализмъ по отношенію къ нему. Этотъ фактъ есть существованіе нашей психики или вообще какой бы то ни было психики, разъ мы допускаемъ ея существованіе въ природѣ. Въ чемъ основной тезисъ материализма, полагающій его коренное различіе отъ другихъ метафизи-

ческихъ теорій? Существуютъ только тѣла съ ихъ физическими и геометрическими свойствами, какъ чисто внѣшнее бытіе въ пространствѣ; и существуютъ движенія тѣлъ, какъ ихъ чисто внѣшняя переменна мѣста: кромѣ этого въ природѣ ничего нѣтъ. Иначе и еще короче эту мысль можно выразить такъ: въ природѣ все абсолютно объективно (физически предметно)—въ ней нѣтъ ничего субъективнаго. Но разъ мы это скажемъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ величайшій абсурдъ: субъективность есть данный, ничѣмъ неустрашимый фактъ. Мы думаемъ, чувствуемъ, хотимъ, испытываемъ отвращеніе, и никто насъ не убѣдитъ, что это неправда. Матеріалистъ скажетъ: наша субъективность есть тоже лишь эфемерный, случайный и непостижимый продуктъ объективнаго въ себѣ матеріальнаго процесса. Но вѣдь и о предвидѣннн будущаго можно, пожалуй, сказать, что оно есть непостижимый продуктъ матеріальнаго процесса; будетъ ли это объясненіе? На самомъ дѣлѣ психика вовсе не есть непостижимый продуктъ матеріальнаго процесса; она его *невозможный продуктъ*, если только этотъ процессъ есть то, что о немъ думаютъ матеріалисты. Пускай въ объективной реальности даны протяженные, непроницаемые, но безчувственные элементы (иныхъ элементовъ для матеріализма въ природѣ нѣтъ): какое взаимное расположеніе имъ ни давать и въ какія стороны ихъ ни двигать, какъ они станутъ ощущеніемъ цвѣта? Въ какой моментъ можно было бы поставить знакъ полнаго тождества между въ себѣ-безцвѣтнымъ движеніемъ и ощущеніемъ даннаго цвѣта? Или, какимъ образомъ и когда въ себѣ-беззвучное движеніе какихъ бы то ни было механическихъ частицъ можетъ оказаться ощущеніемъ звука? Или, какъ элементы, абсолютно безчувственные и бессознательные, только мѣняя мѣста, но внутренно оставаясь тѣмъ-же, чѣмъ были всегда, превратятся однако въ испытываемое нами чувство боли? Признать одно и тоже, въ одно и тоже время и ощущаемымъ и никѣмъ неоощаемымъ и сознательнымъ и совсѣмъ бессознательнымъ, и психическимъ и абсолютно непсихиче-

скимъ, не значить ли бросать отважный вызовъ самымъ элементарнымъ требованіямъ закона противорѣчія? Скажутъ ли, что здѣсь дѣло идетъ не о тождествѣ матеріальныхъ и психическихъ состояній,—а только о *превращеніи* однихъ въ другія? Но вѣдь весь вопросъ въ томъ, какъ мыслить такое превращеніе? Разъ вещество въ себѣ безчувственно, и въ немъ нѣтъ никакихъ другихъ процессовъ, кромѣ движеній въ себѣ безчувственныхъ частицъ, то и всякое превращеніе въ природѣ можетъ быть только такимъ движеніемъ. Но въ движеніи безсознательныхъ тѣлъ, какъ ни осложнять его механическую схему, все же кромѣ него самого ничего не будетъ. Какимъ же образомъ въ его результатѣ явятся субъективныя психическія состоянія, хотя, по предположенію, кромѣ него ничего нѣтъ? Къ какимъ бы словамъ мы ни прибѣгали, мы все-же окажемся не въ силахъ выразить въ материалистическихъ терминахъ то, что явно выходитъ за ихъ предѣлы. Въ этомъ заключается источникъ неизбѣжной неустойчивости материалистическихъ ученій въ тѣхъ случаяхъ, когда въ нихъ ставится серьезно вопросъ о возникновеніи психики. Имъ приходится отказываться отъ мысли, что протяженность, непроницаемость, подвижность, инерція и т. п. составляютъ единственныя, исчерпывающія и покрывающія все свойства матеріальной основы сущаго. Обыкновенно они бывають вынуждены или предположить внутреннюю рудиментарную одушевленность всѣхъ элементовъ вещества и въ извѣстной намъ психикѣ людей и животныхъ видѣть только концентрацію психическихъ способностей, разлитыхъ во всей природѣ, или прибѣгнуть къ неопредѣленнымъ соображеніямъ о томъ, что механическія свойства вещества представляютъ только относительное и феноменальное выраженіе его сущности для нашего внѣшняго опыта, достаточное для цѣлей естествознанія, но ничего не говорящее объ истинной сути матеріальнаго, которая навсегда останется непостижимою. Не нужно, однако, большой проницательности, чтобы замѣтить, что оба приведенныя предположенія выражаютъ рѣшительный отказъ

отъ матеріализма и принадлежать къ метафизическимъ объясненіямъ совсѣмъ другихъ типовъ: въ первомъ ясно высказывается точка зрѣнія *идеализма*, во второмъ *агностицизма* или *ноуменизма*.

Въ виду разсмотрѣнныхъ недостатковъ матеріализма, въ особенности послѣдняго, въ настоящее время все яснѣе обрисовывается для философской мысли, въ чемъ состоитъ его коренная несостоятельность, какъ метафизической системы: онъ совершенно не выдерживаетъ той единственной повѣрки, о которой вообще можно говорить по отношенію къ метафизическимъ гипотезамъ. Повѣрка всякой гипотезы заключается въ выводимости той реальности, для объясненія которой она придумана, изъ ея предположеній. Но для научныхъ гипотезъ такая повѣрка состоитъ въ выведеніи какой-нибудь частной группы фактовъ во всѣхъ ея особенностяхъ и связяхъ изъ опредѣленныхъ, предположенныхъ для нихъ специфическихъ причинъ. Метафизическія гипотезы уже не имѣютъ дѣла съ какими-нибудь частными, особыми фактами. Онѣ отвѣчаютъ на вопросъ объ общихъ условіяхъ и основаніяхъ возможности той дѣйствительности, которая непосредственно лежитъ передъ нами и прямо нами переживается. Эти гипотезы неизбѣжно трансцендентны по своему содержанію,—въ томъ смыслѣ, что кромѣ непосредственно даннаго нашему сознанію, мы признаемъ нѣчто отличное и независимое отъ него, какъ его причину. Мы не считаемъ непосредственно переживаемый міръ своего собственнаго сознанія за всю реальность,—вотъ въ чемъ лежитъ корень метафизики. Мы совершенно не можемъ удовлетвориться предположеніемъ, что вся дѣйствительность заключена въ случайномъ содержаніи нашего единичнаго опыта и что кромѣ моего *я*, съ наполняющими его мимолетными субъективными образованіями, ничего нѣтъ на свѣтѣ. Другими словами, всегдашнее оправданіе метафизики въ ея стремленіи утверждать существованіе трансцендентныхъ вещей, заключается въ немъ мыслимости солипсизма какъ законченнаго міросозерцанія. Нѣчто непосред-

ственно дано нашему сознанию, въ видѣ субъективныхъ переживаній нашей мысли, воли и чувства, съ одной стороны, въ видѣ бесконечно разнообразныхъ ощущеній и воспріятій, съ другой, — но оно полно противорѣчій и несообразностей, оно строитъ въ кричащемъ разногласіи съ очевидными требованіями и законами разума, если внѣ этого даннаго и кромѣ него ничего нѣтъ. Этимъ мысль невольно гонится въ трансцендентную сферу, за предѣлы субъективности. Подумаемъ только со всей серьезностью, въ какую логическую безурядицу обратится видимая вселенная, если до конца и совсѣмъ отвергнуть всякую реальность внѣ насъ, какъ матеріальныхъ вещей, такъ и сознающихъ себя личностей. Какъ мы могли убѣдиться въ предшествующихъ главахъ, намъ особенно трудно отринуть бытіе чужого сознания, чужой интеллигенціи, т.-е. бытіе другихъ психическихъ центровъ рядомъ съ нами. Между тѣмъ мы уже знаемъ, что предположеніе такого бытія есть по существу трансцендентное предположеніе и что кромѣ того въ немъ заключается неустрашимый поводъ къ цѣлому ряду другихъ трансцендентныхъ предположеній—о связи другихъ сознающихъ центровъ съ нами, объ объединяющей насъ съ ними средѣ и т. д. Въ силу этого мы съ неумолимою логикою объективируемъ въ безчисленныхъ направленіяхъ наши представленія въ независимую отъ насъ дѣйствительность. Мы это должны сдѣлать прежде всего потому, что безъ этого нашъ субъективный міръ былъ бы сплошнымъ и чудовищнымъ абсурдомъ.

Итакъ, метафизическія гипотезы создаются нашею потребностью объяснить и обосновать наличную дѣйствительность нашего непосредственнаго субъективнаго опыта. Изъ этого обратно вытекаетъ основной критерій пригодности всякаго метафизическаго предположенія, который въ то же время выражаетъ коренной принципъ повѣрки метафизическихъ гипотезъ: *только такая метафизическая гипотеза достигаетъ своей цѣли и можетъ претендовать на объективное признаніе, изъ*

которой логически объясняется и выводится непосредственная действительность нашего субъективнаго опыта, по крайней мѣрѣ, въ ея наиболее существенныхъ особенностяхъ, качествахъ и законахъ. Если этого требованія метафизическая гипотеза совершенно не удовлетворяетъ, она ни на что не нужна, хотя бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она отличалась логическимъ единствомъ, послѣдовательностью и стройностью. Во всякомъ случаѣ при этомъ уже нельзя говорить объ ея объективной истинности: каждая метафизическая гипотеза должна показать хотя бы общую и принципиальную мыслимость при ея посылкахъ непосредственнаго содержанія нашей субъективной жизни,—иначе она осуждаетъ себя безповоротно. И вотъ, какъ мы въ томъ могли убѣдиться изъ всего предшествующаго разсужденія, матеріализмъ совершенно не въ состояніи выполнить этой задачи. Напротивъ, въ этомъ пунктѣ его наиболее слабое мѣсто изъ всѣхъ указанныхъ раньше. А это значитъ, что матеріалистическая система не отвѣчаетъ самому первому и элементарному требованію философской повѣрки. Поэтому въ лучшемъ случаѣ можно говорить о немъ лишь какъ объ остроумной фикціи, удобной и полезной для различныхъ спеціальныхъ цѣлей, но ничего не открывающей намъ объ истинной природѣ вещей. Мысль о томъ, что въ матеріализмѣ дана объективная и полная истина о бытіи такъ же неправдоподобна, какъ было бы неправдоподобно отрицать у насъ существованіе нашихъ мыслей, чувствъ, желаній, ощущеній,—вообще всей нашей непосредственной внутренней жизни, хотя ея наличность въ насъ есть самое достоверное и безспорное изъ всего, что мы знаемъ. Чѣмъ строже становится философская мысль, чѣмъ болѣе разсѣвается ореоль непосредственной убѣдительности, окружающій реалистическія посылки объ абсолютномъ бытіи пространства, времени, воспринимаемыхъ матеріальныхъ качествъ и т. п., тѣмъ опредѣленнѣе и неустрашимѣе надвигается этотъ выводъ. Невольно, по этому поводу, припоминаются мѣткія

слова покойнаго кн. С. Н. Трубецкого: „Въ наши дни, послѣ вѣкового развитія критической философіи, матеріализмъ представляется столь же отжившею теоріей, какъ, напр., геоцентрическая теорія“. Дѣйствительно, можно сказать, что философскій матеріализмъ уже конченъ или, по крайней мѣрѣ, онъ кончается, хотя еще широко вдохновляетъ жизненное міросозерцаніе нашихъ современниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. Лопатинъ.

Этическія воззрѣнія Шефтсбѣри ¹⁾).

IX.

Сходство функціи моральнаго чувства съ процессомъ обыкновеннаго ощущенія заключается, между прочимъ, въ томъ, что какъ различныя вещи или образы—будутъ ли это цвѣта, звуки или что-нибудь подобное—движутся передъ нашими глазами и дѣйствуютъ на наши чувства даже во время сна, такъ и въ отношеніи моральной и интеллектуальной области формы и образы вещей являются не менѣ активными и воздѣйствующими на нашъ духъ постоянно и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда самихъ объектовъ нѣтъ налицо. Къ этому воздѣйствію не можетъ остаться вполне равнодушнымъ и наше сердце, которое также принимаетъ участіе въ этомъ процессѣ. Какъ бы ни было оно развращено, оно, какъ это наблюдается и въ области эстетики, однакожъ находитъ различіе между однимъ сердцемъ и другимъ, между однимъ направленіемъ аффекта, поведенія или чувства и другими оттѣнками этихъ душевныхъ процессовъ. Отсюда даже во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно непосредственно не заинтересовано, оно можетъ въ нѣкоторой мѣрѣ одобрять то, что естественно и честно, а не одобрять того, что безчестно и развращенно ²⁾. Такимъ образомъ, когда нѣкоторыя склонности, расположенія и вытекающее изъ нихъ поведеніе предстанетъ передъ нашимъ духомъ,

¹⁾ № 82 «Вопр. Фил. и Псих.».

²⁾ Ib. p. 29—30.

уже способнымъ различать хорошее и плохое въ отношеніи къ цѣлому виду, возникаетъ новый судъ или новое проявленіе дѣятельности сердца. Последнее должно или дѣйствительно глубоко желать того, что справедливо и истинно, или отвращаться отъ того, что противоположно этому, или, наконецъ, развращенно стремиться къ тому, что является зломъ, и не желать истинно достойнаго и добраго. Только въ томъ случаѣ, продолжаетъ Шефтсбѣри, мы можемъ назвать созданіе добродѣтельнымъ или достойнымъ вмѣненія, если оно можетъ имѣть понятіе объ общественномъ интересѣ и можетъ достигнуть знанія о томъ, что въ нравственномъ отношеніи хорошо или дурно, достойно похвалы или порицанія, право или неправо. И хотя мы въ разговорномъ языкѣ называемъ злую или вообще нехорошую лошадь „порочною“ или „съ порокомъ“, но мы никогда не выражаемся о хорошей лошади или какомъ-нибудь другомъ животномъ или объ идиотѣ, что какое-либо изъ этихъ существъ обладаетъ такими природными хорошими качествами, что оно добродѣтельно или заслуживаетъ истиннаго вмѣненія. Такимъ образомъ, если созданіе великодушно, ласково, вѣрно, сострадательно, но если оно не въ состояніи размышлять о томъ, что оно дѣлаетъ, или что дѣлаютъ другіе, и не въ состояніи составить понятіе о томъ, что достойно и честно, или сдѣлать эту концепцію объектомъ своего аффекта, то оно не можетъ быть названо истинно добродѣтельнымъ существомъ, ибо оно не имѣетъ „чувства праваго и неправаго“ (sense of right or wrong)¹⁾.

Что касается теперь понятія „неправое или злое“ (wrong), то все, что обусловливаетъ непониманіе достоинства и цѣнности объекта, уменьшая силу необходимаго, соціальнаго аффекта и усиливая отрицательный, эгоистическій аффектъ, должно по необходимости вызывать зло. При этомъ ошибка въ фактѣ или неправильное истолкованіе факта, не вызывая за собою дурнаго аффекта, не можетъ быть причиною по-

¹⁾ Ib., p. 30—31.

рока. Но ошибка въ самомъ пониманіи истинно праваго или нравственнаго, являясь причиною отрицательнаго аффекта, по необходимости служить основою порочнаго дѣйствія во всякомъ разумномъ существѣ. Все это показываетъ намъ, насколько добродѣтель зависитъ отъ знанія „праваго“ и „неправаго“ и отъ участія разума, достаточнаго для того, чтобы обезпечить себѣ правильную утилизацію аффектовъ ¹⁾).

Итакъ, если тѣ созданія, на которыхъ объекты дѣйствуютъ только черезъ внѣшнія чувства, считаются хорошими или дурными, въ зависимости отъ аффектовъ, связанныхъ съ этими именно впечатлѣніями, то въ существахъ, способныхъ къ созданію рациональныхъ объектовъ нравственнаго блага, дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Пусть у такого существа много такихъ нежелательныхъ аффектовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ воздѣйствію на болѣе грубую часть человѣческой природы, однако же, если эти аффекты не являются, благодаря упомянутымъ рациональнымъ аффектамъ, преобладающими, то, очевидно, характеръ въ существѣ своемъ долженъ считаться хорошимъ, и такое лицо по справедливости почитается всѣми за добродѣтельнаго человѣка. Болѣе того, если человѣкъ отъ природы легко поддается страстямъ, скоро раздражается или слишкомъ быстро влюбляется, или отличается трусостью и если, несмотря на все это, онъ является добродѣтельнымъ, то добродѣтельное его поведеніе еще болѣе цѣнно въ нашихъ глазахъ, особенно если онъ дѣйствуетъ при такихъ обстоятельствахъ совершенно свободно, а не подъ вліяніемъ какого-нибудь принужденія. Такимъ образомъ, добродѣтель культивируется разумными созданіями въ различныхъ формахъ, именно поскольку такія существа являются разумными. Добродѣтель и порокъ поэтому какъ бы соединены между собой, и мы постоянно наблюдаемъ въ характерахъ людей то проявленіе порочныхъ дѣйствій, то обнаруженіе добродѣтельныхъ поступковъ. Даже злодѣй, повидимому, не обна-

¹⁾ Ib., p. 33—35.

руживающій никакого признака честности и вѣрности, отказывается назвать своихъ сообщниковъ и скорѣе готовъ подвергнуться пыткамъ, чѣмъ выдать своихъ товарищей, и въ этомъ случаѣ онъ является въ нѣкоторомъ отношеніи добродѣтельнымъ. Поэтому какъ трудно сказать о какомъ-нибудь человѣкѣ, что онъ совершеннѣйшій атеистъ, такъ же трудно утверждать о комъ-нибудь, что онъ является абсолютно порочнымъ или безусловно добродѣтельнымъ. Гораздо ближе къ истинѣ будетъ сказать, что трудно найти человѣка безусловно дурного, какъ и безусловно хорошаго ¹⁾).

Х.

Дальнѣйшія особенности моральнаго чувства указываются у Шефтсбѣри въ связи съ анализомъ тѣхъ уклоненій, которыя встрѣчаются въ конкретныхъ обнаруженіяхъ этой функціи, особенно при соприкосновеніи съ различными видами религіозной жизни. Такъ какъ природа добродѣтели, по Шефтсбѣри, заключается въ извѣстномъ нормальномъ расположеніи или въ гармоничномъ стремленіи разумнаго существа къ нравственнымъ объектамъ блага или зла, то принципы добродѣтели могутъ нарушаться или благодаря полной уtratѣ нравственнаго чувства, или въ силу искаженія этого чувства, выражающагося въ неправильномъ пониманіи того, что хорошо и что дурно, или, наконецъ, вслѣдствіе развитія и укорененія совершенно противоположныхъ аффектовъ.

Что касается перваго случая, то, по мнѣнію философа, такъ какъ чувство праваго и неправаго является естественнымъ или природнымъ аффектомъ и относится къ сущности нашей конструкціи, то ни одно спекулятивное мнѣніе, ни одно убѣжденіе или вѣрованіе не можетъ прямо или непосредственно разрушить его или элиминировать изъ нашей природы. Того, что является существующимъ у насъ отъ природы,

¹⁾ Ib., p. 36—39.

не можетъ ничто искоренить, кромѣ, быть можетъ; совершенно противоположной привычки (второй природы). Поэтому ни теизмъ, ни атеизмъ, ни демонизмъ, ни какое-либо другое направленіе религіозной или безрелигіозной мысли не можетъ оказывать непосредственнаго воздѣйствія въ этомъ случаѣ; они могутъ вліять только посредственно, путемъ возбужденія, на почвѣ этихъ религіозныхъ вѣрованій, соотвѣтственныхъ—благопріятныхъ или противоположныхъ аффектовъ¹⁾.

Что касается, далѣе, извращенія или искаженія моральнаго чувства, то въ этомъ случаѣ большая роль принадлежитъ, по мнѣнію Шефтсбѣри, религіи или, вѣрнѣе, религіознымъ суевѣріямъ. Благодаря послѣднимъ, божество часто надѣляется такими свойствами, которыя не согласуются съ истиннымъ понятіемъ нравственнаго; отсюда искаженныя моральныя концепціи, тѣмъ сильнѣе укрѣпляющіяся, чѣмъ выше божественный авторитетъ, освящающій ихъ. Вездѣ, говоритъ Шефтсбѣри, гдѣ только наблюдается глубокое почитаніе божества, которое надѣляется свойствами, противорѣчащими истинно доброму и справедливому, мы встрѣчаемъ утрату правоты, нарушеніе правильной мысли, извращеніе настроенія въ вѣрущемъ. Преданность послѣдняго божеству питается только фанатизмомъ, создающимъ благочестіе совсѣмъ не нравственнаго характера. Такимъ образомъ, отрицательныя свойства божества могутъ содѣйствовать только ослабленію природнаго чувства праваго и неправаго, хотя, съ другой стороны, ничто такъ не можетъ усиливать и укрѣплять этого чувства, какъ вѣра въ такое божество, которое является воплощеніемъ идеальной справедливости и высочайшей благодати. Въ виду этого о религіи можно сказать, что она можетъ приносить и пользу, и вредъ, такъ что атеизмъ въ этомъ отношеніи оказывается болѣе безразличнымъ явленіемъ, если его разсматривать только какъ атеизмъ²⁾.

¹⁾ Ib., p. 40—45.

²⁾ Ib., p. 45—52.

Наконецъ, истинное моральное чувство можетъ искажаться, по мнѣнію Шефтсбѣри, благодаря противоположнымъ аффектамъ, укрѣпляющимся въ нашей душѣ. Происхождение этихъ аффектовъ опять находится въ связи съ религіозными представленіями, которыя также часто оказываются разрушительными для настоящаго нравственнаго чувства. Такъ, сюда можетъ относиться представленіе о божествѣ, какъ всемогущей силѣ, вынуждающей повиновение своей абсолютной волѣ путемъ наградъ и наказаній. Въ такомъ случаѣ человѣкъ можетъ дѣлать добро, которое ему внутренне противно, или избѣгать зла, которое на самомъ дѣлѣ для него очень привлекательно. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о добродѣтели или порокахъ, ибо въ этомъ случаѣ не можетъ быть истиннаго вмѣненія, такъ какъ существо дѣйствуетъ здѣсь не свободно, а подъ вліяніемъ страха. Въ созданіи, дѣйствующемъ при такихъ условіяхъ, правоты, истиннаго благочестія, святости не больше, чѣмъ сколько кротости и смиренія въ крѣпко связанномъ тигрѣ или повиновенія и воздержанія въ обезьянѣ, которая подчиняется только дисциплинѣ кнута. Если въ такихъ существахъ и можно наблюдать акты подчиненія и самоограниченія, то они носятъ совершенно рабскій характеръ и не имѣютъ нравственнаго значенія. То же самое нужно сказать и о такомъ качествѣ, которое иногда также очень цѣнится въ религіи— преданности волѣ Божіей или резиньяціи. Конечно, иногда это состояніе можетъ вытекать и изъ высокаго моральнаго настроенія, но нерѣдко оно коренится также въ ожиданіи возмездія — и именно въ смыслѣ награды — въ будущей жизни. Въ такомъ случаѣ, — говоритъ Шефтсбѣри, — человѣкъ нерѣдко отказывается отъ удовольствій настоящей жизни только потому, что надѣется получить еще большія удовольствія въ жизни загробной, слѣдовательно, эгоистическій элементъ выступаетъ здѣсь очень прозрачно ¹⁾. Истинно-добродѣтельный человѣкъ не нуждается въ такомъ внѣш-

¹⁾ Иб., р. 53—60.

Вопросы философіи, кн. 83.

немъ стимулъ: онъ счастливъ своею добродѣтелью, поставляя прочія удовольствія гораздо ниже блага, заключающагося въ сознаніи исполненнаго долга ¹⁾).

ХІ.

Такова, по представленію Шефтсбѣри, природа моральнаго чувства, какъ оно проявляется въ разнообразныхъ актахъ, имѣющихъ нравственное значеніе.

За этимъ анализомъ у философа естественно возникаетъ вопросъ, въ чемъ же заключается источникъ обязательности добродѣтели, иначе—почему мы должны предпочитать жизнь, согласную съ принципами добродѣтели, порочному времяпрепровожденію. Отвѣтъ на этотъ вопросъ предполагается уже даннымъ въ ранѣе изложенномъ ученіи Шефтсбѣри объ аффектахъ, о ихъ гармоніи, которою и обуславливается добродѣтельное поведеніе. Гармоническое отношеніе между двумя главными типами аффектовъ—эгоистическихъ и социальныхъ (или естественныхъ въ собственномъ смыслѣ) и устанавливаетъ то, что обыкновенно именуется правотою, честностью, добродѣтелью ²⁾). Для утвержденія такого рода поведенія нѣтъ необходимости въ какой-либо внѣшней санкціи,—оно диктуется самою жизнью, ибо послѣдняя была бы невозможна, если бы человѣкъ, какъ социальное существо, не пытался установить гармоніи между различными типами своихъ аффектовъ. Слѣдованіе исключительно эгоистическимъ инстинктамъ можетъ привести, въ силу своеобразныхъ условій общественной жизни, къ полному исчезновенію индивидуума съ жизненной сцены, такъ что человѣкъ, сдѣлавшись подлымъ рабомъ своихъ крайне-эгоистическихъ аффектовъ, какъ бы совершаетъ самоубійство. Должно признать за несомнѣнное,—говоритъ Шефтсбѣри, — что разъ зло, безнравственное дѣйствіе не можетъ произойти безъ того, чтобы этимъ не дѣлалась новая брешь

¹⁾ The moralists. Works, v. II, p. 292.

²⁾ Inquiry, p. 77.

или увеличивалась старая въ нашемъ нравственномъ характерѣ, то всякій, кто совершаетъ зло или поступаетъ въ ущербъ своей правотѣ, цѣльности своей природы или умаляетъ нравственную цѣнность своей личности,—дѣйствуетъ съ большей жестокостью, чѣмъ тотъ, кто не колеблется проглотить что-нибудь ядовитое или кто добровольно нанести серьезныя пораненія своему собственному тѣлу ¹⁾.

Какъ получается эта гармонія аффектовъ, объ этомъ мы уже достаточно говорили и считаемъ излишнимъ еще разъ возвращаться къ этому. Мы приведемъ только заключительныя слова трактата Шефтсбѣри, гдѣ авторъ еще разъ стараются подчеркнуть свою мысль о тождествѣ счастья и добродѣтели, какъ послѣдняя осуществляется въ результатѣ упомянутой гармоніи. Счастье и благо добродѣтели,—говоритъ Шефтсбѣри,—выводится нами изъ аффектовъ, которые соотвѣтствуютъ природѣ и экономіи рода. Мы перечислили всѣ отдѣльныя единицы, изъ которыхъ (какъ бы путемъ сложенія или вычитанія) получается общая сумма счастья. И если ни одного числа въ этой моральной ариеметикѣ нельзя исключить, то, значить, трактуемый предметъ имѣетъ такую же высокую степень очевидности, какую мы находимъ въ области ариеметики или вообще математики. Вѣдь если мы и распространимъ скептицизмъ до крайнихъ предѣловъ и усомнимся во всемъ окружающемъ насъ, то все-таки мы не можемъ сомнѣваться въ томъ, что происходитъ внутри насъ. Наши аффекты извѣстны намъ, они вполнѣ достовѣрны для насъ, чѣмъ бы ни были предметы, къ которымъ они относятся... Вообще, повидимому, совсѣмъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что было сказано относительно превосходства духовныхъ удовольствій передъ чувственными наслажденіями и даже относительно преимущества послѣднихъ, если они сопровождаются благожелательными аффектами и проявляются въ умѣренной формѣ, передъ тѣми, для которыхъ не ставится никакихъ границъ

¹⁾ *Иб.*, р. 85.

и которыя не имѣють подъ собой никакой соціальной почвы. Не менѣе очевидности и въ томъ, что было сказано относительно объединенной структуры духа и тѣхъ аффектовъ, которые составляютъ характеръ и какъ бы образуютъ самую душу, съ чѣмъ непосредственно связано счастье и несчастье. Было показано, что въ силу такого расположенія поврежденіе одной части должно сказаться ущербомъ для другихъ частей и даже для всего цѣлаго, именно благодаря необходимой связи и равновѣсія аффектовъ; что тѣ самыя страсти, вслѣдствіе которыхъ люди становятся порочными, являются источниками мукъ и болѣзней, и что все, что дѣлается какъ завѣдомо дурное, должно предполагать и злую совѣсть, а все это, поскольку здѣсь встрѣчается настоящее зло, должно ухудшать или портить соціальныя наслажденія, а также ослаблять склонность къ тому, чтобы проявить благожелательные аффекты или испытать такое благожелательное отношеніе со стороны другихъ. Такимъ образомъ, мы лишаемся возможности принять участіе въ радости или счастья другихъ, или встрѣтить сочувственное отношеніе къ самимъ себѣ, а между тѣмъ въ этомъ заключаются наши высшія духовныя наслажденія... Изъ этого, — продолжаетъ философъ, — вытекаетъ, что уступки въ отношеніи какого-нибудь злого или безнравственнаго дѣйствія есть нарушеніе собственнаго интереса и ведетъ къ величайшимъ бѣдствіямъ. Съ другой стороны, все, что содѣйствуетъ успѣху добродѣтели и укрѣпляетъ истинныя или соціальныя аффекты, влечетъ выгоды для насъ самихъ и обезпечиваетъ самое прочное счастье. Итакъ, — заключаетъ Шефтсбери, — мудрость того, что является правящимъ, первымъ и главнымъ въ природѣ, устроила такъ, чтобы собственный интересъ совпадалъ съ общимъ благомъ, и если существо не заботится о послѣднемъ, то вредитъ самому себѣ и удаляется отъ собственнаго счастья... Поэтому добродѣтель, которая изъ всего прекраснаго есть самое главное и привлекательное, которая является опорой и украшеніемъ человѣческихъ дѣлъ, которая создаетъ общеніе, поддерживаетъ связь, дружбу и согласіе

между людьми, которая дѣлаетъ счастливыми какъ цѣлыя страны, такъ и отдѣльныя семьи и при недостаткѣ которой все, какъ бы оно ни было красиво, велико, благородно и достойно, должно погибнуть,—это единственное качество, столь благодѣтельное для общества и для человѣческаго рода вообще, оказывается одинаково счастьемъ и благомъ для каждаго созданія въ частности. Именно въ немъ одномъ человекъ можетъ найти счастье и безъ него онъ оказывается жалкимъ. Отсюда добродѣтель является благомъ, а порокъ зломъ—для всякаго ¹⁾).

XII.

Охарактеризованные моральные взгляды Шефтсбѣри, при болѣе глубокомъ анализѣ, обнаруживаютъ значительные слѣды эклектизма. Этотъ эклектизмъ имѣетъ свои корни прежде всего въ античной философіи, которую съ такимъ жаромъ изучалъ англійскій моралистъ еще въ дни своей ранней юности. Самый этический идеаль—гармонія и симметрія въ дѣятельности аффектовъ—несомнѣнно, почерпнуть отсюда и имѣетъ свой источникъ въ греческой „*καλαγῆτια*“. Этотъ идеаль, какъ извѣстно, нашелъ своеобразное воплощеніе въ моральныхъ ученіяхъ Платона и Аристотеля, и вліяніе послѣднихъ мыслителей, несомнѣнно, можно констатировать въ главнѣйшихъ этическихъ концепціяхъ Шефтсбѣри. Но еще бѣльшая доля воздѣйствія въ этомъ генезисѣ морали англійскаго философа принадлежитъ важнѣйшимъ теченіямъ послѣ-аристотелевской философіи — стоикамъ и эпикурейцамъ. Что касается стоиковъ, то основные принципы ихъ этики съ перваго взгляда могутъ показаться очень чуждыми моральнымъ воззрѣніямъ Шефтсбѣри. Послѣдній во главу своей этики ставитъ ученіе объ аффектахъ, которые, по представленію англійскаго философа, играютъ большую роль въ нашей нравственной дѣятельности, между тѣмъ

¹⁾ Ib., p. 172—176.

какъ стойки на важнѣйшія проявленія аффективной жизни—удовольствіе и неудовольствіе — смотрять какъ на своеобразныя патологическія состоянія. Но этотъ стоическій ригоризмъ, какъ извѣстно, значительно ослабляется у позднѣйшихъ представителей системы, а въ то же время и Шефтсбѣри, какъ мы видѣли, далеко не всѣ аффекты считаетъ нормальнымъ проявленіемъ человѣческой природы, такъ что и здѣсь нѣтъ вполне исключющей противоположности. Что же касается дальнѣйшихъ основныхъ пунктовъ стоической доктрины, то здѣсь мы можемъ встрѣтить много общаго съ этическими принципами англійскаго мыслителя. Сюда можно отнести основной принципъ стоической морали—живи сообразно съ природой, что находитъ несомнѣнное отраженіе въ воззрѣніяхъ Шефтсбѣри объ экономіи аффектовъ; здѣсь же нужно отмѣтить яркую оптимистическую окраску всего міросозерцанія, которая такъ замѣтно бросается въ глаза какъ у стоиковъ, такъ и у британскаго моралиста; наконецъ, достойно упоминанія сходство иногда и въ самомъ изложеніи, которое нерѣдко и тамъ и здѣсь принимаетъ оттѣнокъ нѣкоторой декламации.

Наряду со стойками можно открыть воздѣйствіе на Шефтсбѣри и противоположной доктрины античной морали—эпикуреизма. Вліяніе послѣдняго сказывается прежде всего въ общей эвдемонистической тенденціи, которая такъ ясно выступаетъ какъ у Эпикура, такъ и у защитника принципа „moral sense“. Въ связи съ этимъ находится и принципъ расцѣнки удовольствій, который игралъ такую большую роль какъ въ эпикурейской доктринѣ, такъ и у англійскаго моралиста, стремившагося чисто рациональнымъ путемъ доказать превосходство естественныхъ или социальныхъ инстинктовъ. Рационалистическій элементъ, какъ извѣстно, выступаетъ очень замѣтно во всѣхъ системахъ античной этики, и эти черты находятъ свое отраженіе у Шефтсбѣри не только въ его ученіи о гармоніи аффектовъ, но и въ его разсужденіи о природѣ нравственнаго чувства (moral sense). Что касается послѣдняго, то истинный характеръ его не вы-

ясняется съ достаточною полнотою изъ тѣхъ мѣсть, которыя мы привели относительно этой душевной функціи. Повидимому, эта душевная способность носить скорѣе интуитивный характеръ и не представляетъ собою какой-либо специальной формы интеллектуальной дѣятельности, но уже самое наименованіе ея „раціональные или рефлектированные аффекты“ указываетъ, что сюда входитъ элементъ нѣкотораго разсужденія, которое оперируетъ надъ данными непосредственнаго нравственнаго сознанія.

Но указанными теченіями античной мысли не исчерпываются вліянія, подъ которыми создались главнѣйшія моральныя воззрѣнія Шефтсбѣри. Здѣсь не малая роль принадлежитъ англійскимъ моралистамъ—предшественникамъ Шефтсбѣри, и послѣдній развиваетъ свои воззрѣнія въ противобѣсъ однимъ изъ нихъ и въ согласіи и дополненіи съ другими. Типичнѣйшимъ представителемъ первыхъ является знаменитый Т. Гоббсъ, съ его ученіемъ о преобладаніи чисто эгоистическихъ побужденій въ самыхъ нѣдрахъ человѣческой природы. Шефтсбѣри, какъ мы видѣли, выдвигаетъ на первый планъ соціальныя инстинкты и отгнѣняетъ ихъ громадное значеніе въ общей экономіи человѣческой жизни. Въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ счастливаго предшественника въ очень извѣстномъ англійскомъ моралистѣ, принципиальномъ антагонистѣ Гоббса. Мы разумѣемъ епископа питерсбургскаго Р. Кумберленда, написавшаго обширный трактатъ противъ Гоббса ¹⁾. Въ противоположность послѣднему, Кумберлендъ подчеркиваетъ альтруистическія или соціальныя тенденціи человѣческой природы, такіе аффекты, какъ благожелательность, любовь къ другимъ людямъ, которые являются необходимыми условіями человѣческаго общежитія. Подобно Шефтсбѣри, Кумберлендъ утверждалъ, что человѣкъ есть членъ въ

¹⁾ Cumberland. De legibus naturae disquisitio philosophica, in qua earum forma, summa, capita, ordo, promulgatio e rerum natura investigantur, quin etiam elementa philosophiae Hobbianae cum moralis tum civilis considerantur et refutantur. London, 1672.

общей системѣ разумныхъ существъ. Только выполняя свое назначеніе какъ члена социальнаго цѣлаго, человѣкъ можетъ обезпечить себѣ существованіе, такъ что даже его само-сохраненіе тѣсно связано съ требованіями взаимной солидарности. По словамъ Кумберленда, если бы главная цѣль человѣческой жизни состояла только въ самосохраненіи, то и въ такомъ случаѣ человѣкъ долженъ былъ бы стремиться къ общему благу и заботиться объ общемъ счастьѣ, ибо только при этомъ условіи онъ могъ бы достигнуть и личнаго счастья ¹⁾.

Наконецъ, заканчивая анализъ элементовъ, изъ которыхъ сложились моральныя воззрѣнія Шефтсбѣри, нельзя не отмѣтить воздѣйствія его воспитателя—знаменитаго Локка. Впрочемъ, воздѣйствіе это было скорѣе отрицательное, и несомнѣнно, та полемика Шефтсбѣри противъ элементарныхъ формъ религіозной санкции, о чемъ у насъ была рѣчь выше, имѣетъ въ виду этическіе взгляды Локка.

Но не смотря на то, что моральное ученіе Шефтсбѣри заключаетъ въ себѣ достаточную долю эклектизма, въ этой системѣ есть нѣчто оригинальное и самобытное, что обезпечило творцу этой доктрины довольно крупное мѣсто въ исторіи развитія этической проблемы. Самостоятельность англійскаго моралиста заключается не въ указаніи совершенно новыхъ и дотолѣ невѣдомыхъ точекъ зрѣнія, а въ томъ, что онъ болѣе выпукло и иногда въ своеобразныхъ комбинаціяхъ выставляетъ тѣ принципы, которые въ зачаточной и часто неопредѣленной формѣ находились уже у нѣкоторыхъ изъ его предшественниковъ. Сюда нужно отнести основной принципъ утилитаризма, поскольку понятіе добродѣтели отождествляется съ понятіемъ счастья и пользы. Такъ какъ личное счастье или индивидуальное благосостояніе, по мнѣнію Шефтсбѣри, тѣсно связано съ на-

¹⁾ Ср. А. Смирновъ. Исторія англійской этики. Казань, 1880, стр. 378—388. Эта цѣнная работа содержитъ прекрасную характеристику раннѣйшихъ теченій англійской морали (оканчивая Кумберлендомъ).

шимъ благожелательнымъ отношеніемъ къ другимъ людямъ, то отсюда выдвиганіе англійскимъ моралистомъ соціальныхъ инстинктовъ и подчеркиваніе неизбежнаго взаимодействія между эгоистическими тенденціями и альтруистическими побужденіями. Отсюда же эта потребность въ гармоніи аффектовъ и эстетическій колоритъ этики Шефтсбѣри, обязанный своимъ генезисомъ въ значительной степени также симпатіямъ философа къ античнымъ идеаламъ. Далѣе у Шефтсбѣри, параллельно умѣряющей силѣ разума, о чемъ такъ много говорилось въ античной морали, выдвигается новая душевная функція—моральное чувство, дѣятельность, недостаточно ясная и опредѣленная подъ перомъ самого Шефтсбѣри, но получившая болѣе точную квалификацію у послѣдователей британскаго моралиста, когда она сближается съ тѣмъ, что обыкновенно именуется совѣстью, нравственнымъ сознаніемъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще одной особенности въ этической доктринѣ Шефтсбѣри: его отрицательнаго отношенія къ внѣшнимъ санкціямъ, особенно религіознымъ, поскольку ожиданіе награды или наказанія разсматривается какъ одинъ изъ главныхъ стимуловъ нравственной дѣятельности. Хотя Шефтсбѣри и не отвергаетъ, что религія въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ оказывать благотворное воздѣйствіе на нашу моральную дѣятельность, однако въ упомянутомъ отрицательномъ отношеніи къ традиціоннымъ религіознымъ санкціямъ нельзя не видѣть ясно выраженнаго принципа автономіи морали, что въ послѣдствіи такъ сильно было подчеркнуто въ этикѣ категорическаго императива.

XIII.

Всѣ эти главнѣйшіе этические принципы Шефтсбѣри не остались незамѣченными современниками и ближайшими послѣдующими мыслителями, которые сумѣли оцѣнить важность основныхъ точекъ зрѣнія философа, хотя далеко не всегда были готовы раздѣлять взгляды моралиста, хотя бы въ ихъ самыхъ существенныхъ чертахъ. Такимъ образомъ, мы сравнительно вскорѣ послѣ смерти философа встрѣча-

емъ мыслителей, которые продолжаютъ и развиваютъ доктрину Шефтсбѣри, правда, привнося сюда нѣчто новое. Въстѣ съ тѣмъ, очень рано же выступаютъ философы, относящіеся самымъ отрицательнымъ образомъ къ самымъ основаніямъ моральной системы Шефтсбѣри. Въ числѣ первыхъ мы можемъ назвать епископа Бѣтлера и профессора Гетчесона, въ числѣ вторыхъ—Мандевилля и одного изъ крупнѣйшихъ философовъ Англіи—Д. Беркли. Бѣтлеръ изложилъ свои воззрѣнія въ сочиненіи „Аналогія религіи — естественной и откровенной—съ устройствомъ и теченіемъ природы“ ¹⁾ и еще раньше въ „Пятнадцати рѣчахъ о человѣческой природѣ или о человѣкѣ, разсматриваемомъ, какъ моральный агентъ“ ²⁾. Взгляды Гетчесона изложены главнымъ образомъ въ его сочиненіи „Ислѣдованіе объ оригиналѣ нашихъ идей красоты и добродѣтели“ ³⁾. Что касается теперь противниковъ Шефтсбѣри, то Мандевиль критикуетъ англійскаго моралиста въ своей знаменитой „Баснѣ о пчелахъ“, которая въ своихъ позднѣйшихъ изданіяхъ обратилась въ двухтомный трактатъ ⁴⁾. Беркли полемизировалъ съ Шефтсбѣри въ своемъ „Алсифронѣ или мелкокомъ философѣ“, вышедшемъ въ 1732 г. ⁵⁾. Но мы не будемъ сейчасъ останавливаться ни на послѣдователяхъ англійскаго моралиста, ни на его противникахъ, ибо мы намѣрены посвятить особый очеркъ характеристикѣ этихъ позднѣйшихъ теченій этической мысли въ Англіи,—упомянемъ только, что основныя воззрѣнія Шефтсбѣри представляли благодарный матеріалъ для критики, и вотъ почему даже ближайшіе послѣдователи

1) Butler I. The analogy of religion, natural and revealed, to the constitution and course of nature. London, 1736.

2) Butler I. Fifteen sermons upon human nature or man, considered as a moral agent. London, 1726.

3) Hutcheson F. Inquiry into the original of our ideas of beauty and virtue. London, 1725.

4) Mandeville B. The fable of bees. London, 1714. Первое изданіе «басни» (въ 1706 г.) не обратило на себя особеннаго вниманія, и сочиненіе получило популярность послѣ повторныхъ изданій, вышедшихъ съ большими дополненіями (въ 1714 и 1723 гг.).

5) Berkeley. Alciphron or the minute philosopher. London, 1732.

британскаго мыслителя далеко не являются его правовѣрными учениками. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ много неясностей и неопредѣленностей въ самыхъ кардинальныхъ пунктахъ этической доктрины Шефтсбѣри. Такъ, прежде всего, относительно самаго принципа гармоніи необходимо замѣтить, что, перенесенный изъ области эстетики въ сферу морали, онъ едва ли можетъ считаться вполне довлѣющимъ въ этой послѣдней области. Если здѣсь и можно говорить о гармоніи, то она настолько своеобразна по сравненію съ эстетической, что объ отождествленіи блага и красоты, съ чѣмъ мы встрѣчаемся какъ у нѣкоторыхъ представителей античной философіи, такъ и Шефтсбѣри, едва ли можетъ быть рѣчь.

Нѣсколько аналогичный упрекъ можно сдѣлать и въ отношеніи ученія Шефтсбѣри о самой природѣ добродѣтели. Послѣдняя, повидимому, отождествляется отчасти съ полезностью, отчасти съ удовольствіемъ; но изъ разсужденій англійскаго моралиста совсѣмъ не видно, какъ образуется то душевное расположеніе, въ силу котораго человѣкъ неизбѣжно влечется именно къ опредѣленнаго рода дѣятельности, при чемъ влеченіе это отличается ясно принудительнымъ характеромъ и неудовлетвореніе его, какъ извѣстно, сопровождается очень тяжелымъ моральнымъ состояніемъ. Наконецъ, самое моральное чувство, *moral sense*, которое играетъ такую большую роль въ общей доктринѣ Шефтсбѣри, изображается у британскаго моралиста въ очень туманной формѣ: очень трудно рѣшить, какъ сочетаются здѣсь рефлексія и интуиція, но что оба эти элемента имѣютъ здѣсь мѣсто, трудно отрицать, хотя повидимому, перевѣсъ предполагается на сторонѣ интуиціи.

Всѣ эти неясности и неопредѣленности были вполне сознаны позднѣйшими англійскими моралистами, по своимъ исходнымъ пунктамъ близко стоявшими къ Шефтсбѣри. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ британскихъ утилитаристовъ, включая сюда и представителей эволюціонной морали, поскольку послѣдняя также усвоила основные принципы утилитарной этики. Всѣ эти мыслители, конечно, пытались углубить начала, заложенные еще Шефтсбѣри:

старались видоизмѣнить ихъ и обосновать въ такомъ видоизмѣненіи, имѣя въ виду результаты позднѣйшей науки. Мы видимъ здѣсь стремленіе болѣе убѣдительно вскрыть связь эвдемонизма съ принципомъ утилитаризма, встрѣчаемъ болѣе глубокой анализъ соціальной подпочвы индивидуальной морали, имѣемъ далеко не безрезультатныя попытки изобразить природу того психическаго комплекса, который у Шефтсбѣри именуется какъ „moral sense“ и которое сейчасъ извѣстно подъ именемъ „совѣсти“. Конечно, весь этотъ прогрессъ въ сферѣ утилитарной теоріи не разрѣшаетъ моральной проблемы во всемъ ея цѣломъ, и нѣкоторыя одно-сторонности этой этической доктрины иногда выступаютъ у позднѣйшихъ утилитаристовъ еще болѣе выпукло и рельефно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что многіе изъ основныхъ этическихъ принциповъ Шефтсбѣри удержаны, по крайней мѣрѣ въ своемъ существѣ, этими позднѣйшими моралистами, а нѣкоторыя изъ этихъ основоположеній выдержали испытаніе даже и со стороны очень противоположныхъ моральныхъ теченій (напримѣръ, со стороны этики категорическаго императива). Это въ особенности нужно сказать о воззрѣніи Шефтсбѣри на самую сущность человѣческой природы, поскольку въ послѣдней заложены тенденціи какъ эгоистическаго, такъ и альтруистическаго типа, и поскольку этимъ признается односторонность моральной доктрины Гоббса, противъ которой боролся Шефтсбѣри. Здѣсь же нужно упомянуть и объ отрицательномъ отношеніи англійскаго моралиста къ внѣшнимъ санкціямъ, чѣмъ отвергается цѣнность гетерономной морали и вводится принципъ автономіи въ этическую область. О важности этого послѣдняго для всѣхъ направленій новѣйшей этики едва ли есть нужда распространяться. Какъ эти главнѣйшіе пункты этической доктрины Шефтсбѣри были усвоены позднѣйшими представителями англійской морали, какой эволюціи подверглись они въ устахъ какъ ближайшихъ, такъ и болѣе отдаленныхъ послѣдователей британскаго моралиста, объ этомъ будетъ рѣчь уже въ слѣдующихъ очеркахъ.

Н. Виноградовъ.

О постановкѣ преподаванія психологіи въ средней школѣ ¹⁾).

Вопросъ о постановкѣ преподаванія психологіи въ средней школѣ представляется важнымъ по слѣдующей причинѣ: хотя въ настоящее время психологія у насъ въ Россіи и введена въ кругъ гимназическихъ наукъ, однако у меня, напримѣръ, совсѣмъ нѣтъ увѣренности, что преподаваніе ея не будетъ въ ближайшее время отмѣнено, потому что далеко не всѣми признано, что психологія должна занимать мѣсто среди учебныхъ предметовъ средней школы. Сомнѣнія относительно этого не устранены и на Западѣ. Правда, тамъ говорятъ о психологіи, какъ составной части философіи. Во Франціи еще недавно нужно было отстаивать преподаваніе философіи въ средней школѣ. Въ Италіи также раздавались скептическіе голоса противъ философіи. Единственно, гдѣ, повидимому, прочно поставлено преподаваніе психологіи—это Австрія. Въ Пруссіи не одинъ разъ вводили преподаваніе психологіи какъ часть философской пропедевтики и требовали, чтобы ученики обнаруживали основательное знаніе по этому предмету, затѣмъ наступалъ моментъ, когда этотъ предметъ дѣлался совершенно необязательнымъ. Преподаваніе его дѣлалось факультативнымъ, т.-е. находили, что если есть въ гимназіи преподаватель, который могъ бы преподавать этотъ предметъ, то его можно

¹⁾ Докладъ, читанный на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по педагогической психологіи въ Петербургѣ 1-го іюня 1906 года.

преподавать, въ противномъ случаѣ, преподаваніе его можетъ и отсутствовать. Затѣмъ преподаваніе философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ разумѣется и психологіи было совершенно отмѣнено за недостаткомъ подходящихъ для этой цѣли преподавателей. Въ 1903 году съѣздъ директоровъ высказался за необходимость введенія преподаванія психологіи въ средней школѣ. Если такого рода колебанія возможны были въ Германіи, въ „странѣ философовъ“, то еще въ большей мѣрѣ это возможно у насъ въ Россіи, гдѣ философская культура стоитъ чрезвычайно низко. Кромѣ того, неоднократно высказывалось сомнѣніе относительно возможности преподаванія въ средней школѣ именно психологіи. Между тѣмъ, какъ введеніе логики въ число образовательныхъ предметовъ не всегда подвергалось сомнѣнію, введеніе психологіи, какъ науки неточной, неопредѣленной, часто подвергалось сомнѣнію. Противъ психологіи въ гимназіи высказался, на примѣръ, Тренделенбургъ, авторъ извѣстнаго учебника гимназической логики. Еще до сихъ поръ не умолкли голоса, требующіе устраненія психологіи изъ средней школы, какъ науки недоступной для пониманія учащихся.

Вотъ отчего всѣ поборники философскаго образованія въ Россіи должны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы поставить преподаваніе психологіи въ такія условія, при которыхъ важное образовательное значеніе психологіи сдѣлалось бы для всѣхъ очевиднымъ и чтобы возвратъ назадъ сдѣлался невозможнымъ. Это представляется дѣломъ очень труднымъ потому, что въ западныхъ школахъ по этому вопросу не пришли къ опредѣленному соглашенію; мы не можемъ воспользоваться опытомъ Запада, а представлены въ разрѣшеніи этого вопроса самимъ себѣ.

Задача моего доклада заключается въ томъ, чтобы способствовать рѣшенію вопроса, какъ слѣдуетъ наиболѣе цѣлесообразно поставить преподаваніе въ средней школѣ. Этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ рядъ слѣдующихъ вопросовъ: 1) Доступна ли психологія пониманію учащихся

въ средней школѣ, или, можетъ быть, она по самому существу своему есть предметъ университетскій?

Если признать, что психологія можетъ быть предметомъ преподаванія въ средней школѣ, то 2) какой матеріаль долженъ быть предложенъ для изученія? Чрезвычайно важно условиться относительно того, что должно преподавать подъ именемъ психологіи. Относительно этого существуетъ далеко не полное согласіе. Если мы возьмемъ, на примѣръ, программу австрійскихъ гимназій и французскихъ, то мы увидимъ существенное различіе между ними. Говоря о программѣ, слѣдуетъ рѣшить вопросъ, какъ быть съ такъ называемою экспериментальной или физиологической психологіей, нужно ли ее вводить въ гимназическое преподаваніе, или же, можетъ быть, въ гимназіи слѣдуетъ преподавать только экспериментальную психологію, какъ единственно научную, такъ какъ въ гимназіи вообще слѣдуетъ преподавать только такіе предметы, которые отличаются большей или меньшей достовѣрностью. Въ этомъ отношеніи и въ западныхъ школахъ замѣчается колебаніе. Между тѣмъ какъ, на примѣръ, австрійскій учебникъ Гёфлера вводитъ въ большомъ объемѣ экспериментальную психологію, тамъ же въ Австріи недавно вышелъ новый учебникъ Вилльмана, который совершенно ничего не знаетъ объ экспериментальной психологіи. Французскіе учебники только слегка касаются вопросовъ физиологической психологіи, итальянскій учебникъ Cantoni совершенно ихъ устраняетъ. 3) Отвѣчаетъ ли психологія умственному запросу учащихся?

О постановкѣ преподаванія психологіи въ средней школѣ я предполагаю говорить на основаніи годичнаго опыта преподаванія въ четырехъ классахъ двухъ кievскихъ гимназій, гдѣ я имѣлъ возможность произвести наблюденія по указанному вопросу. Въ этихъ четырехъ классахъ было свыше 180 учениковъ. Большое число учащихся, разнообразіе возрастовъ, способностей, умственнаго развитія и т. п. представляло богатый матеріаль для наблюденія. Кромѣ того, я произвелъ „анкету“, со всѣми предосторожностями, приня-

тими въ этомъ случаѣ, и получилъ отвѣты отъ 80 учениковъ. Эти отвѣты, между прочимъ, также составляютъ матеріалъ, на которомъ я основываю свои предположенія о постановкѣ преподаванія. (Всѣ случайности я могъ элиминировать потому, что отвѣты были подписаны и съ индивидуальностью каждаго автора я былъ достаточно хорошо знакомъ).

Разсмотримъ прежде всего вопросъ, *доступна ли психологія пониманію учащихся*. Можетъ быть, по возрасту учащихся психологія по самому существу не доступна ихъ пониманію, въ особенности если принять въ соображеніе строго научное изложеніе психологіи. На этотъ вопросъ я отвѣчаю утвердительно.

Почти всѣ тѣ вопросы, которые мною были предложены въ курсѣ психологіи, были вполнѣ доступны для пониманія учащихся. Даже наиболѣе трудные вопросы, на примѣръ, о методѣ психологіи, о различіи между явленіями физическими и психологическими, о свободѣ воли, критика наивнаго реализма, вопросъ объ апіорныхъ понятіяхъ, трудный даже для студентовъ при лекціонной системѣ преподаванія, были вполнѣ хорошо ими поняты.

Можно было бы, конечно, думать, что они тщательнымъ заучиваніемъ текста учебника маскировали до нѣкоторой степени недостаточное усвоеніе предмета. Но въ дѣйствительности это не такъ. Я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что ученики уже послѣ объясненій въ классѣ выносили вполнѣ отчетливое пониманіе того, что объяснялось на урокѣ. Объ этомъ я заключаю на основаніи слѣдующихъ данныхъ. Они составляли конспекты моихъ объяснительныхъ уроковъ или лекцій. Конспекты, которые они доставляли мнѣ для прочтенія, убѣдили меня въ томъ, что лекціи усваивались вполнѣ хорошо, такъ какъ конспекты довольно точно излагали содержаніе лекціи. Кромѣ того, провѣрочные вопросы, которые мною предлагались на репетиціяхъ, всегда показывали, что ученики способны усваивать важнѣйшіе вопросы психологіи. Правда, встрѣчались вопросы, которые были для нихъ

трудно понятны, но это, по большей части, находилось въ зависимости отъ какихъ-нибудь пробѣловъ въ другихъ наукахъ. Такъ, напримѣръ, отдѣлъ „о воспріятіи пространства“ былъ труденъ потому, что приходилось приступать къ изученію этого отдѣла безъ необходимыхъ предварительныхъ знаній по физикѣ. Отдѣлъ объ „ощущеніяхъ“ былъ мѣстами трудно понятенъ потому, что къ изученію этого вопроса они приступали безъ достаточнаго знакомства съ физиологіей.

Если это исключить, то можно сказать, что въ общемъ важнѣйшіе вопросы научной психологіи вполне доступны для пониманія учащихся средней школы.

Какое же содержаніе слѣдуетъ вкладывать въ психологію? Для рѣшенія этого вопроса нужно опредѣлить, зачѣмъ преподается психологія. На психологію можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія. Во-первыхъ, психологія, какъ чисто эмпирическая наука о духовной природѣ человѣка представляетъ собою самодовлѣющую науку, наряду съ науками о природѣ. Но съ другой стороны на психологію можно смотрѣть, какъ на науку, которая должна служить подготовительной ступенью для изученія философіи. Отъ того въ программахъ нѣмецкихъ гимназій психологію вмѣстѣ съ логикой называютъ „философской пропедевтикой“, въ программахъ французскихъ гимназій психологія есть часть элементарнаго курса философіи.

Если принять это положеніе, то ясно, какой матеріалъ долженъ быть внесенъ въ курсъ психологіи средней школы. Подборъ матеріала въ психологіи долженъ быть именно таковъ, чтобы подготовить учащихся къ пониманію философскихъ вопросовъ. Министерская программа дѣлаетъ обязательнымъ изученіе эмпирической психологіи. Изученіе же вопроса о душѣ дѣлаетъ факультативнымъ.

Прежде всего, по моему мнѣнію, необходимо внести въ курсъ психологіи ученіе о душѣ. Одна эмпирическая психологія остается все-таки крышей безъ зданія. Безъ ученія о душѣ курсъ психологіи остается чѣмъ-то незакон-

ченнымъ. Необходимо, мнѣ кажется, дать хоть самыя общія свѣдѣнія о томъ, что слѣдуетъ понимать подъ душой. Правда, чего-либо законченнаго по этому вопросу въ курсѣ гимназической науки дать нельзя, но все-таки нѣкоторыя общія свѣдѣнія можно сообщить и этого вполне достаточно. То обычное возраженіе, что неполныя свѣдѣнія оставляютъ учениковъ неудовлетворенными, отпадаетъ, вслѣдствіе того, что курсъ философіи вообще въ гимназіи полнаго удовлетворенія никогда доставить не можетъ.

Если мы на вопросъ, для чего изучается психологія въ гимназіи, отвѣтимъ въ только что указанномъ смыслѣ, то нетрудно рѣшить, *какое мѣсто должна занимать экспериментальная психологія въ курсѣ психологіи*. По моему мнѣнію, всѣ тѣ вопросы экспериментальной психологіи, которые служатъ для *иллюстраціи* какихъ-нибудь общихъ принциповъ психологіи, должны быть вводимы по мѣрѣ возможности въ курсъ психологіи. Самостоятельно же экспериментальную психологію нельзя вводить.

На это могутъ возразить указаніемъ на то, что экспериментальная психологія способна сильно заинтересовать учащихся, а съ этимъ обстоятельствомъ въ учебномъ дѣлѣ всегда необходимо считаться. Но для того, чтобы экспериментальная психологія дѣйствительно могла заинтересовать учащихся, нужно имѣть въ распоряженіи гораздо больше времени, чѣмъ это возможно въ гимназіи. Эксперименты, производимые въ классѣ, нужно *объяснять*. Для объясненія же экспериментовъ часто приходится пользоваться такими *принципами*, которыхъ никакъ нельзя ввести въ курсъ гимназической психологіи. Такъ какъ по причинамъ, о которыхъ я упомяну ниже, преподаваніе экспериментальной психологіи должнымъ образомъ недостижимо, то вопросы экспериментальной психологіи приходится затрагивать только мимоходомъ и именно въ видѣ иллюстрацій общихъ принциповъ психологіи. Мнѣ, напримѣръ, пришлось познакомить учениковъ съ зрительными иллюзіями, но только лишь какъ съ примѣрами иллюзіей, потому что объясненіе зрительныхъ

иллюзіи потребовало бы слишкомъ много времени. Времени же для преподаванія психологіи такъ мало, что даже нѣкоторыя наиболѣе интересныя экспериментальныя данныя нельзя ввести въ курсъ психологіи. Такимъ интереснымъ вопросомъ, ознакомленіе съ которымъ я считаю чрезвычайно важнымъ, является вопросъ объ измѣреніи скоростей умственныхъ процессовъ. Такъ какъ, по моему мнѣнію, вводить въ курсъ психологіи слѣдуетъ только тѣ вопросы, которые служатъ иллюстраціей какого-либо принципа, то ознакомленіе съ измѣреніемъ скоростей умственныхъ процессовъ было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы, напримѣръ, рассматривался вопросъ о соотношеніи психическихъ процессовъ съ физиологическими. Но такъ какъ этотъ послѣдній вопросъ мнѣ не пришлось рассматривать между прочимъ потому, что онъ не входитъ въ программу, то мнѣ пришлось отказаться отъ ознакомленія съ этими экспериментами.

Такъ какъ основное требованіе преподаванія психологіи заключается въ томъ, чтобы выборъ матеріала ограничился самымъ существеннымъ, то отнюдь не слѣдуетъ учениковъ знакомить съ психологическими экспериментами, которые имѣютъ только *методологическое* значеніе. Если бы кто-нибудь пожелалъ познакомить учениковъ съ измѣреніемъ скоростей умственныхъ процессовъ только для того, чтобы показать имъ, что скорость умственныхъ процессовъ дѣйствительно можно измѣрять, то такого рода измѣренія едва ли могутъ имѣть значеніе. Въ лучшемъ случаѣ оно могло бы слѣдаться средствомъ удовлетворенія любознательности, но не доставляло бы матеріала для серьезной умственной работы. Повторяю, всякій экспериментъ, который показывается въ классѣ, долженъ непременно служить иллюстраціей для какого-нибудь принципа. Въ такомъ смыслѣ введеніе экспериментальныхъ данныхъ въ психологію является весьма желательнымъ. Но преподаваніе экспериментальной психологіи не слѣдуетъ возводить въ принципъ, не слѣдуетъ считать его необходимымъ. Не слѣдуетъ думать, что если кто-либо

изъ преподавателей почему-либо не имѣть возможности преподавать ее, то значить, лучше психологіи совсѣмъ не преподавать. Напротивъ, въ психологіи и помимо экспериментальныхъ данныхъ есть множество такихъ вопросовъ, которые могутъ быть преподаваемы и которые вполне сохраняютъ свое образовательное значеніе.

Кромѣ того, преподаваніе собственно экспериментальной психологіи въ настоящее время въ Россіи встрѣчаетъ препятствіе въ отсутствіи хорошо подготовленныхъ преподавателей. Для правильной постановки дѣла преподаванія экспериментальной психологіи необходимо, чтобы преподаватель самъ былъ вполне хорошо знакомъ съ приемами экспериментальной психологіи. Если же ему самому впервые приходится знакомиться съ экспериментальной психологіей для того, чтобы преподавать ее ученикамъ, то лучше чтобы онъ совсѣмъ не затрогивалъ вопросовъ экспериментальной психологіи.

Я позволяю себѣ еще остановить вниманіе на вопросѣ объ экспериментальной психологіи въ средней школѣ по слѣдующей причинѣ. Многие преподаватели психологіи, находящіеся подъ влияніемъ чрезвычайно распространеннаго предрасудка, что въ настоящее время истинно научной психологіей слѣдуетъ считать только экспериментальную психологію, примутся за изученіе этой послѣдней, потратятъ на это много времени и при преподаваніи перенесутъ центръ тяжести именно на эту психологію, и такимъ образомъ изложеніе весьма существенныхъ основъ вопросовъ психологіи останется въ пренебреженіи. Я даже боюсь, что если преподаватель, увлеченный модой, запасется коллекціей приборовъ по экспериментальной психологіи и преподаваніе психологіи сведетъ на показываніе опытовъ, то ученикамъ это можетъ показаться интереснымъ, и они даже станутъ думать, что изучаютъ настоящую научную психологію. Но если при такомъ изученіи теоретическая часть психологіи будетъ пройдена поверхностно, то можно прямо сказать, что такое знакомство съ

психологіей не можетъ имѣть серьезнаго образовательнаго значенія.

Если признать, что въ гимназіи обязательно должна преподаваться экспериментальная психологія, то это поставитъ въ необходимость тѣхъ преподавателей, которые не имѣли случая заниматься изученіемъ экспериментальной психологіи, заботиться о приобрѣтеніи знакомства съ этой послѣдней. Между тѣмъ представляется несравненно болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы преподаватель отдавалъ свои досуги изученію теоретической психологіи, ибо только при основательномъ знакомствѣ съ теоретической психологіей онъ будетъ въ состояніи заинтересовать учащихся.

Вотъ почему я думаю, что съ введеніемъ преподаванія экспериментальной психологіи слѣдуетъ подождать. Преподаватель, который умѣетъ, какъ слѣдуетъ, преподавать теоретическую часть психологіи, принесетъ ученикамъ гораздо болѣешую пользу, чѣмъ тотъ преподаватель, который, показывая эксперименты, не можетъ должнымъ образомъ ознакомить съ теоретической психологіей. *Въ гимназіи центр тяжести преподаванія долженъ быть перенесенъ на теоретическую психологію.* Если даже во Франціи и Италіи преподаютъ психологію безъ экспериментальной демонстраціи, то мы также можемъ не спѣшить заводить кабинеты по экспериментальной психологіи, въ особенности если принять во вниманіе, что и университеты не всегда имѣютъ такіе кабинеты ¹⁾.

Далѣе намъ необходимо опредѣлить, *способна ли психологія заинтересовать учащихся, отвѣчаетъ ли она ихъ умственнымъ запросамъ?* Говоря объ интересѣ, слѣдуетъ различать два вида интереса. Можно интересоваться какимъ-либо учебнымъ предметомъ, если думать, что онъ важенъ для образованія, что безъ знанія этого предмета нельзя считаться истинно образованнымъ человѣкомъ. Другой видъ интереса возникаетъ въ томъ случаѣ, когда усваиваемыя знанія при-

¹⁾ Послѣдніе три абзаца вставлены мною послѣ дебатовъ по этому докладу.

водятся въ связь съ прежними знаніями, когда новыя знанія не остаются мертвымъ капиталомъ, а, наоборотъ, дѣлаются составной частью духовной жизни учащихся.

Изъ своихъ наблюденій я сдѣлалъ выводъ, что у учащихся есть и тотъ и другой видъ интереса къ психологіи. Къ изученію психологіи большинство учащихся относится серьезно; они изучаютъ ее съ полнымъ сознаниемъ важности предмета. Съ другой стороны усваиваемыя ими знанія вполне ассимилируются ими. Я имѣлъ возможность отмѣтить, что тѣ знанія, которыя они успѣли пріобрѣсти, оказывали на нихъ вліяніе даже въ періодъ прохожденія курса. На мой вопросъ, „имѣли ли вы уже случаи при наблюденіи психическихъ явленій объяснять ихъ при помощи изученныхъ вами психологическихъ положеній“, большинство отвѣчало утвердительно. Многіе заявили, что они наблюдали законы ассоціаціи идей, бессознательныя ассоціаціи, апперцепцію, вниманіе, симпатическое подражаніе и т. п. Нѣкоторые заявляютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ они ознакомились съ психологіей, они обращаютъ вниманіе на типы памяти, на развитіе воли и т. п. Другіе указываютъ на то, что различныя понятія и опредѣленія, съ которыми они познакомились въ курсѣ психологіи, они имѣли случай примѣнять при изученіи литературы. Это показываетъ, что даже то знаніе, которое довольно бѣгло усваивается, успѣло воплотиться въ сознаніе учащихся.

Послѣ всего сказаннаго можно поставить вопросъ относительно того, какіе вопросы, кромѣ тѣхъ, которые имѣются въ министерской программѣ, слѣдуетъ ввести въ курсъ психологіи, чтобы придать ему ту полноту, которая необходима для общаго образованія. Хотя программа министерства въ этомъ отношеніи представляетъ большую свободу для преподавателя, но все же съ принципиальной точки зрѣнія важно точно опредѣлить, какіе именно вопросы желательнo ввести, кромѣ тѣхъ, которые уже указаны въ программѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Кромѣ тѣхъ соображеній, которыя были приведены выше, слѣдуетъ при-

нять также во вниманіе и интересъ учащихся къ тѣмъ или инымъ вопросамъ. Учащіеся неоднократно выражали желаніе ознакомиться съ такими вопросами, которые имѣютъ безспорно чисто *философскій* характеръ, напримѣръ, вопросы о душѣ, о свободѣ воли. Замѣчается безспорная потребность въ разрѣшеніи именно философскихъ вопросовъ. Мнѣ кажется, что слѣдовало бы пойти навстрѣчу этой потребности. Съ другой стороны учащихся очень интересуютъ такіе вопросы, съ которыми они сталкиваются въ повседневной жизни. Напримѣръ, особенный интересъ вызываетъ у нихъ психическая жизнь животныхъ; они интересуются вопросомъ, есть ли у животныхъ общія представленія и т. п. Причина такого интереса вполнѣ понятна. Учащіеся имѣли случаи неоднократно сталкиваться съ этими вопросами; они часто истолковывали психическую жизнь животныхъ антропоморфически. Когда же они знакомятся съ теоріями, которыя опрокидываютъ ихъ воззрѣнія, то имъ хочется получить болѣе или менѣе подробное разъясненіе ложности своихъ взглядовъ. Поэтому мнѣ кажется, что слѣдовало бы непременно ввести въ курсъ психологіи вопросъ „о психологіи животныхъ“. Неоднократно учащіеся выражали желаніе ознакомиться съ вопросомъ „о гипнотизмѣ“. Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ тоже слѣдовало бы ввести въ программу. Точно такъ же оказалось, что большой интересъ вызвалъ у нихъ вопросъ о „развитіи памяти“ и „о развитіи воли“. Поэтому мнѣ кажется, что эти вопросы слѣдовало бы сдѣлать предметомъ обязательнаго изученія.

Въ заключеніе разсмотримъ, какія желательны измѣненія въ преподаваніи психологіи, главнымъ образомъ во внѣшнихъ условіяхъ преподаванія:

1) Очень серьезнымъ препятствіемъ къ правильной постановкѣ преподаванія психологіи является нашъ слишкомъ короткій учебный годъ. По самому скромному разсчету, чтобы успѣть изучить изъ психологіи то, что имѣетъ общеобразовательное значеніе, слѣдуетъ имѣть въ своемъ распоряженіи не менѣе 70 уроковъ, по крайней мѣрѣ на

такое количество уроковъ разсчитана австрійская программа. Разсчетъ этотъ основывается на слѣдующемъ: въ преподаваніи въ средней школѣ я придаю важное значеніе репетиціямъ. Для того, чтобы пріобрѣтаемыя знанія могли укладываться какъ слѣдуетъ, нужно послѣ одной лекціи или, по меньшей мѣрѣ, двухъ лекцій устроить репетицію. Но это необходимое на мой взглядъ требованіе въ нашей средней школѣ неосуществимо, потому что нашъ учебный годъ вслѣдствіе обилія праздниковъ, ранняго наступленія каникулъ и т. п., фактически сводится приблизительно къ 55 часамъ. При 47 час., которые я имѣлъ въ этомъ году, благодаря добавочнымъ часамъ, я успѣлъ прочесть 33 лекціи, вложивъ въ этотъ курсъ все то, что мнѣ представлялось существеннымъ изъ эмпирической психологіи; но за то провести репетиціи, какъ слѣдовало бы, я не могъ, потому что на одномъ урокѣ репетиціи приходилось повторять въ среднемъ около трехъ лекцій. Для того, чтобы усвоеніе могло идти болѣе основательно, *необходимо продолжать учебный годъ, или вообще какимъ-нибудь способомъ увеличить число учебныхъ часовъ по психологіи до 65—70 час.*

2) Весьма желательно ввести въ одномъ изъ старшихъ классовъ преподаваніе *анатоміи и физиологіи* въ значительно большемъ объемѣ, чѣмъ это полагается въ теперешней программѣ, гдѣ физиологія является частью уроковъ естествовѣдѣнія. Вслѣдствіе незнакомства учащихся съ физиологіей—для нихъ съ одной стороны дѣлаются непонятными многія положенія психологіи, съ другой стороны приходится часть уроковъ психологіи удѣлять на ознакомленіе съ чисто физиологическими данными.

3) *Необходимо согласованіе программы физики съ программой психологіи.* Дѣло въ томъ, что въ курсѣ психологіи весь отдѣлъ по физиологіи органовъ чувствъ проходится въ то время, когда у учениковъ нѣтъ знакомства ни съ акустикой, ни съ оптикой. Это очень затрудняетъ пониманіе; кромѣ того теряется время на ознакомленіе съ фактами, относящимися къ области физики. Поэтому въ классахъ, предше-

ствующихъ изученію психологіи, необходимо предварительное прохожденіе акустики и оптики, или вообще необходимо *курса психологіи отодвинуть такимъ образомъ, чтобы она изучалась уже послѣ ознакомленія съ этими отдѣлами.*

4) Весьма существеннымъ мнѣ представляется *составленіе строго опредѣленной программы, которой обязательно могли бы придерживаться преподаватели, потому что въ противномъ случаѣ выборъ вопросовъ для изученія будетъ носить случайный и произвольный характеръ.* Это для меня представляется вопросомъ весьма важнымъ по той причинѣ, что неоднократно высказывался взглядъ, что психологію нужно изучать безъ какой-либо программы, безъ учебниковъ. Въ противоположность этому, я нахожу, что для правильной постановки преподаванія психологіи необходимо составленіе строго опредѣленной минимальной программы. Необходимо выяснитъ, что именно въ психологіи слѣдуетъ считать важнымъ для общаго образованія. Мнѣ представляется также важнымъ, чтобы ученики по возможности проходили полный курсъ психологіи. Подробное прохожденіе одного отдѣла въ ущербъ другимъ можетъ быть дѣломъ университетскаго курса, а отнюдь не гимназическаго. Составленіемъ строго опредѣленной минимальной программы можно было бы вызвать серьезное отношеніе къ выполненію всей программы.

Вотъ тѣ условія, соблюденіе которыхъ на мой взглядъ необходимо для правильной постановки преподаванія философіи въ средней школѣ. При правильной постановкѣ преподаванія философіи средняя школа можетъ сдѣлаться истиннымъ проводникомъ философскаго образованія и способствовать поднятію философской культуры въ нашемъ отечествѣ.

Указатель литературы по вопросу о преподаваніи философской пропедевтики.

Въ виду того, что въ настоящее время, когда въ русскихъ гимназіяхъ введено преподаваніе философской пропедевтики, вопросъ о целесообразной постановкѣ ея представляетъ огромную важность, мы прилагаемъ указатель литературы о положеніи этого вопроса на Западѣ.

- 1) Статья Philosophie Propädeutik въ *Schmidt's Encyclopädie des gesammten Erziehungs- und Unterrichtswesens* (1876 г. В. VI) содержитъ исторію вопроса и подробный указатель литературы до 1867 г. Есть болѣе новое изданіе этой энциклопедіи.
- 2) **Trendelenburg.** Erläuterungen zu den Elementen der aristotelischen Logik. Berlin. 1876. Въ предисловіи дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія относительно преподаванія философской пропедевтики въ средней школѣ.
- 3) **Höfler.** Zur Propädeutikfrage. Wien. 1884.
- 4) **Meinong.** Ueber philosophische Wissenschaft und ihre Propädeutik. Wien. 1885.
- 5) **Höfler.** Zur Reform der philosophischen Propädeutik въ *Zeitschrift für die Oesterreichischen Gymnasien* 1890 и 1899 г.
- 6) Австрійскія министерскія Инструкціи für die Unterricht a. d. Gymnasien in Oesterreich за 1900 годъ содержатъ отдѣлъ о философской пропедевтикѣ.
- 7) **Martinak.** Ueber philosophische Propädeutik въ журналѣ *Natur und Schule* за 1905 г.
- 8) **Paulsen Fr.** Ueber Vergangenheit und Zukunft der Philosophie im gelehrten Unterricht въ *Zentralorgan für die Interessen des Realschulwesens*. Bd. XIV. 1886, а также въ заключительной главѣ его сочиненія *Geschichte des gelehrten Unterrichts* 1897. Второй томъ, стр. 664—669.
- 9) **Paulsen.** Статья Philosophische Propädeutik въ *Encyklopädisches Handbuch der Pädagogik* Rein'a. 1897—1903.
- 10) **Uhlig.** *Human. Gymn.* 1895.
- 11) **Lehmann.** *Der deutsche Unterricht.* 2-е изд. 1897.
- 12) **Lehmann.** *Erziehung und Erzieher.* 1901.
- 13) **Lehmann.** *Wege und Ziele der philosophischen Propädeutik.* 1905. (Небольшая книжка очень хорошо знакомитъ съ современнымъ положеніемъ вопроса въ Германіи.)
- 14) **Leuchtenberger.** *Die philosophische Propädeutik auf den höheren Schulen.* Ein Wort zu ihrer Wiedereinsetzung in ihre alten Rechte. 1893.
- 15) **Polle.** Ueber den Schulunterricht in der Philosophie (*Programm. Dresden*).
- 16) **Schuppe.** *Erfolg und Misserfolg.* *Zeitschrift für das Gymnasialwesen.* 1894.
- 17) **Ziegler.** *Die Philosophie in der Schule* въ *Beilage zur Allgemeinen Zeitung* 1895.
- 18) **Baumeister** во введеніи въ его *Handbuch der Erziehungs- und Unterrichtslehre.* I томъ. 1895 года.
- 19) **Wendt.** *Die philosophische Propädeutik* въ томъ же сборникѣ *Baumeister'a*, т. VII.
- 20) **Geyer.** *Zur Reform der philosophischen Propädeutik.* *Monatsschrift für höhere Schulen.* Jahrgang I. 1902 (3 статьи).
- 21) **Rehmke.** *Die philosophische Propädeutik als Unterrichtsfach in der Prima unserer höheren Schulen,* въ томъ же журналѣ.
- 22) **Eucken.** *Was lässt sich zur Hebung der philosophischen Bildung zu thun?* въ его книгѣ *Gesammelte Aufsätze zur Philosophie und Lebensanschauung.* Lpz. 1903.

23) **Weissensfels.** Kernfrage des höheren Unterrichts. Neue Folge. Berlin 1903.

24) **Jonas.** Die Philosophie in der höheren Schule. Berlin. 1903.

25) Статья Ueber die Pflicht der höheren Schulen in die Philosophie einzuführen въ Verhandlungen in den Provinzen des Königreichs Preussen. Bd. 64. Berlin. 1903. Содержитъ исторію и современное состояніе вопроса въ Пруссіи.

26) **Brasch.** Wie studirt man Philosophie. Ein Wegweiser für Studierende aller Facultäten. 1888.

27) **Vaihinger.** Die Philosophie in der Staatsprüfung. Berlin. 1906. (Эти двѣ книжки, въ особенности послѣдняя, содержатъ интересный матеріалъ по вопросу о подготовкѣ преподавателей по философской пропедевтикѣ.)

28) Pour et contre l'enseignement philosophique (Extrait de la Revue bleue. Paris. 1894. Въ этомъ сборникѣ статей выдающихся французскихъ писателей выясняется положеніе философіи во французской школѣ. О программахъ философіи во французскихъ лицеяхъ можно получить представленіе по слѣд. двумъ учебникамъ:

29) **Janet.** Traité élémentaire de philosophie à l'usage des classes. 1899.

30) **Boirac.** Cours élémentaire de philosophie. 1904. 19-е изданіе по программамъ 1902 года.

О постановкѣ преподаванія философіи въ Италіи можно получить представленіе по учебнику:

31) **Cantoni.** Corso elementare de filosofia, состоящему изъ 3-хъ частей:

1) Psicologia percettiva, logica, 2) Psicologia morale, morale, estetica, 3) Storia della filosofia.

32) **Cantoni.** Статья въ Rivista filosofica за 1899, 1900 и 1901 годы въ защиту философіи въ гимназіи.

33) **Cantoni.** L'enseignement de la philosophie dans les universités et les établissements secondaires. (Докладъ, читанный на всемірномъ философскомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1900 г.; помѣщенъ въ Bibliothèque du congrès international de philosophie. Vol. II.)

Въ русской литературѣ:

34) Логика и психологія, какъ предметъ школьнаго обученія (по Юсту) въ „Сборникѣ статей по вопросамъ преподаванія русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Тифлисъ. 1890.

35) **Боборыкинъ.** Философія въ гимназіяхъ. „Вопросы философіи и психологіи“. 1899. Кн. 47. (По поводу вышеуказанной подъ № 28 книги авторъ высказываетъ собственныя соображенія.)

36) **Челпановъ.** О постановкѣ преподаванія философской пропедевтики въ средней школѣ.

37) **Челпановъ.** О преподаваніи философской пропедевтики въ Германіи. (Изложеніе двухъ докладовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ Кіевскаго Общества классической филологіи и педагогики 18-го ноября и 9-го декабря 1904 года, находится въ журналѣ „Педагогическая Мысль“, кн. 2-я и 3-я. Кіевъ. 1905 г.).

38) **Жудрявцевъ.** Къ вопросу о введеніи въ гимназіяхъ пропедевтическаго курса философіи. Кіевъ. 1905. (Отдѣльный оттискъ изъ Трудовъ Кіевской духовной академіи).

Г. Челпановъ.

Психологія злодѣя¹⁾.

(Графъ Алексѣй Андреевичъ (Аракчеевъ).)

Аракчеевъ былъ жалкій трусъ. Онъ никогда не желалъ по-пасть въ дѣйствующую армію. Въ 1805 году Императоръ взялъ съ собою въ походъ Аракчеева, нужно думать, въ качествѣ тѣлохранителя. Хотя Государь, обладавшій проницательностью, хорошо зналъ Аракчеева, все-таки онъ не допускалъ, что Аракчеевъ совершенно лишенъ мужества. «Государь намѣревался поручить ему въ предстоящемъ сраженіи начальство надъ одною изъ колоннъ, но графъ Алексѣй Андреевичъ пришелъ отъ предложенной ему чести предводительствовать войсками въ бою въ неописанное волненіе и отклонилъ отъ себя столь лестное порученіе, ссылаясь на несчастную раздражительность своихъ нервовъ. Вѣроятно графъ высказалъ свои опасенія съ достаточною убѣдительною, потому что съ тѣхъ поръ Государь отказался отъ мечты увѣнчать своего любимца военными лаврами и сдѣлать изъ него героя.. Хотя нѣкоторые писатели и называютъ графа Аракчеева въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ Александра на Аустерлицкомъ полѣ сраженія, но это, по всей вѣроятности, недоразумѣніе; если же онъ и находился около императора, то лишь до начала самаго дѣла, которое разыгралось внезапно, противно предусмотрѣнію составителя диспозиціи.

Затѣмъ о графѣ Аракчеевѣ ничего не было уже слышно, и имя его уже не встрѣчается ни въ донесеніяхъ, ни въ запискахъ очевидцевъ Аустерлицкаго боя. Въ позднѣйшихъ войнахъ графъ Аракчеевъ никогда не отважился, даже въ императорской свитѣ, показаться въ сраженіи въ чертѣ выстрѣловъ. Эта особенность

1) «Вопр. Фил. и Псих.», кн. 81.

Вопросы философіи, кн. 83.

служебнаго поприща графа Аракчеева блистательно подтвердилась во время походовъ 1813 и 1814 годовъ» 1).

Свою крайнюю трусость Аракчеевъ рѣзко проявилъ во время холеры 1831 г... «Фотій сообщилъ графу, что 13 іюля открылась въ Юрьевѣ холера. Онъ испугался и думалъ только о томъ, что-то будетъ дальше».

«Аракчеевъ уже заблаговременно запасся рецептомъ отъ холеры, но чтобы какъ-нибудь не затерять его и имѣть всегда подъ рукою, онъ переписалъ его въ нѣсколькихъ экземплярахъ...»

«Внезапный отъѣздъ его случился 20 іюля. День этотъ былъ особенно тяжелый и знойный до удушья. Аракчеевъ, встревоженный и холерой, и другими неприятными извѣстіями и какими-то предчувствіями, былъ особенно задумчивъ. Вдругъ, впопыхахъ вбѣжалъ къ нему одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, разстроенный и совершенно потерявшійся, и шепнулъ что-то на ухо графу. Послѣдній поблѣднѣлъ какъ холотно и замеръ на мѣстѣ, такъ что даже не замѣтилъ, какъ скрылся его знакомый».

— Лошадей, проворнѣй лошадей!—закричалъ на весь домъ графъ, вдругъ очнувшись.

«Люди перепугались и, сломя голову, бросились въ конюшню. Черезъ нѣсколько минутъ у графскаго крыльца стояла коляска, запряженная четверкой. Аракчеевъ захватилъ съ собою какую-то шкатулку и вскочилъ въ экипажъ; на козлы сѣлъ его камердинеръ Сидорка.

«Пошелъ живѣй!» крикнулъ баринъ. Кони понеслись. Едва выѣхали на Оскуйскую дорогу, какъ въ боковой аллеѣ со стороны деревни Перехода увидѣли густое облако пыли, поднятое двумя тройками, несшимися тоже на большую дорогу. Аракчеевъ поблѣднѣлъ опять и вскрикнулъ: пошелъ. Коляска понеслась съ быстротою птицы, такъ что шапка слетѣла съ головы камердинера на землю. Послѣдній хотѣлъ было остановить кучера и произнесъ только «ваше сіят...», какъ Аракчеевъ далъ ему затрещину и опять кричалъ: пошелъ 2)... Аракчеевъ «сдѣлавъ

1) Шильдеръ. Императоръ Александръ Первый. Т. II, стр. 139.

2) Потомъ, какъ рассказываютъ, оказалось, что страхъ Аракчеева былъ совершенно напрасенъ. На телѣгахъ, напугавшихъ такъ графа, возвращались съ праздника грузинскіе священники, которымъ случайно попались рѣвненькія лошадки.

огромный объѣзъ, примчалъ въ Новгородъ и присталъ у вице-губернатора Зотова. Тревожное состояніе его духа, однако, продолжалось, и онъ написалъ о какихъ-то опасеніяхъ на счетъ своей жизни государю ¹⁾. Вскорѣ изъ Царскаго Села былъ полученъ отвѣтъ». Государь писалъ... «Спѣшу васъ о томъ увѣдомить и увѣрить, что вы, гдѣ моя власть простирается, вездѣ безопасны. Не вѣрю слухамъ, до васъ дошедшимъ, и увѣренъ, что когда заблагоразсудите возвратиться въ Грузино, можете проѣхать даже черезъ округи военныхъ поселеній, гдѣ уже возстановленъ порядокъ».

Грузинскій помѣщикъ возвратился вскорѣ въ свою деревню, но еще долго не могъ оправиться отъ страха въ уныломъ одиночествѣ... Замѣтно, что занятый мыслію о холерѣ и опасеніями на счетъ своей будущности, онъ долго не могъ придти въ себя. Даже въ письмахъ знакомыхъ онъ забывалъ дѣлать отмѣтки, когда и гдѣ получены, что прежде было его непремѣннымъ правиломъ. Въ первый разъ онъ измѣнилъ аккуратности ²⁾.

Крайне тщеславный Аракчеевъ ничуть не стыдился своей трусости, не скрывалъ этого порока, даже величался своею трусостью, высказывалъ презрѣніе къ храбрости.

Когда Государь приказалъ ему въ 1812 г. ѣхать въ Вильно, Аракчеевъ былъ огорченъ и такъ писалъ своему брату... «и я вѣренъ, что пріятели мои употребятъ меня въ первомъ возможномъ случае тамъ, гдѣ имѣтъ я буду верный способъ потерять жизнь, кчему я и долженъ быть готовъ: вотъ вамъ мае положеніе въ ясности». Мысль о возможной опасности настолько угнетала этого труса, что онъ такъ закончилъ это письмо «остаюся невеселой твой братъ и верный другъ» ³⁾. Едва ли нужно говорить, что пребываніе въ свитѣ Государя было совершенно безопасно и Аракчееву, въ виду его близости къ Государю, не было основанія бояться, что его пошлютъ въ бой; но у страха глаза велики.

Аракчеевъ съ грубымъ цинизмомъ хвасталъ своею трусостью и съ презрѣніемъ относился къ храбрецамъ, жертвовавшимъ за родину жизнью и здоровьемъ. Маевскій въ своихъ воспомина-

¹⁾ «Русская Старица». 1882 г., стр. 195.

²⁾ Отто. Черты изъ жизни графа Аракчеева. Древняя и новая Россія. 1875 г., стр. 174—177.

³⁾ «Русская Старица». 1874 г. Май.

ніяхъ вполнѣ вѣрно говорить. «Графъ былъ самолюбивъ и ему казалось, что природа подарила совершенство одному ему; прочихъ онъ считалъ ниже ск... Въ одно время разспрашивалъ онъ у меня объ армейскихъ генералахъ. Я описывалъ ихъ достоинства; а когда коснулось В... и я сказалъ «очень храбръ»—«что ваша храбрость» подхватилъ графъ: «вотъ напиши это—показывая на свои проекты—тогда будешь храбръ» ¹⁾). Такимъ образомъ Аракчеевъ высказывался неоднократно.

Аракчеевъ былъ не только жалкимъ трусомъ, но не понималъ и не цѣнилъ храбрости; для него величіе души было вообще непонятно. Для Аракчеева и ему подобныхъ мелкихъ душъ храбрость совершенно непонятная добродѣтель, а потому они даже не стыдятся своей трусости. Всегда и всюду трусовъ презирали, и трусость считалась величайшимъ порокомъ, потому что трусы не только вредны для общества, но трусость является самымъ яркимъ и несомнѣннымъ проявленіемъ ничтожества и грубаго эгоизма; только выраждающіеся народы снисходительно относились къ трусости и потому гибли. Понятно, что человѣкъ ничего и никого не любящій, кромѣ себя и физическихъ благъ, не можетъ быть храбрымъ, ему нечего защищать, онъ не можетъ рисковать тѣмъ единственнымъ, что для него дорого—своею жизнью, своимъ здоровьемъ, своимъ имуществомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Аракчеевъ могъ быть храбрымъ—вѣдь онъ ничего не любилъ, для него не было ничего священнаго; отечество, честь, слава—все это для него не имѣло рѣшительно ни малѣйшей цѣны; конечно, онъ зналъ, что гибель Государя могла ему причинить много непріятностей, но онъ отлично соображалъ, что если Государь будетъ убитъ, Грузино, чины и т. д. все же останутся, жертвуя же собою, защищая Государя, можно потерять здоровье и даже жизнь; а въ такомъ случаѣ цѣлость Государя потеряетъ для него всякую цѣнность. Поэтому Аракчеевъ не рѣшался сопровождать Государя тамъ, гдѣ это было опасно, и Государь не могъ убѣдить Аракчеева принять участіе въ Аустерлицкомъ сраженіи. Чтобы отгнать, насколько ниже въ этомъ отношеніи своихъ современниковъ былъ Аракчеевъ, нужно припомнить, что именно въ эту эпоху храбрость единогласно признавалась высшей добродѣтью, что самые знатные и самые богатые люди

¹⁾ «Русская Старина». 1873 г., стр. 452.

того времени рвались въ бой, что величайшимъ оскорбленіемъ считалось отозваніе изъ дѣйствующей арміи. По всей вѣроятности и между современниками Аракчеева были трусливые люди, но они скрывали этотъ недостатокъ и употребляли всѣ усилія, чтобы побороть врожденную трусость, скрывали этотъ порокъ и кричали про свою храбрость.

Ничше съ геніальной проницательностью указаль на значеніе храбрости въ характерѣ людей, стремящихся повелѣвать. Властолюбіе и храбрость нераздѣльны и неразлучны. Всѣ великіе вожди человѣчества были надѣлены удивительной храбростью: Сократъ, Александръ Македонскій, Іоганнъ Гуссъ, Аввакумъ, Наполеонъ, Байронъ не боялись смерти, не убѣгали отъ опасности; дѣятели французской революціи, даже второстепенные, вызываютъ наше удивленіе своимъ мужествомъ. Какъ ни различны идеалы, въ борьбѣ за которые рисковали своею жизнію Сократъ, Гуссъ и Наполеонъ, но эти идеалы были имъ такъ дороги, что самая жизнь по сравненію съ ними не имѣла для нихъ большой цѣнности. Лютеру въ Вормсѣ и Наполеону на Аркольскомъ мосту смерть не была страшна, потому что они защищали то, что для нихъ было дороже жизни. Понятно, что Аракчеевъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія рисковать собою подъ Аустерлицомъ, и потому онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права претендовать на власть надъ людьми, претендовать на роль вождя. Онъ исполнялъ лишь приказанія своего начальника: ему приказано было вводить гатчинскую дисциплину, военныя поселенія, и онъ устраивалъ военныя поселенія; съ такой же жестокостью и аккуратностью онъ управлялъ бы воспитательнымъ домомъ, устраивалъ бы коммунистическія фаланстеры, если бы на то получилъ приказаніе.

Чтобы повелѣвать людьми, необходимо обладать храбростью, потому что повелѣвать людьми можетъ лишь тотъ, кому идеаль дорогъ настолько, что самое дорогое для человѣка—жизнь охотно приносится въ жертву для достиженія идеала. Аракчеевъ былъ трусъ, даже не скрывавшій этого порока, и потому онъ не былъ достоинъ власти, не былъ способенъ властвовать; онъ могъ лишь оскорблять, бить, истязать и убивать тѣхъ, надъ кѣмъ ему было поручено властвовать. Другихъ способовъ осуществлять свою власть онъ имѣть не могъ; ему оставалось на выборъ—или отказаться отъ роли властителя или истязать нравственно и

физически подчиненныхъ. Ему никогда не приходило въ голову, что онъ не способенъ къ власти, хотя онъ и зналъ, что Императрица Екатерина II обладала громадной властью, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, а его благодѣтель Императоръ Павелъ, не смотря на крайнюю жестокость, потерялъ власть и морально, и физически. Аракчеевъ зналъ, какимъ мужествомъ обладала Великая Екатерина, могъ знать, что въ этомъ отношеніи сынъ не походилъ на свою мать.

Меня всегда удивляло, когда я читалъ и слышалъ о властолюбіи Аракчеева и аракчеевцевъ; тщеславіе, погоню за почетомъ и деньгами нельзя смѣшивать съ властолюбіемъ. Правда, аракчеевы всегда цѣнятъ возможность дѣлать людямъ зло, наказывать ихъ по своему произволу, но и эта власть ничуть не похожа на настоящую власть. Аракчеевы никогда не стремятся дѣлать людямъ добро, а слѣдовательно они не понимаютъ что такое настоящая власть; никогда они не могутъ обладать настоящей властью, потому что они трусы. Къ счастью для человѣчества аракчеевы не могутъ, вслѣдствіе своей трусости, обладать настоящей властью; Аракчеева презирали современники и онъ, наконецъ, сдѣлался ненужнымъ.

Особенно ярко проявилась позорная трусость Аракчеева 14 декабря 1825 г.; во время усмиренія бунта, въ Зимнемъ дворцѣ оставались только два генерала—Аракчеевъ и князь Лобановъ-Ростовскій ¹⁾; послѣднему было 67 лѣтъ, кромѣ того, онъ былъ министромъ юстиціи, и потому его присутствіе во дворцѣ никого не удивило. Но трусость Аракчеева всѣмъ бросалась въ глаза; легко понять, какъ отнесся молодой Государь къ этому поступку графа; конечно, нашлись люди, обратившіе вниманіе Государя на трусость генерала отъ артиллеріи. Зная характеръ Николая Павловича, едва ли можно оспаривать, что этотъ поступокъ Аракчеева игралъ выдающуюся роль въ его паденіи.

Аракчеевъ, какъ настоящій «рабъ», не только не обладалъ физической храбростью, но у него не было нравственнаго мужества; жалкій трусъ всегда лжець, и Аракчеевъ еще разъ подтвердилъ справедливость этого правила. Окончательное паденіе этого временщика прямо-таки поучительно, такъ какъ съ очевидностью доказываетъ, что трусъ не можетъ обладать властью,

¹⁾ Шильдеръ. Императоръ Николай Первый. Т. I, стр. 292.

что если она случайно ему досталась, онъ не въ силахъ ее удержать, что трусость неизбежно ведетъ къ подлости.

По кончинѣ Александра Павловича, тщеславный Аракчеевъ, чтобы поднять свое значеніе, рѣшилъ напечатать письма и рескрипты къ нему покойнаго государя; ослѣпленный своею главной страстью—тщеславіемъ, онъ поручилъ послѣднія письма государя перевести по-французски, очевидно желая прославить себя и за границей; переводъ этотъ онъ заказалъ нѣкому Сальватори. Аракчеевъ распорядился напечатать въ типографіи военныхъ поселеній книгу подъ заглавіемъ «Собственноручные рескрипты покойнаго государя императора, отца и благодѣтеля, Александра I къ его подданному графу Аракчееву. Съ 1796 г. до кончины его величества, послѣдовавшей въ 1825 г.».

Аракчеевъ обладалъ узкимъ умомъ и потому не понималъ, что изданіе этой книги не послужитъ ему на пользу; онъ раздавалъ «друзьямъ» экземпляры этой книги. 31 января 1827 г. Дибичъ, по порученію Государя, написалъ письмо Аракчееву, въ которомъ просилъ сообщить, «изъ какого источника могли быть почерпнуты сіи напечатанныя письма и записки и кѣмъ выданы въ печать. Буде же сіе вамъ извѣстно, то для предупрежденія всякихъ толковъ въ публикѣ его величество полагалъ бы лучшимъ средствомъ напечатать вашему сіятельству отъ себя объявленіе, что таковыя изданныя въ печать письма и записки выдуманы и не заслуживаютъ вниманія».

Аракчеевъ говѣлъ, когда получилъ письмо Дибича; онъ тотчасъ же отвѣтилъ Дибичу, что по этому дѣлу «сдѣлалъ донесеніе» государю и посылаетъ требуемое объявленіе, въ которомъ категорически заявляетъ, что «я, графъ Аракчеевъ никому ничего никогда не только не позволялъ печатать, но даже не отдавалъ никому никакихъ сего рода бумагъ, то и объявляю, что всѣ изданныя въ печати письма и записки должны быть невѣрныя и не заслуживающія вѣроятія. 13 февраля 1827 г.».

Въ тотъ же день онъ написалъ два письма къ государю; въ нихъ онъ выражалъ удивленіе и негодованіе по поводу ужасной противъ него интриги; онъ категорически просилъ государя «приказать розыскать, кто изволилъ оныя письма печатать и кто оныя письма для онаго употребленія выдалъ. Самъ онъ «ни отъ кого объ оныхъ не слыхалъ, то и не могу придумать и вообра-

зять себѣ на кого бы я въ ономъ могъ имѣть подозрѣніе». Во второмъ письмѣ Аракчеевъ увѣряетъ государя: «Если вы подумаете, что изданныя печатныя письма по моему согласію изданы, я онаго никогда себѣ и въ умѣ не вообразалъ, а дѣйствительно видно, оное сдѣлано недоброжелателями моими, и должно, кажется, тутъ скрываться, кромѣ намѣренія сдѣлать мнѣ неприятное предположеніе поселить въ вашихъ мысляхъ дурное обо мнѣ мнѣніе; но можетъ быть и общее какое-нибудь элонамѣреніе, почему весьма нужно открыть издателей оныхъ книгъ».

Въ этомъ письмѣ Аракчеевъ жалуется государю на то, что у него много недоброжелателей; причина вражды къ нему многихъ «моя вѣрная и истинная служба и вѣрная преданность покойному государю». Чтобы убѣдить государя въ своей правдивости, въ концѣ письма онъ заявляетъ. «Я теперь говѣю и готовлюсь приобщаться Святыхъ Таинъ въ той деревнѣ, гдѣ находятся гробы моихъ родителей».

Аракчеевъ подарилъ экземпляръ изданной имъ книги съ собственноручной надписью своему «другу»; достойный другъ Аракчеева передалъ эту книгу государю; Сальватори черезъ Канкринна передалъ въ руки государя порученные ему Аракчеевымъ переводы.

Государь былъ пораженъ трусостью и лживостью вѣрнаго друга Александра Павловича; сообщая объ этомъ гнусномъ дѣлѣ Дибичу, государь закончилъ записку словами «Je vous abandonne les reflexions». Государь приказалъ Чернышеву съѣздить въ Грузино и объяснить Аракчееву неприличіе его поступка и отобрать отъ него экземпляры изданной книги. Бенкендорфъ возмущался «mensonge impudent» Аракчеева; по его словамъ «Аракчеевъ все отдалъ, онъ былъ настолько же трусливъ, настолько же подлъ, насколько прежде былъ высокоумѣренъ» ¹⁾.

Вся эта исторія настолько характерна, что ее можно считать самымъ яркимъ проявленіемъ безграничной трусости и самой безстыдной лживости. Чтобы оцѣнить по достоинству трусость и лживость Аракчеева, нужно припомнить, что Аракчееву не угрожала ни малѣйшая опасность, если бы онъ откровенно заявилъ, что книга издана имъ. Государь благоговѣнно относился къ памяти Александра Павловича, и потому никогда не рѣшился

¹⁾ Шильдеръ. Императоръ Николай Первый. Т. II, стр. 48—55.

бы на крутыя мѣры по отношенію къ другу своего покойнаго брата. Если бы Аракчеевъ не отдалъ самъ экземпляровъ книги, государь не рѣшился бы прибѣгнуть къ силѣ; также, навѣрное, государь не пожелалъ бы уволить Аракчеева отъ службы, если бы графъ не возвратилъ экземпляровъ книги. Впрочемъ, Аракчеевъ и такъ лишь числился на службѣ, слѣдовательно, ему не страшно было увольненіе, а это безспорно самое строгое наказаніе, котораго онъ могъ бы опасаться. Не говорю уже о томъ, что трусость и лживость ему повредили болѣе, чѣмъ могли повредить стойкость и правдивость.

Аракчеевъ закончилъ свою государственную дѣятельность крайне позорно: трусъ и лжець и не могъ окончить ее иначе. Онъ не могъ послѣ этой *sale affaire*, по выраженію Бенкендорфа, продолжать службу; его паденіе было не простою случайностью: дальнѣйшая его дѣятельность сдѣлалась нравственно невозможной ¹⁾.

Эта позорная исторія съ письмами «благодѣтеля» крайне поучительна и потому, что показываетъ, какъ трусъ и лгунъ при самыхъ исключительно благопріятныхъ условіяхъ не можетъ удержаться на высотѣ, куда занесла его судьба. Если бы Аракчеевъ не былъ трусомъ и лгуномъ, онъ оставилъ бы службу съ достоинствомъ, какъ человѣкъ неодобряющій новаго режима, занялъ бы положеніе сановника, удалившагося отъ дѣлъ по собственному желанію; но «рабъ», предъ которымъ трепетали почти всѣ въ теченіе многихъ лѣтъ, все же остался рабомъ, струсиль и солгалъ, когда съ нимъ заговорилъ его господинъ.

Къ счастью человечества аракчеевы составляютъ ничтожное меньшинство, но обидно то, что такое ничтожество, какъ Аракчеевъ, могъ долго терроризовать всю Россію, что между его современниками не было энергическихъ и честныхъ сановниковъ, а потому онъ могъ причинить такъ много зла. Передъ Аракчевымъ и его любовницей пресмыкались богатые и заслуженные сановники—вотъ въ чемъ сказалась страшная безнравственность того времени. Тамъ, гдѣ много «рабовъ» даже такой трусъ и лжець, какъ Аракчеевъ, можетъ долго разыгрывать роль повелителя; въ обществѣ, не потерявшемъ стыда, аракчеевы играютъ подобающую имъ роль.

¹⁾ Bernhardt (Historische Zeitschrift. 1860, s. 147) называетъ Аракчеева— «Ideal höchst seltener tugendhafter Knechtestreue».

VI.

Le vrai fond du caractère, pourrait on dire, s'est surtout notre manière d'aimer ¹⁾; дѣйствительно, вся сущность нашей личности проявляется въ томъ, кого и какъ мы любимъ. Для уясненія характера Аракчеева необходимо подробно остановиться на этой сторонѣ его жизни; біографія Аракчеева для психолога интересна именно потому, что любовь Аракчеева къ Минкиной еще разъ блистательно подтвердила мнѣніе поэтовъ о значеніи любви, какъ самаго полного проявленія личности.

Аракчеевъ былъ сластолюбивъ; не только въ молодости, но и въ томъ возрастѣ, когда почти всѣ болѣе всего дорожатъ семейнымъ очагомъ, онъ давалъ полную волю своему сластолюбію; онъ довольствовался продажными женщинами и крѣпостными наложницами.

Только три женщины играли нѣкоторую роль въ его жизни; со всѣми остальными дальше чисто плотскихъ удовольствій дѣло не шло.

Первая женщина, съ которой Аракчеевъ имѣлъ продолжительную связь, была извѣстная въ свое время В. П. Пукалова, сдѣлавшая своему мужу блестящую карьеру ²⁾. Пукалова была красивая и ловкая помпадурша, извлекавшая большія выгоды изъ связи съ Аракчеевымъ. Необходимо отмѣтить, что Аракчеевъ очень рано понялъ, что выгоднѣе всего имѣть содержанку на казенный счетъ. Ему не было тридцати лѣтъ, когда онъ сошелся съ Пукаловой, которая открыто торговала своимъ вліяніемъ на временщика. Аракчеевъ былъ уменъ и потому отлично зналъ, что Пукалова беретъ взятки, но онъ не желалъ тратиться на содержанку. Этотъ эпизодъ изъ жизни Аракчеева явно свидѣтельствуешь, что Аракчеевъ не имѣлъ права хвастаться своею честностью. Едва ли нужно говорить, что о любви Аракчеева къ Пукаловой не можетъ быть и рѣчи; ему была нужна содержанка, и онъ, найдя таковую безъ расходовъ, поддерживалъ связь, ничуть не беспокоясь о томъ, сколько зла причиняла Пукалова своимъ грабительствомъ; онъ боялся лишь того, что Го-

¹⁾ Fouillé. Tempérament et caractère., p. 104.

²⁾ Въ *Афишѣ о концертѣ* (1812—1825 гг.) Пукаловъ будетъ пѣть: «Ахъ ты душенька, жена моя». («Русская Старина», 1871 г., стр. 302.

сударь узнаеть о подвигахъ его содержанки. А. М. Тургеневъ рассказываетъ весьма характерный анекдотъ объ Аракчеевѣ и Пукаловой ¹⁾).

Единственная порядочная женщина, съ которой судьба свела Аракчеева, это была его жена; онъ женился 4 февраля 1806 г. на Натальѣ Ѳедоровнѣ Хомутовой; посаженнымъ отцомъ былъ Государь. Наталья Ѳедоровна не могла ужиться съ своимъ мужемъ; конечно, не разность въ годахъ супруговъ была причиной ихъ разлада. Аракчееву было тогда 37 лѣтъ, онъ обладалъ хорошимъ здоровьемъ и потому мнѣніе нѣкоторыхъ знакомыхъ Аракчеева, что главной причиной была разница лѣтъ, неосновательна. Также неосновательно было мнѣніе, что молодая графиня не могла примириться съ измѣнами мужа.

Наталья Ѳедоровна была небогата, а Аракчеевъ очень богатъ, занималъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ государствѣ; понятно, что если была бы хотя малѣйшая нравственная возможность ужиться съ мужемъ, Наталья Ѳедоровна не ушла бы отъ него. Несчастливая молодая женщина не могла переносить грубаго деспотизма своего богатаго и важнаго мужа и предпочла бѣдность и уединеніе.

Намъ не извѣстны подробности семейныхъ непріятностей Аракчеева, но фактъ налицо; Аракчеева не была продажной женщиной и потому оставила мужа очень скоро.

Я зналъ дочь воспитанницы Натальи Ѳедоровны; по семейнымъ воспоминаніямъ можно судить, что Наталья Ѳедоровна была скромная, кроткая женщина, мужественно переносившая свою долю. Она не добивалась получать пособіе отъ своего мужа,

1) Растопчинъ и графъ Аракчеевъ были приглашены къ императору кушать. За обѣдомъ Аракчеевъ началъ разговоръ о томъ, что у насъ перевелись вельможи, нѣтъ временщиковъ, что въ залахъ знатныхъ не толпятся. Растопчинъ, посмотрѣвъ на Змѣя Горыныча—такъ всѣ звали Аракчеева, сказалъ... «Да, въ залахъ не толкуются, а есть дома, передъ которыми проѣзду нѣтъ. Третьяго дня вечеромъ везли меня по Фонтанкѣ отъ Семеновскаго моста, вдругъ карета моя остановилась; я думалъ, что изломалось что-либо у кареты, опустилъ стекло и спросилъ: для чего карета остановилась. Человѣкъ отвѣчаетъ—каретами вся улица заставлена...—У кого же такой большой сѣзель?—спросилъ я. Стоявшіе кучера отвѣчали мнѣ. «У Пукалочки, баринъ». Признаюсь, никогда не слыхалъ я о знатной барынѣ Пукалочихѣ. Аракчеевъ закусилъ губу и оливковый цвѣтъ лица превратился въ багрово-желтый... («Русская Старина», 1885 г., № 11, стр. 264—265).

хотя имѣла право на помощь, жила уединенно и небогато; воспитанницу свою выдала за чиновника средней руки, наградивъ ее небольшимъ приданымъ. Аракчеевъ ничуть не сожалѣлъ о томъ, что его супружеская жизнь сложилась такъ неудачно, и совершенно позабылъ о своей женѣ. Извѣстно, что онъ не былъ огорченъ, когда жена его покинула, и не употреблялъ усилий, чтобы съ ней примириться, поэтому несомнѣнно, что онъ не любилъ своей жены, не былъ къ ней привязанъ¹⁾.

Связь Аракчеева съ Настасьей Минкиной продолжалась, если вѣрить Аракчееву, двадцать пять лѣтъ; слѣдовательно, онъ нашелъ свою подругу во время своего второго удаленія отъ двора, т.-е. въ то время, когда жилъ въ Грузинѣ съ 1799 по 1803 г. Тогда уже вполне сложился характеръ Аракчеева, опредѣлились его взгляды и вкусы.

Свое происхожденіе Минкина скрывала такъ упорно, что намъ оно неизвѣстно; одни ее считали женой крѣпостного кучера и рассказывали, что она нещадно наказывала своего мужа; по словамъ другихъ, она была цыганскаго происхожденія; А. М. Тургеневъ²⁾ ее считалъ лютеранкой. Несомнѣнно, что она была податного сословія, безграмотна и умна; судя по портрету, она была очень красива; многіе ее считали красавицей, но есть свѣдѣнія, что она не отличалась красотой, по крайней мѣрѣ, такъ отзывались о ней грузинскіе крестьяне, не понимавшіе, какъ некрасивая крестьянка могла овладѣть могущественнымъ временщикомъ.

Chaque vilain trouve sa vilaine; Аракчеевъ, наконецъ, нашелъ достойную себя подругу, и Минкина, до извѣстной степени, историческая личность; Отто³⁾ и Философовъ⁴⁾ дали подробное описаніе этой женщины, удостоившейся чести быть представленной императору Александру Павловичу.

Минкина была очень умна и скоро поняла характеръ Аракчеева; для того, чтобы удовлетворить желанію Аракчеева имѣть письменные рапорты о состояніи грузинскаго хозяйства, Минкина

1) Въ записяхъ на прикладныхъ листахъ Евангелія, Аракчеевъ завесъ всѣ важныя обстоятельства своей жизни (полученіе наградъ и т. п.), но не упоминаетъ, когда разошелся съ женой. («Русскій Архивъ». 1866 г., стр. 922—27).

2) «Русская Старина», 1895 г. Іюль.

3) «Древняя и Новая Россія», 1875 г., т. I.

4) «Русская Старина», 1884 г. Мартъ.

научилась писать и аккуратно по табелямъ, составленнымъ Аракчеевымъ, писала рапорты о хозяйствѣ и вела съ графомъ оживленную переписку. Канцелярская дѣловитость Минкиной вполне удовлетворяла Аракчеева, а ему было трудно угодить.

Минкина была прекрасная экономка и такъ хорошо вела хозяйство, что послѣ ея смерти Аракчеевъ не могъ найти экономки, способной замѣнить Минкину. Всѣ, посѣщавшіе Грузино, во время хозяйничанія тамъ Минкиной, восторгались ея умѣньемъ вести дѣло.

Гибкій умъ Минкиной доказывается ея письмами къ Аракчееву¹⁾; и по содержанію и по стилю, они положительно замѣчательны; только женщина, обладавшая гибкимъ умомъ, вполне понимавшая Аракчеева, могла сочинять такія письма. Философовъ (Ор. cit. стр. 497) дѣлаетъ предположеніе: «Не сочинялъ ли эти письма кто-либо изъ настоящихъ сердечныхъ избранниковъ Настасьи, которая какъ готовья, та уже переводила на свои каракули, такъ глубоко трогавшія и приводившія въ восхищеніе Аракчеева». Всѣ письма безспорно сочинены однимъ лицомъ, слѣдовательно, поклонникъ Минкиной долго пользовался ея довѣренностью; едва ли, однако, продолжительная связь съ однимъ лицомъ осталась бы никому неизвѣстной, а грузинскія преданія не называютъ такого поклонника. Наконецъ, если Минкина сумѣла найти себѣ такого хорошаго секретаря, то это свидѣтельствуется и о ея умѣ, и о вкусѣ. Однако, чтеніе этихъ писемъ убѣждаетъ меня, что ихъ сочинила женщина; но, конечно, это личное впечатлѣніе.

Во время болѣзни матери Аракчеева лѣтомъ 1820 Минкина писала къ графу: «Любезный мой отецъ графъ! Что могу сказать вамъ послѣ вашего дружескаго письма? Грусть мучаетъ мою душу, не могу придумать, гдѣ вы теперь, мой благодѣтель. Если вашей матушкѣ нѣтъ лучше, и вы у ней, то позвольте мнѣ быть съ вами. Я знаю ваше чувствительное сердце, сколь вы мучите себя—я буду дѣлать съ вами горестъ. А если вы останетесь одни тамъ, то, вѣрьте, что и я не менѣе буду чувствовать мученія, не въ силахъ выдержать послушанія. Къ вамъ пріѣду въ телѣжкѣ—чѣмъ представлять каждую минуту васъ съ растерзаннымъ

1) Русскій Архивъ 1868 г., № 10; правописаніе Минкиной исправлено редакціей.

сердцемъ. Я увѣрена въ Карлѣ Крестьяновичѣ, но все не я съ вами! Отецъ, умоляю у ногъ вашихъ—успокойте себя и своего преданнаго слугу. Вотъ три дня, какъ я не найду мѣста, воображая васъ плачевнымъ; вѣрю, что дорога родительница, но что дѣлать! Богъ — единъ и воля Его — Онъ можетъ подать облегченіе, молитте Его и мы принесемъ теперъ къ нему молитву. Цѣлую ваши ручки и ножки, прошу, поберегите себя, моя душа».

Въ томъ же году она писала Аракчееву... «Если васъ мнѣ не беречь и не любить, то я недостойна и по землѣ ходить. Вы мой отецъ, все мнѣ сдѣлали; вы любите моего Мишу. Неужели я могу все это забыть? Всегда прошу Бога о сохраненіи вашего здоровья и продолженіи жизни вашей на многіе годы, чтобы намъ сиротамъ видѣть отца и благодѣтеля нашего веселаго между своихъ подданныхъ».

Минкина также снисходительно относилась къ похождениямъ пожилого Аракчеева, какъ маркиза Помпадуръ къ разврату Людовика XV: «Рада умереть у ногъ вашихъ, ожидаю вашихъ милыхъ писемъ; они утѣшаютъ меня. Прошу Бога, чтобы Онъ спасъ жизнь вашу, далъ здоровья... цѣлую ваши ручки, милый, и ножки... Скука несносная! Ахъ, другъ мой, нѣтъ васъ—нѣтъ для меня веселья и утѣшенія, окромя слезъ. Дай Богъ, чтобы ваша любовь была такова, какъ я чувствую къ вамъ. Одинъ Богъ видитъ ее: вамъ не надобно сомнѣваться въ своей Настѣ, которая каждую минуту посвящаетъ вамъ. Скажу, другъ мой добрый, что часто въ васъ сомнѣвалась, но все прощаю... Что дѣлать, что молоденькія берутъ верхъ надъ дружбой; но вашъ слуга Н. всегда будетъ, до конца жизни, одинакова. Желаю, чтобы сынъ нашъ общій былъ примѣромъ благодарности. Я ему всегда говорю: «Богъ намъ далъ отца и благодѣтеля въ васъ, душа, единственная моему сердцу... Я люблю васъ болѣе своей жизни, то вѣрьте, что всякій стонъ вашъ болѣзненный доходитъ до моего сердца; а вы, моя душа, говорите такія слова, что не можно удержать своихъ слезъ. Я служила вамъ всегда истинно, надѣясь на Бога, да не оставитъ Онъ моего отца для насъ сиротъ... Можетъ, еще вы закроете мои глаза».

Въ письмахъ Минкиной подробно и толково описывается хозяйство, но среди дѣловыхъ сообщеній напоминаетъ и о горячей любви къ Аракчееву: «У меня полный садъ цвѣтовъ... Я воображаю,

мой отецъ, что вы выходите изъ спальни и цѣлуете за сюрпризъ Настю».

Съ своими просьбами Минкина обращалась къ Аракчееву весьма скромно. «Когда вы будете въ Москвѣ, то купите мнѣ на капоть чернаго бархата 14 аршинъ, хорошаго, за что буду заслуживать ваши ко мнѣ милости. Также, когда будете въ Варшавѣ, то башмаки прошу по образцу. Прости, другъ и отецъ мой! Еще если будете въ Одессѣ, прошу купить турецкій черный платокъ, хорошій. Прости смѣлости моей, если безпокою отца моего. Умоляю у ногъ вашихъ, не сердись на свою Н».

Большой умъ Минкиной доказывается тѣмъ, что она въ теченіе двадцати пяти лѣтъ обманывала умнаго и подозрительнаго графа, для чего, конечно, было нужно окружить себя людьми, умѣющими молчать; не меньше ума нужно было для того, чтобы такъ долго держать въ полномъ повиновеніи всѣхъ крѣпостныхъ, глубоко ненавидѣвшихъ ее за жестокость.

Наконецъ, недюженный умъ Минкиной виденъ изъ того, что она сумѣла притвориться беременной, найти ребенка, котораго она выдала за своего. Шумскій былъ сыномъ бѣдной крестьянки, уступившей своего новорожденнаго Минкиной; мать Шумскаго похоронила пустой гробъ и рассказала потомъ всѣмъ, что она родила мертваго ребенка. Ее тогда же взяли въ кормилицы къ Шумскому. Понятно, какъ много нужно ума, знанія людей, умѣнья держать ихъ въ рукахъ, чтобы удался такой обманъ, а Минкиной онъ удался вполне, и Аракчеевъ никогда не узналъ тайны. Также нужно было много ловкости, чтобы привязать безсердечнаго Аракчеева къ ребенку, и это вполне удалось Минкиной. Аракчеевъ далъ Шумскому блестящее воспитаніе, купилъ ему дворянское достоинство, выхлопоталъ званіе флигель-адъютанта и не его вина, что Шумскій окончилъ свою жизнь крайне печально. Еще одинъ примѣръ, указывающій безсиліе воспитанія: Шумскій былъ достойный сынъ матери, его уступившей Минкиной.

Само собою разумѣется, что Минкина не могла любить Аракчеева; такихъ людей, какъ Аракчеевъ, любить нельзя. Она продавала себя и старалась извлечь побольше выгодъ, за что, конечно, ее нельзя строго судить, принимая во вниманіе ея положеніе крѣпостной. Можно лишь удивляться силѣ ея характера, ея выдержкѣ; двадцать пять лѣтъ угождать грубому деспоту—

можетъ далеко не всякая. Минкина увѣрила Аракчеева, что только она можетъ уберечь его отъ мести озлобленныхъ на него подчиненныхъ, наблюдала за приготовленіемъ ему пищи и напитковъ, которыми и снабжала Аракчеева въ его разъѣздахъ по военнымъ поселеніямъ. Минкина съ успѣхомъ несла при Аракчеевѣ обязанности шпіона и тѣлохранителя; онъ какъ трусъ высоко цѣнилъ эту дѣятельность Минкиной.

Нужно принять во вниманіе, что Аракчеевъ былъ очень некрасивъ, истасканъ, постоянно ругался и дрался; очевидно, что Минкиной жилось очень тяжело; она всегда должна была быть на чеку, чтобы не выдать себя, чтобы угодить своему «благодѣтелю».

Минкина старалась обезпечить себя, повидимому была очень довольна своимъ положеніемъ «домоправительницы» Аракчеева, любила почетъ; съ ней были любезны вельможи, она была представлена Государю, посѣщавшему неоднократно Грузино. Но все это не могло наполнить жизни; Минкина обладала дѣятельнымъ, живымъ характеромъ, не могла ограничиться ролью, отведенной ей «благодѣтелемъ». По словамъ Отто, «часто во флигелѣ Настасьи, въ отсутствіе графа, происходили безобразныя сцены и шампанское лилось и выпивалось тамъ ковшами. Со скуки или радости, фаворитка кутила, запасаясь самымъ дорогимъ виномъ. Похищать его изъ барскаго погреба было однако опасно, потому что тамъ каждая бутылка на отчетѣ; но Настасья находила другія средства и вымогала ихъ изъ нечистыхъ источниковъ. Она знала за грузинскимъ головою или подозрѣвала разные грѣхи и, пользуясь этимъ, брала съ него значительныя контрибуціи».

Минкина была достойной подругой Аракчеева, имѣла право на его привязанность, потому что въ жестокости не уступала ему, а даже превосходила этого изверга. Она, такъ же какъ и онъ, ненавидѣла людей и всегда дѣлала имъ зло. Даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда оказывала одолженіе, она оскорбляла и язвила. «Выйдетъ она бывало на крыльцо изъ молочника (молочнаго домика), вынесетъ горшокъ прокисшихъ сливокъ и крикнетъ мальчикамъ: «ей вы, пострѣлята, жрите, лакайте». А не то зачастую скажетъ на весь дворъ крѣпкое слово, «помяная родителей нашихъ». Дворовыхъ дѣвушекъ, а также и мужчинъ, по распоряженію Минкиной, по два раза въ день наказывали розгами (розги мокли въ кадкѣ съ разсолемъ) и батогами, сажали въ домашнюю тюрьму—темное, сырое, холодное и тѣсное помѣщеніе.

Нерѣдко послѣ собственнаго наложеннаго ею наказанія, она еще приносила жалобу Аракчееву; онъ никогда не прощаль самыхъ малѣйшихъ неприяностей, о какихъ заявляла ему Минкина, и наказывалъ за нихъ съ удвоенной строгостью.

Жестокость Минкиной доводила несчастныхъ до самоубійства; намъ извѣстны имена двухъ ея жертвъ: «полицмейстеръ» Синицынъ утопился; дворецкій Стримилловъ зарѣзался; съ увѣренностью можно утверждать, что были и другія жертвы ея жестокости.

Понятно, что больше всего доставалось горничнымъ Минкиной—особенно красивымъ. Въ 1821 г. прислуга Минкиной покушалась отравить ее мышьякомъ въ кушаньѣ; Минкина почувствовала тошноту и прохворала нѣсколько дней; были и еще такія же покушенія, оставшіяся безъ успѣха. Минкина, подозревая, что ее хотятъ отравить, сдѣлалась весьма осторожна въ принятіи пищи. Наконецъ, 10 сентября 1825 г. Минкина была зарѣзана 20-лѣтнимъ поваромъ Василюемъ Антоновымъ, мстившимъ за свою сестру—Прасковью—21 года. Эту несчастную Минкина истязала съ остервененіемъ.

Аракчеевъ по-своему любилъ Минкину. Онъ еще въ 1806 году т.-е. въ годъ своей свадьбы поставилъ, въ Грузинѣ на особой полянѣ, недалеко отъ барскаго дома чугунную вазу въ знакъ вѣрной службы Минкиной ¹⁾. Едва ли Аракчеевъ, вступая въ бракъ, рѣшилъ разстаться съ Минкиной—во всякомъ случаѣ такое афишированіе связи съ Минкиной должно было оскорблять молодую графиню, но Аракчеевъ не шадилъ самолюбія своей жены. Онъ построилъ для Минкиной особый флигель съ зеркальными окнами, очень изящный и выдѣлявшійся отъ остальныхъ построекъ; въ 1819 г. положилъ въ банкъ на имя Минкиной 24 тысячи, при чемъ она была записана въ купчихи. При скупости Аракчеева 24 тысячи была громадная сумма, доказывающая какъ дорога Минкина была графу. Онъ даже цѣнилъ ея память настолько, что племянницѣ Минкиной Татьянѣ далъ воспитаніе, помѣстивъ ее въ монастырѣ, и положилъ въ банкъ на ея имя 6 тысячъ. Аракчеевъ предоставилъ Минкиной особое положеніе; генералы, нисколько не стыдясь, цѣловали ей руки, льстили ей и конечно дѣлали ей подарки. Самъ Государь удо-

¹⁾ Русскій архивъ 1869, стр. 1475, 1483.

Вопросы философіи, кн. 83.

стоиваль ее вниманіемъ и изъ любви къ графу заходилъ въ ея комнаты и пиваль у нея чай ¹⁾.

Аракчеевъ цѣнилъ въ Минкиной красивую женщину, распорядительную экономку, точную исполнительницу его приказаній, тѣлохранителя и шпіона, мать его сына. Особѣнно цѣнна для Аракчеева была привязанность къ нему Минкиной, всегда увѣрившей его, что она понимаетъ свое подчиненное положеніе, всегда дѣлавшей видъ, что она смотритъ на своего благодѣтеля снизу вверхъ. Минкина всегда и все дѣлала Аракчееву только пріятное, и эта связь его ничуть не тяготила, потому что Настасья ничего не требовала, ничего не просила такого, что могло бы быть непріятно Аракчееву. Наконецъ, по своему душевному складу Минкина была достойной подругой Аракчеева; она въ злобности, въ человѣконенавистничествѣ не уступала своему благодѣтелю; обладала такимъ же практическимъ умомъ, какъ и самъ Аракчеевъ; такой же выдержанностью, какъ и онъ; оба они были лживы и подлы, оба тщеславны и жадны. Однимъ словомъ, Минкина имѣла полное право на любовь Аракчеева; она была ему не только полезна, но и необходима.

Аракчеевъ былъ огорченъ и еще болѣе разсерженъ убійствомъ Минкиной ²⁾. Во время убійства Минкиной онъ былъ въ ближайшемъ округѣ военныхъ поселеній. Изъ Грузина прискакалъ верховой и графу доложили, что Настасья тяжело больна. Аракчеевъ бросилъ дѣла и поѣхалъ въ Грузино; не доѣзжая до дома, онъ узналъ истину; узнавъ объ убійствѣ, Аракчеевъ, обезумѣвъ отъ злобы, выскочилъ изъ коляски, съ воплемъ бросился на траву, рвалъ на себѣ волосы, бился въ судорогахъ и кричалъ: «убили, убили ее, такъ убейте-же и меня, зарѣжьте поскорѣе!» Видъ его былъ ужасенъ, пѣна клубилась у рта. Въ такомъ же аффектѣ Аракчеевъ рыдалъ надъ трупомъ «вѣрнаго друга».

Но аффектъ продолжался недолго, и Аракчеевъ сейчасъ же выработалъ планъ мести убійцамъ Минкиной. Правосудіе, не смо-

¹⁾ Русскій Архивъ 1880, стр. 321—322.

²⁾ Дѣло объ убійствѣ Минкиной подробно изложено въ статьѣ Пупарева, составленной по подлинному сенатскому дѣлу („Русская Старина“, 1871; IX.) Пупаревъ ее называетъ Шумской; Отто ее называетъ Минкиной, что правильно; такъ какъ Шумскимъ назывался ея сынъ, для котораго Аракчеевъ купилъ подложный документъ на дворянское достоинство.

тра на жестокость того времени, не могло удовлетворить этого изверга, и онъ хотѣлъ получить особыя полномочія, чего и добился. Онъ имѣлъ наглость написать Государю, проживавшему въ Таганрогѣ съ тяжело больной императрицей, что онъ такъ пораженъ убійствомъ «вѣрнаго друга», что не можетъ заниматься государственными дѣлами; «дѣлами никакими не имѣю силъ и соображеній заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшего тебѣ слугу». Вмѣстѣ съ тѣмъ Аракчеевъ сдалъ всѣ дѣла. Курьеры скакали сломя голову и уже 1 октября Аракчеевъ получилъ письмо государя отъ 22 сентября. Императоръ утѣшалъ своего друга: «Я Бога усердно прошу, чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ бы въ тебя необходимую твердость съ повиновеніемъ Его святой волѣ»... Письмо заканчивалось такъ: «прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга и вѣрнаго тебѣ друга». Это историческое письмо однако не успокоило Аракчеева; въ день его полученія Аракчеевъ писалъ государю: «Біеніе сердца, ежедневная лихорадка и три недѣли не имѣю ни одной ночи покою и единая тоска, уныніе и отчаяніе, все оное привело меня въ такую слабость, что я потерялъ совсѣмъ память». Государь, желая поддержать своего друга, просилъ письмомъ архимандрита Фотія утѣшить Аракчеева: «я увѣренъ, что вы съ молитвою Всевышняго много поможете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпляя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ; ибо *служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества*» ¹⁾.

Но Аракчеевъ не нуждался въ поддержкѣ Фотія и *выздоровѣлъ* 14 октября по пріѣздѣ изъ Таганрога Клейнмихеля, который привезъ съ собою повелѣніе Государя слѣдить за слѣдствіемъ; письмо къ Фотію и повелѣніе Клейнмихелю были написаны въ первыхъ числахъ октября. Повелѣніе Клейнмихелю могло быть истолковано, какъ особыя полномочія, и 14 октября Аракчеевъ писалъ новгородскому губернатору Жеребцову: «по прибытіи же начальника штаба Клейнмихеля, нарочно ко мнѣ государемъ императоромъ отправленнаго, узналъ я отъ него лично, что неизмѣнная воля всемилостивѣйшаго государя императора есть, дабы сіе было изслѣдовано со всею строгостью, что самое начальникъ штаба Клейнмихель въ проѣздѣ свой вамъ лично объявилъ».

¹⁾ Въ доставленномъ Н. П. Степановымъ списокѣ съ письма, слова, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты («Русская Старина» 1871, IX стр. 26.)

стоиваль ее вниманіемъ и изъ любви къ графу заходилъ въ ея комнаты и пиваль у нея чай ¹⁾.

Аракчеевъ цѣнилъ въ Минкиной красивую женщину, распорядительную экономку, точную исполнительницу его приказаній, тѣлохранителя и шпіона, мать его сына. Особѣнно цѣнна для Аракчеева была привязанность къ нему Минкиной, всегда увѣрившей его, что она понимаетъ свое подчиненное положеніе, всегда дѣлавшей видъ, что она смотритъ на своего благодѣтеля снизу вверхъ. Минкина всегда и все дѣлала Аракчееву только пріятное, и эта связь его ничуть не тяготила, потому что Настасья ничего не требовала, ничего не просила такого, что могло бы быть непріятно Аракчееву. Наконецъ, по своему душевному складу Минкина была достойной подругой Аракчеева; она въ злобности, въ человѣконенавистничествѣ не уступала своему благодѣтелю; обладала такимъ же практическимъ умомъ, какъ и самъ Аракчеевъ; такой же выдержанностью, какъ и онъ; оба они были лживы и подлы, оба тщеславны и жадны. Однимъ словомъ, Минкина имѣла полное право на любовь Аракчеева; она была ему не только полезна, но и необходима.

Аракчеевъ былъ огорченъ и еще болѣе разсерженъ убійствомъ Минкиной ²⁾. Во время убійства Минкиной онъ былъ въ ближайшемъ округѣ военныхъ поселеній. Изъ Грузина прискакалъ верховой и графу доложили, что Настасья тяжело больна. Аракчеевъ бросилъ дѣла и поѣхалъ въ Грузино; не доѣзжая до дома, онъ узналъ истину; узнавъ объ убійствѣ, Аракчеевъ, обезумѣвъ отъ злобы, выскочилъ изъ коляски, съ воплемъ бросился на траву, рвалъ на себѣ волосы, бился въ судорогахъ и кричалъ: «убили, убили ее, такъ убейте-же и меня, зарѣжьте поскорѣе!» Видъ его былъ ужасенъ, пѣна клубилась у рта. Въ такомъ же аффектѣ Аракчеевъ рыдалъ надъ трупомъ «вѣрнаго друга».

Но аффектъ продолжался недолго, и Аракчеевъ сейчасъ же выработалъ планъ мести убійцамъ Минкиной. Правосудіе, не смо-

¹⁾ Русскій Архивъ 1880, стр. 321—322.

²⁾ Дѣло объ убійствѣ Минкиной подробно изложено въ статьѣ Пупарева, составленной по подлинному сенатскому дѣлу („Русская Старина“, 1871; IX.) Пупаревъ ее называетъ Шумской; Отто ее называетъ Минкиной, что правильно; такъ какъ Шумскимъ назывался ея сынъ, для котораго Аракчеевъ купилъ подложный документъ на дворянское достоинство.

тря на жестокость того времени, не могло удовлетворить этого изверга, и онъ хотѣлъ получить особыя полномочія, чего и добился. Онъ имѣлъ наглость написать Государю, проживавшему въ Таганрогѣ съ тяжело больной императрицей, что онъ такъ пораженъ убійствомъ «вѣрнаго друга», что не можетъ заниматься государственными дѣлами; «дѣлами никакими не имѣю силъ и соображеній заниматься. Прощай, батюшка, вспомни бывшаго тебѣ слугу». Вмѣстѣ съ тѣмъ Аракчеевъ сдалъ всѣ дѣла. Курьеры скакали сломя голову и уже 1 октября Аракчеевъ получилъ письмо государя отъ 22 сентября. Императоръ утѣшалъ своего друга: «Я Бога усердно прошу, чтобы Онъ подкрѣпилъ твои силы и здоровье и вселилъ бы въ тебя необходимую твердость съ повиновеніемъ Его святой воли»... Письмо заканчивалось такъ: «прощай, любезный Алексѣй Андреевичъ, не покидай друга и вѣрнаго тебѣ друга». Это историческое письмо однако не успокоило Аракчеева; въ день его полученія Аракчеевъ писалъ государю: «Біеніе сердца, ежедневная лихорадка и три недѣли не имѣю ни одной ночи покою и единая тоска, уныніе и отчаяніе, все оное привело меня въ такую слабость, что я потерялъ совсѣмъ память». Государь, желая поддержать своего друга, просилъ письмомъ архимандрита Фотія утѣшить Аракчеева: «я увѣренъ, что вы съ молитвою Всевышняго много поможете подѣйствовать на душевныя его силы. Подкрѣпляя ихъ, вы окажете важную услугу государству и мнѣ; ибо *служеніе графа Аракчеева драгоцѣнно для отечества*» ¹⁾).

Но Аракчеевъ не нуждался въ поддержкѣ Фотія и *выздоровѣлъ* 14 октября по пріѣздѣ изъ Таганрога Клейнмихеля, который привезъ съ собою повелѣніе Государя слѣдить за слѣдствіемъ; письмо къ Фотію и повелѣніе Клейнмихелю были написаны въ первыхъ числахъ октября. Повелѣніе Клейнмихелю могло быть истолковано, какъ особыя полномочія, и 14 октября Аракчеевъ писалъ новгородскому губернатору Жеребцову: «по прибытіи же начальника штаба Клейнмихеля, нарочно ко мнѣ государемъ императоромъ отправленнаго, узналъ я отъ него лично, что неизмѣнная воля всемилостивѣйшаго государя императора есть, дабы сіе было изслѣдовано со всею строгостью, что самое начальникъ штаба Клейнмихель въ проѣздѣ свой вамъ лично объявилъ».

¹⁾ Въ доставленномъ Н. П. Степановымъ спискѣ съ письма, слова, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты («Русская Старина» 1871, IX стр. 26.)

Такимъ образомъ Аракчеевъ добился того, чего хотѣлъ; слѣдствіе перешло въ его руки, такъ какъ Клейнмихель, которому свыше было поручено наблюденіе надъ слѣдствіемъ, былъ вполне преданный исполнитель воли Аракчеева. Новгородскія власти вполне согласились съ такимъ толкованіемъ порученія, даннаго Клейнмихелю, и охотно исполняли приказанія Аракчеева. Можно себѣ представить, что творили эти жалкіе и подлые люди, если самъ Аракчеевъ былъ доволенъ ходомъ дѣла; по поводу слѣдствія онъ въ ноябрѣ говорилъ генералу Маевскому: «Вотъ какъ непостоянно человѣческое счастье; давно ли я считалъ себя счастливейшимъ? А не зналъ того, что меня окружаютъ 40 разбойниковъ съ готовыми противъ меня кинжалами. Теперь они всѣ идутъ подъ кнутъ». Аракчеевъ добился жесточайшаго наказанія всѣмъ замѣшаннымъ въ это дѣло; онъ не только мстил за убійство «вѣрнаго друга», но и хотѣлъ примѣрнымъ наказаніемъ запугать своихъ крѣпостныхъ и тѣмъ предохранить себя отъ мести озлобленныхъ крестьянъ.

Чтеніе статьи Пупарева прямо-таки мучительно; состраданіе по несчастнымъ жертвамъ Аракчеева, жгучій стыдъ за исполнителей его воли надолго лишаютъ покоя по прочтеніи этой статьи. Кто хочетъ узнать, до чего люди могутъ быть злы и подлы, долженъ познакомиться съ этимъ дѣломъ.

Василій и Прасковья Антоновы умерли на самомъ мѣстѣ наказанія, т.-е. были подвергнуты мучительной казни; черезъ нѣсколько времени послѣ мученія умерла Фомина; остальные подсудимые были наказаны кнутомъ и ссылкой. Необходимо упомянуть, что слѣдствіе велось такъ пристрастно и незаконно, что новгородскій губернаторъ Жеребцовъ былъ приговоренъ Сенатомъ къ ссылкѣ въ Сибирь; сенаторъ Мансуровъ, не согласившійся съ приговоромъ, все же находилъ Жеребцова настолько виноватымъ, что полагалъ справедливымъ Жеребцова, «какъ отъ службы уже уволеннаго, впредь ни къ какимъ должностямъ не опредѣлять и повсемѣстно публиковать».

Едва ли нужно говорить, что Жеребцовъ въ Сибирь сосланъ не былъ.

Аракчеевъ распорядился похоронить тѣло Настасьи въ Грузинскомъ соборѣ, рядомъ съ своею заранѣе приготовленною

1) Русская Старина, 1873, стр. 771.

могилю. Когда гробъ опустили въ склепъ, Аракчеевъ кинулся вслѣдъ за гробомъ и кричалъ на всю церковь: «рѣжьте меня, лишайте меня, злодѣи, жизни, вы отняли у меня единственнаго друга, я теперь потерялъ все».

Аракчеевъ далъ блестящее воспитаніе Шумскому, выхлопоталъ ему званіе флигель-адъютанта, но не сумѣлъ его привязать къ себѣ, внушить довѣріе и любовь. Когда Шумскій былъ исключенъ изъ службы, Аракчеевъ совершенно отказался отъ него, но выдавалъ ему пособіе; послѣ смерти Аракчеева Шумскій остался безъ всякихъ средствъ. Государь назначилъ ему изъ суммъ кабинета пенсію въ 1200 руб., т.-е. въ размѣрѣ пособія, выдававшегося ему Аракчеевымъ ¹⁾). Шумскій погибъ отъ пьянства.

Аракчеевъ не былъ надѣленъ семейными чувствованіями; онъ не любилъ своихъ родственниковъ. Отецъ Аракчеева, прощаясь съ сыномъ, поѣдившимъ родителей въ 1794 г., выразился такъ: «Алексѣй какъ волкъ: какъ ни корми, а все въ лѣсъ смотритъ».

Бабушка Аракчеева по матери подарила его младшему брату Петру 100 душъ. Отто говоритъ, что «старшаго внука она однако не любила»; такъ какъ Петръ былъ на семь лѣтъ моложе своего знаменитаго брата, то нужно думать, что и въ юности Аракчеевъ былъ настолько несимпатиченъ, что родная бабушка не пожелала его обезпечить, и «всю свою заботливость и попеченіе сосредоточила на среднемъ Петрѣ».

Аракчеевъ почтительно относился къ своей матери, но рѣдко ее навѣщалъ, не помогалъ ей матеріально, ограничивался малоцѣнными подарками,—напр., посылалъ ей атласное платье, кисейную юбку и т. п. Братъ его Петръ также не пользовался милостями своего богатаго брата; при дѣлежѣ наслѣдства возникли недоразумѣнія. Аракчеевъ не любилъ своего двоюроднаго брата Николая Васильевича, не принималъ его у себя; въ 1832 г., узнавъ о горестномъ положеніи Н. В., Аракчеевъ послалъ ему 200 руб., но приказалъ въ своей канцеляріи «написать Н. В., чтобы не ѣздилъ въ Грузино».

На прикладныхъ бѣлыхъ листахъ евангелія ²⁾ Аракчеевъ записалъ «Декабря 12-го 1815 г. Государь императоръ Александръ I изволилъ давать графу Аракчееву званіе статсъ-дамы для его ма-

1) „Русская Старина“, 1887; стр. 152.

2) „Русскій Архивъ“, 1866, стр. 926.

тери, но графъ онаго не принялъ и упросилъ оное отмѣнить ¹⁾».

Аракчеевъ съ гордостью разсказывалъ Маевскому объ отказѣ отъ этой награды ²⁾. Онъ говорилъ государю: «Мать моя не рождена для двора, и милость сія, выводя ее изъ неизвѣстности, уронила бы насъ обоихъ». Аракчеевъ отлично зналъ, что онъ такимъ образомъ лишалъ свою мать большой радости. «Женщины всѣ честолюбивы. Мать моя не знала до гроба о сей милости. Но ежели бы узнала, она и за гробомъ не простила бы этого мнѣ».

Чтобы оцѣнить по достоинству этотъ поступокъ Аракчеева, нужно принять во вниманіе, что въ то время его мать была дряхлая старуха (она умерла лѣтомъ 1820 г.), жила въ своемъ имѣніи, зла не дѣлала, но любила общество и почетъ. Пожалованіе старухѣ-провинціалкѣ званія статсъ-дамы вреда никому не причинило бы, но сдѣлало бы счастливой старуху на послѣдніе годы ея жизни. Но Аракчееву было непріятно чье-либо счастье, даже родной матери, копившей деньги для наслѣдниковъ; Аракчеевъ получилъ отъ нея въ наслѣдство 10.000 руб.

Отказъ отъ пожалованія матери высокаго отличія былъ въ концѣ-концовъ выгоденъ Аракчееву: «Апрѣля 24-го 1816 г. прибыла въ село Грузино, пожалованная графу Аракчееву яхта государева «Роченсальмъ». Едва ли нужно прибавлять, сколько труда было потрачено на доставку этой яхты въ Грузино; ломались дома, стоявшіе на дорогѣ и т. п.

Братъ графа Петръ считалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что Аракчеевъ помѣшалъ ему получить ленту ³⁾; Аракчеевъ оправдывался тѣмъ, что онъ отклонилъ пожалованіе ему самому орденовъ, но лицемѣріе его уже черезчуръ очевидно. Петръ Аракчеевъ едва ли былъ хуже своихъ сотоварищей, украшенныхъ лентами. Разсказываютъ, что въ 1799 г. графъ Аракчеевъ былъ отставленъ отъ службы за то, что скрылъ проступокъ своего брата Петра и выставилъ виновнымъ другое лицо; но этотъ разсказъ мало

¹⁾ Штейнгель. [„Записки“, стр. 402. (Общественное движеніе въ Россіи въ XIX вѣкѣ)] разсказываетъ, что въ 1817 ему пришлось быть чичероне старухи Аракчеевой, пріѣхавшей въ Москву посмотреть на торжества по случаю посѣщенія первопрестольной государемъ.

²⁾ „Русская Старина“, 1873, стр. 780.

³⁾ „Историческій Вѣстникъ“, 1904, стр. 301. Воспоминанія Мартоса.

вѣроятнѣ; болѣе правдоподобнѣ рассказъ его товарища Федорова ¹⁾).

Уже въ 1812 г. Аракчеевъ исходатайствовалъ утвержденіе его духовнаго завѣщанія; онъ установилъ недѣлимость всего своего состоянія; въ случаѣ онъ самъ не назначить наслѣдника, избраніе наслѣдника онъ предоставлялъ государю. Такъ какъ Аракчеевъ никого на свѣтѣ не любилъ, то онъ и не избралъ себѣ наслѣдника. Извѣстный психіатръ Legrand-du-Saulle вполне вѣрно замѣтилъ, что нѣкоторые психопаты оставляютъ свое состояніе благотворительнымъ и ученымъ учрежденіямъ не изъ челоуѣколюбія, а просто потому, что они не желаютъ сдѣлать пріятное своимъ родственникамъ. Поэтому и Аракчеевъ не могъ завѣщать кому-либо изъ своихъ родственниковъ Грузино, но онъ не только никого, но и ничего не любилъ, поэтому и не могъ завѣщать своего состоянія благотворительнымъ, ученымъ или военнымъ учрежденіямъ. Очевидно, что ему не оставалось другого исхода, какъ предоставить выборъ наслѣдника тому, отъ кого онъ получилъ состояніе, или, говоря иначе, предоставить свое состояніе въ распоряженіе государя. До извѣстной степени на такое рѣшеніе вліяло и тщеславіе, столь сильное у Аракчеева; онъ зналъ, что за такой богатый даръ государь прославитъ его память памятникомъ, и онъ не ошибся: кадетскій корпусъ, которому перешло состояніе графа, былъ названъ Аракчеевскимъ. Едва ли я ошибусь, допуская, что въ выборѣ наслѣдника Аракчеевъ руководился и тѣмъ соображеніемъ, что именно государю не доставитъ полученіе наслѣдства ни малѣйшаго удовольствія, слѣдовательно—Аракчеевъ въ своемъ челоуѣконенавистничествѣ былъ послѣдователенъ до конца.

Конечно, Аракчеевъ отлично зналъ, что государь не приметъ наслѣдства для себя лично.

Аракчеевъ никогда не имѣлъ ни одного друга, никого не любилъ и не былъ любимъ своими товарищами и сослуживцами.

Въ корпусѣ ему, какъ исправному кадету, былъ порученъ надзоръ за товарищами, съ которыми онъ и обращался съ необыкновенной для того времени жестокостью; понятно, что ни съ однимъ изъ своихъ товарищей по корпусу онъ не сохранилъ хорошихъ отношеній. Когда, по окончаніи корпуса, Аракчеевъ былъ ко-

¹⁾ „Русская Старина“, 1873, стр. 780—781.

мандиromъ егерской малолѣтней роты, онъ своимъ жестокимъ обращеніемъ возбуждалъ протестъ дѣтей. Котлубицкій ¹⁾ рассказываетъ случай, хорошо рисующій отношеніе къ Аракчееву кадетъ. Аракчеевъ часто дергалъ за пучокъ шалуна Пашенко «однажды товарищи его передъ танцевальнымъ классомъ натыкали ему въ пучокъ булавокъ; выведенный изъ терпѣнія его умысленными шалостями Аракчеевъ и въ этотъ разъ схватилъ его за пучокъ и окровавилъ всю руку. Въ такомъ положеніи онъ привелъ его къ начальнику корпуса Мелессино, который улыбулся и велѣлъ наказать Пашенка, но потомъ запретилъ офицерамъ драться». Естественно, что такого наставника не могли любить кадеты, и бывшіе воспитанники Аракчеева не сохранили о немъ хорошаго воспоминанія.

Самъ Аракчеевъ уклонялся отъ дружбы и не искалъ ея въ тотъ періодъ своей жизни, когда для него были еще возможны человѣческія отношенія. За время службы въ Гатчинѣ у него не было ни одного пріятели и даже благодушный Котлубицкій не любилъ Аракчеева. Когда Аракчеевъ занялъ исключительное положеніе, и его пріязни заискивали почти всѣ, онъ такъ грубо и настойчиво всѣхъ отъ себя отталкивалъ, что только весьма неразборчивые люди могли съ нимъ ужиться на долгое время.

За первый періодъ его дѣятельности къ нему былъ близокъ генераль Бухмейеръ; ему онъ поручилъ раздобыть документъ, по всей вѣроятности, поддѣльный на дворянское достоинство Шумскому ²⁾. Конечно, офицеръ, взявшій на себя такое порученіе, не былъ разборчивъ въ средствахъ; Аракчеевъ умѣлъ выбирать людей; Бухмейеръ не только добылъ документы, но и обдѣлалъ дѣло такъ ловко, что никто не узналъ какъ сынъ Минкиной сдѣлался дворяниномъ. Такія услуги конечно не дѣлаются даромъ; неизвѣстно заплатилъ ли изъ собственнаго кармана что-либо Аракчеевъ Бухмейеру, но точно извѣстно, что изъ государственнаго казначейства этому усердному слугѣ Аракчеева было выдано 49 тысячъ.

Во второй половинѣ службы Аракчеева самымъ близкимъ лицомъ къ нему былъ Клейнмихель; объ этомъ ученикъ Аракчеева говоритъ нѣтъ надобности. Клейнмихель былъ карьеристъ

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1868 г., стр. 1172.

²⁾ „Русская Старина“, 1878 г., стр. 181—184.

и выносилъ деспотизмъ Аракчеева лишь въ чаяніи грядущихъ благъ; когда временщикъ палъ, Клейнмихель не только удалился отъ Аракчеева, но и предалъ его, представивъ Государю напечатанные и собранные въ книгу рескрипты и письма къ Аракчееву императора Александра Павловича. Аракчеевъ, избравъ себѣ въ наперстники Клейнмихеля, доказалъ свое знаніе людей и причинилъ не мало горя Россіи. Паденіе Клейнмихеля по воцареніи Александра II вызвало всеобщій восторгъ.

Аракчеевъ весьма настойчиво афишировалъ свою любовь къ императорамъ Павлу Петровичу и Александру Павловичу; послѣ ихъ смерти онъ въ Грузинѣ имъ воздвигъ великолѣпные памятники, въ Парижѣ заказалъ дорогіе часы, игравшіе въ часъ смерти Александра Павловича заупокойные звуки; какъ реликвіи хранилъ мебель и вещи, которыми пользовался этотъ государь при своихъ посѣщеніяхъ Грузина. Все это, конечно, достигало цѣли, и давало право защитникамъ Аракчеева утверждать, что онъ былъ способенъ глубоко и сильно любить.

Князь Вяземскій даже утверждаетъ, что «Всѣ изъявленія благодарной памяти его къ почившимъ благодѣтелямъ Павлу и Александру, носятъ отпечатокъ не только глубокой преданности, но и чего-то поэтическаго... если и были въ немъ стороны очерствѣлыя, то очерствѣніе не вполне охватило его ¹⁾».

Но любовь къ «благодѣтелямъ» именно такое душевное явленіе, искренность котораго трудно и даже часто невозможно доказать. Кто же не знаетъ, какъ выгодно проявлять горячую любовь къ «благодѣтелямъ»; конечно, любовь къ «благодѣтелямъ» можетъ быть и искренней, но Аракчеевъ ничѣмъ не доказалъ этой искренности. Какъ-то плохо вѣрится въ любовь къ монархамъ генерала публично обозвавшаго славныя знамена «екатеринскими юбками», разстроивавшаго Александра Павловича письмами объ убійствѣ Минкиной; нужно припомнить, что Аракчеевъ зналъ о тяжелой болѣзни императрицы, отлично понималъ, въ какое трудное положеніе ставилъ Государя своимъ удаленіемъ отъ дѣлъ.

Всѣхъ современниковъ поразило, что Аракчеевъ заболѣлъ, когда умерла Минкина и выздоровѣлъ, когда скончался Александръ Павловичъ. Шенигъ выразился по этому поводу очень энергично

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1875, стр. 472.

«Смерть дѣвки отняла у Аракчеева способность заниматься государственными дѣлами, а кончина Александра Павловича ему оную возвратила»¹⁾. Свѣзевъ рассказываетъ: «Въ немногіе дни царствованія Константина Павловича графъ оставался въ Новгородѣ, но когда узналъ о вступленіи на престолъ Николая Павловича — выбрилъ бороду и, забывъ свою горестъ, тотчасъ же поскакалъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ Клейнмихелемъ»²⁾.

Все это, по меньшей мѣрѣ, даетъ право сомнѣваться въ искренности любви Аракчеева къ своему благодѣтелю.

Почитаніе памяти Павла Петровича оказалось очень полезнымъ Аракчееву. Александру Павловичу видимо нравилось, что «безъ лести преданный» графъ поставилъ памятникъ покойному императору. Зная, съ какимъ благоговѣніемъ относился Николай Павловичъ къ Александру Павловичу, Аракчеевъ могъ рассчитывать на благоволеніе Государя за культивированіе памяти его брата. Ужъ очень крикливо выражалъ свою привязанность къ покойному Государю Аракчеевъ, а потому какъ-то не вѣрится въ ея искренность. Во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что Аракчеевъ въ этомъ дѣлѣ преслѣдовалъ грубо эгоистическія цѣли уже потому, что разъ этотъ маневръ послужилъ ему на пользу. Конечно, до вѣрчивые люди могутъ вѣрить въ искренность Аракчеева, но для многихъ она остается подъ большимъ сомнѣніемъ.

Аракчеевъ назначилъ 50.000 руб. на премію за лучшую исторію Александра Павловича; эта сумма съ процентами должна быть выдана лишь въ 1925 году. Нельзя рѣшить, чѣмъ руководился Аракчеевъ, дѣлая этотъ щедрый даръ; желалъ ли онъ отблагодарить своего «благодѣтеля» или же былъ увѣренъ, что потомство прочтетъ въ этой книгѣ о его собственныхъ подвигахъ. Вѣдь вѣрилъ же онъ Маевскому, увѣрявшему его, что его можно ставить въ параллель лишь съ Наполеономъ. То обстоятельство, что Аракчеевъ назначилъ выдать премію въ 1925 году, какъ бы указываетъ на то, что онъ заботился, чтобы въ этомъ трудѣ его великіе подвиги были описаны съ должнымъ безпристрастіемъ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ убѣдился во всеобщей къ нему ненависти и потому, думая, что такое отношеніе къ нему несправедливо, не желалъ, чтобы исторія цар-

¹⁾ „Русскій Архивъ“, 1880, стр. 323.

²⁾ „Русская Старина“, 1881, стр. 558.

ствованія Александра Павловича появилась теперь; онъ могъ думать, что черезъ сто лѣтъ его подвиги будутъ оцѣнены справедливо, конечно, съ его точки зрѣнія, и его имя не умретъ для потомства.

VII.

Аракчеевъ обладалъ нѣкоторыми качествами или признаками преступнаго человѣка: полное отсутствіе альтруизма, безсердечность, грубый эгоизмъ, трусость, страстное тщеславіе — все это характеризуетъ преступнаго человѣка; но Аракчеевъ надѣленъ былъ громаднымъ трудолюбіемъ, а преступный человѣкъ отличается непобѣдимую лѣнностью; поэтому Аракчеева никоимъ образомъ нельзя считать преступникомъ по натурѣ. Хотя онъ сдѣлалъ въ своей жизни зла гораздо больше, чѣмъ самѣ крупныя преступники, онъ не совершилъ въ жизни ни одного уголовнаго преступленія. Онъ былъ крайне безнравственный, но не преступный человѣкъ.

Какъ ни мало разработано ученіе о преступномъ человѣкѣ, однако оно даетъ намъ достаточно матеріала, чтобы понять, почему Аракчеевъ, постоянно нарушавшій нравственные законы, ни разу въ жизни не нарушилъ уголовнаго закона: Аракчеевъ не былъ преступникомъ по натурѣ, такъ какъ не былъ надѣленъ основнымъ свойствомъ преступнаго человѣка — лѣнностью. Обладая громаднымъ трудолюбіемъ, Аракчеевъ былъ въ состояніи дѣлать зло совершенно для себя безнаказанно; своимъ трудолюбіемъ онъ завоевалъ себѣ исключительное положеніе.

Аракчеевъ былъ очень трудолюбивъ, страшно дѣятеленъ и неутомимъ въ работѣ; по своему трудолюбію онъ намного превосходилъ своихъ сослуживцевъ; вообще едва ли было много дѣятелей болѣе трудолюбивыхъ, чѣмъ Аракчеевъ, и въ этомъ отношеніи онъ занимаетъ исключительное мѣсто въ нашей исторіи. Нужно допустить, что Аракчеевъ обладалъ рѣдкой, особенной организаціей; онъ не зналъ усталости, работалъ съ удовольствіемъ, тяготился бездѣятельностью.

Какъ и всѣ основныя свойства организаціи, трудолюбіе Аракчеева проявилось очень рано; когда онъ учился въ корпусѣ, на него, какъ на очень трудолюбиваго кадета, обратили вниманіе учителя и начальство. По окончаніи курса онъ не только исправнѣе своихъ товарищей исполнялъ свои служебныя обязанности,

но и составилъ учебникъ «Краткія артиллерійскія записки въ вопросахъ и отвѣтахъ». Мало того, онъ давалъ частные уроки. Аракчеевъ, какъ извѣстно, въ послѣдствіи любилъ рассказывать, что онъ давалъ уроки, чтобы заработать необходимыя для жизни средства; но Отто документально доказалъ, что родители Аракчеева были люди небѣдные; едва ли между товарищами Аракчеева было много лицъ, родители которыхъ были богаче Аракчеевыхъ; очень богатые люди, какъ тогда, такъ и теперь, не служили въ артиллеріи.

Въ Гатчинѣ Аракчеевъ скоро обратилъ на себя вниманіе своимъ удивительнымъ трудолюбіемъ, своею напряженною дѣятельностью, своею неутомимостью. «Въ бытность великаго князя въ Павловскѣ, Аракчеевъ въ Гатчинѣ сурово принялся за новыя свои обязанности, и ученія продолжались по двѣнадцати часовъ въ день» ¹⁾. Понятно, что при всемъ желаніи никто не могъ превзойти Аракчеева въ трудолюбіи; у сослуживцевъ Аракчеева не хватало силъ производить такъ долго ученія. Великій князь оцѣнилъ дѣятельность неутомимаго Аракчеева, давалъ ему различныя порученія и сдѣлалъ комендантомъ Гатчины. Необычайное трудолюбіе Аракчеева вызывало удивленіе современниковъ; онъ сдѣлался лицомъ извѣстнымъ, о немъ заговорили. Masson ²⁾, характеризовалъ его дѣятельность слѣдующимъ образомъ «*Jamais poete pyndarique ne fut plus imperieusement tourmenté de son Apollon, que cet homme n'est obsédé de son demon martial*».

Извѣстно, что въ Гатчинѣ служба была такъ трудна, что только крайняя нужда удерживала тамъ офицеровъ; Аракчееву напротивъ нравилась эта дѣятельная жизнь; онъ не только исполнял то, что другимъ было не по силамъ, но и продолжалъ преподаваніе въ артиллерійскомъ корпусѣ; едва ли онъ руководился исключительно расчетомъ, такъ какъ за проѣздами Аракчееву не оставалось и четверти получаемаго отъ корпуса жалованья.

Вмѣстѣ съ трудолюбіемъ и неутомимостью, Аракчеевъ обнаруживалъ большое терпѣніе. Онъ самъ рассказывалъ въ послѣдствіи генералу Маевскому «Я сдѣлался комендантомъ Гатчины, всякій день долженъ былъ быть на парадѣ, въ разводѣ и на ученѣ. У меня

¹⁾ Ратчъ. Op. cit., стр. 98.

²⁾ Op. cit. Vol. I, p. 235.

былъ одинъ мундиръ и одни лосиные панталоны. Въ ночь сниму я ихъ съ себя, выбѣлю и поутру рано мокрые надѣваю опять. Лѣтомъ это было сносно; но зимою доходило почти до слезъ, когда панталоны примерзали къ тѣлу и жестокой холодъ пронизалъ всѣ нервы» ¹⁾). Не всѣ могутъ продѣлывать такіе фокусы, но Аракчеевъ, судившій о всѣхъ по себѣ, требовалъ и отъ подчиненныхъ такого же трудолюбія, такихъ же неутомляемости и терпѣнія, какими былъ надѣленъ самъ.

Съ такимъ же поразительнымъ трудолюбіемъ Аракчеевъ исполнялъ три трудныя должности, возложенныя на него императоромъ Павломъ Петровичемъ въ 1796 г.; даже тремъ дѣятельнымъ служакамъ трудно было бы исполнить всю возложенную на Аракчеева работу; онъ же и тутъ отличался исполнительностью. Часто днемъ и ночью онъ ѣздилъ по городу осматривать исправность карауловъ и постовъ; весь гарнизонъ трепеталъ передъ неутомимымъ комендантомъ.

Дѣловитость Аракчеева обратила на себя вниманіе наслѣдника престола; онъ просилъ указанія и помощи у молодого генерала, вполне увѣренный въ его полной компетентности, какъ въ канцелярскихъ дѣлахъ, такъ и въ строевой выучкѣ.

Выдающаяся дѣловитость Аракчеева очень быстро завоевала ему почетное положеніе въ служебномъ мірѣ. Онъ былъ настолько уменъ, что понималъ свое невѣжество, невоспитанность, ненаходчивость въ обществѣ и потому не стремился разыгрывать роль свѣтскаго человѣка, пріятнаго собесѣдника, придворнаго кавалера; также онъ не стремился обратить на себя вниманіе познаніями, глубиной сужденій. Онъ избѣгалъ свѣтскаго общества, молчалъ, когда при немъ обсуждались серьезные вопросы, не высказывалъ собственныхъ сужденій, но онъ съ неутомимостью исполнялъ приказанія, трудолюбиво добивался достиженія свыше указанныхъ цѣлей. Не было исполнителя болѣе трудолюбиваго, болѣе точнаго, чѣмъ Аракчеевъ, и это создало ему исключительное положеніе, создало ему блестящую карьеру. Исполняя въ сущности весьма незначительныя обязанности, онъ получалъ награды, обычно даваемыя лишь высшимъ государственнымъ сановникамъ. Этихъ исключительныхъ наградъ онъ добился, главнымъ образомъ, своимъ громаднымъ трудолюбіемъ.

¹⁾ Ор. cit., 779.

Въ продолженіе всей своей службы Аракчеевъ работалъ неутомимо и систематически, въ этомъ отношеніи рѣзко выдѣлялся между своими сослуживцами. Даже враги Аракчеева единодушно свидѣтельствуютъ, что онъ много работалъ и усвоилъ служебную рутину; можно, конечно, спорить, насколько была плодотворна работа Аракчеева, но его большая работоспособность никакъ не оспаривалась.

Императоръ Александръ Павловичъ очень цѣнилъ трудолюбіе и аккуратность Аракчеева; конечно, эти качества весьма полезны въ исполнителѣ.

Даже теперь нельзя опредѣлить, что собственно было сдѣлано самимъ Аракчеевымъ, да едва ли это и можно опредѣлить, потому что нельзя разграничить, что сдѣлано имъ самимъ, что сдѣлано его подчиненными. Но несомнѣнно, что Аракчеевъ, работая самъ очень много, умѣлъ заставлять много работать и своихъ подчиненныхъ, а это, конечно, не малая заслуга. Къ сожалѣнію, онъ не умѣлъ пріохотить своихъ подчиненныхъ къ работѣ, и потому качество всего сдѣланнаго и Аракчеевымъ, и его подчиненными вполнѣ неудовлетворительно, но количественно, несомнѣнно, громадно. Историкъ, изучивъ государственную дѣятельность Аракчеева, могъ бы намъ выяснитъ, какъ вообще вредна работа изъ-подъ палки, какъ вредно формальное отношеніе къ дѣлу, какъ вредна работа человѣка, не любящаго людей, но психологъ по поводу дѣятельности Аракчеева можетъ ограничиться повтореніемъ старой истины — безъ любви къ дѣлу ничего полезнаго создать нельзя.

Аракчеевъ до самаго конца своей службы вникалъ во всѣ мелочи, не уставая исполнять возложенныя на него обязанности; можно лишь удивляться, какъ онъ находилъ время для такой разносторонней дѣятельности. Такъ архитекторъ Свіязевъ рассказываетъ, что въ 1825 году Аракчеевъ самъ слѣдилъ за всѣми подробностями построекъ въ военныхъ поселеніяхъ и находилъ время лично торговаться съ Свіязевымъ насчетъ жалованья: Свіязевъ требовалъ 4.000, а Аракчеевъ давалъ только 2.400 ¹⁾). Такая заботливость о государственной экономіи дѣлаетъ честь Аракчееву. Одного этого эпизода въ дѣятельности Аракчеева, я думаю, достаточно, чтобы составить себѣ представленіе о тру-

¹⁾ Воспоминанія И. И. Свіязева. „Русская Старина“, 1871 г.

долюби графа. Можно лишь пожалѣть, что работа Аракчеева не была согрѣта любовью къ людямъ, не была одухотворена благородными мотивами и цѣлями. При этихъ условіяхъ она была бы очень полезна.

Благодаря прекрасной работѣ Отто, намъ хорошо извѣстна дѣятельность Аракчеева, какъ хозяина Грузина. Только за время своего послѣдняго удаленія отъ дѣла онъ исключительно занимался имѣніемъ; съ 1803 по 1825 онъ бывалъ въ Грузинѣ лишь наѣздами, отдыхалъ здѣсь отъ службы и потому не могъ удѣлить много времени на хозяйство; правда, что онъ и живя въ Петербургѣ, слѣдилъ за своимъ хозяйствомъ, но вѣдь онъ всегда былъ занятъ службой. За время командованія военными поселеніями, онъ могъ бывать въ Грузинѣ чаще и оставаться тамъ дольше. Если мы сравнимъ хозяйственную дѣятельность Аракчеева съ хозяйничаніемъ другихъ сановниковъ, то должны будемъ удивляться трудолюбію Аракчеева. Извѣстно, что имѣнія сановниковъ приходили въ упадокъ, потому что лица, занятая службою, не могли удѣлить достаточно времени и труда своимъ имѣніямъ, а Аракчеевъ, по службѣ работавшій больше своихъ сослуживцевъ, привелъ свое имѣніе въ блестящее состояніе.

Аракчеевъ привелъ свое имѣніе въ желаемое имъ состояніе, вполнѣ добился поставленной имъ цѣли, а это, какъ всякому понятно, требуетъ громаднаго труда. Какъ человѣкъ очень тщеславный, Аракчеевъ задался цѣлью привести Грузино въ такое состояніе, чтобы его имѣніе вызывало удивленіе современниковъ, чтобы Грузино считалось образцовымъ имѣніемъ, и онъ вполнѣ достигъ своей цѣли. Дѣйствительно, Грузино стало самымъ благоустроеннымъ имѣніемъ, вызывало удивленіе и восхищеніе современниковъ. Докторъ Тарасовъ, правда человѣкъ наивный, но все же немало видѣвшій на своемъ вѣку, пришелъ въ восторгъ отъ Грузина и заявилъ Государю, «что порядокъ въ домѣ и устройство хозяйства поставляютъ здѣшняго помѣщика на степень самаго опытнаго и благоразумнаго хозяина» ¹⁾.

Въ Грузинѣ Аракчеевъ осуществилъ свой идеалъ: онъ устроилъ земной адъ, гдѣ всѣ страдали и непрекословно исполняли волю владѣльца; едва ли было имѣніе въ Россіи, гдѣ крѣпостные были болѣе дисциплинированы, болѣе лишены свободы, чѣмъ въ Грузинѣ; Аракчеевъ въ своемъ имѣніи былъ неограниченный повелитель; всѣ непрекословно и постоянно исполняли его волю.

¹⁾ Воспоминанія Д. К. Тарасова. „Русская Старина“, 1871 г., стр. 644.

Наконецъ, Аракчеевъ своею настойчивою дѣятельностью достигъ того, что Грузино довало прекрасный доходъ и доходы Аракчеева были такъ велики, что онъ всегда располагалъ свободными деньгами и могъ дѣлать значительныя затраты на памятники, колокола и т. п. Отто подробно описалъ хозяйственную дѣятельность Аракчеева. На всѣ возможные случаи въ Грузинѣ были составлены самимъ графомъ разныя предписанія; напр. если волкъ задереть овцу и староста немедленно, по установленной формѣ, не донесетъ графу, то староста штрафуется на 15 руб.

Аракчеевъ написалъ собственноручно распisanіе кушаній на недѣлю людямъ. Въ понедѣльникъ было назначено: «щи съ забѣлкой; похлебка картофельная, которую заправлять мукой, вливая въ оную постнаго масла двѣ ложки». Аракчеевъ точно назначалъ сколько должно выходить масла, мяса и т. д. Онъ входилъ во всѣ мелочи хозяйства и не жалѣлъ труда даже на пустяки. Въ 1820 г., т.-е. въ то время, когда онъ стоялъ во главѣ управленія всей Россіи и командовалъ военными поселеніями, онъ нашелъ время для составленія подробнаго положенія, сколько нужно для грузинской мызы метелокъ, лопатъ и пакли и сколько мякины для птицъ и коровъ. Онъ собственноручно написалъ: «Въ годъ для Грузино метелокъ потребно 2.200 шт.; а именно куда: въ господскую кухню 1 мет. на недѣлю, въ годъ 52. Въ людскую кухню на недѣлю 1, въ годъ 52. Для собору и гошпит. по 2 мет. въ недѣлю, а въ годъ—104. На скотный дворъ въ недѣлю 2, въ годъ—104. На конюшню по 4 въ недѣлю, на годъ—208. Для метенія саду лѣтомъ съ 15 апрѣля по 15 октября, въ 6 же мѣсяцевъ потребно 52 мет. Запасныхъ метель 302. Очевидно, что Аракчеевъ былъ единственный въ своемъ родѣ хозяинъ.

Предписанія самыя мелочныя исполнялись съ буквальной точностью, такъ какъ Аракчеевъ не только не жалѣлъ времени на составленіе правилъ, положеній и смѣтъ, но и зорко слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ своихъ требованій. Въ Грузинѣ происходили вѣчныя ревизіи разнаго имущества, составлялись описи имуществу, и самъ Аракчеевъ неукоснительно провѣрялъ по описямъ все имущество; наконецъ, былъ составленъ реестръ этимъ описямъ. Во всемъ этомъ соблюдалась неслыханная точность; напр., была опись садовыхъ инструментовъ; опись молошнику и всѣхъ вещей и посуды въ ономъ находящихся; было двѣ описи птицамъ оцазавшимся налицо 1 октября 1810 и т. п.

Можно, конечно, сказать, что Аракчеевъ обладалъ сильной волей; дѣйствительно, онъ всегда настойчиво преслѣдовалъ одну цѣль, не уклонялся никогда съ пути, избраннаго въ ранней молодости. Вся его жизнь была непрерывное движеніе къ самому высокому служебному положенію. Однако, при внимательномъ изученіи всего психическаго склада Аракчеева оказывается, что онъ дѣйствовалъ крайне настойчиво подъ вліяніемъ самаго сильнаго мотива—тщеславія; никакой борьбы мотивовъ въ жизни Аракчеева не было и потому жилось ему легко. Онъ ничего и никого не любилъ, никакихъ цѣлей, кромѣ достиженія высокаго положенія, не преслѣдовалъ; ничто не отклоняло его отъ намѣченнаго пути. Онъ желалъ достигнуть высокаго положенія, и обстоятельства сложились такъ, что отъ Аракчеева требовали только трудолюбія, исполнительности и безсердечія; этими качествами онъ былъ надѣленъ отъ природы и потому могъ безъ сомнѣній и борьбы идти къ намѣченной цѣли. Ни увлеченія, ни угрызения совѣсти не беспокоили его, не отклоняли съ избраннаго пути. Три раза въ жизни онъ терпѣлъ неудачи и ни разу ничего не сдѣлалъ для того, чтобы приспособиться къ обстановкѣ. Въ 1825 году онъ не могъ смирить своего тщеславія, не могъ бороться съ своей главной страстью и потому окончательно разбилъ свою карьеру.

Сильная воля Аракчеева проявлялась лишь въ томъ, что онъ владѣлъ своими аффектами и потому никогда не дѣлалъ того, что было въ данное время запрещено. Это составляло силу Аракчеева; задерживающая дѣятельность его головного мозга была вполне достаточна для того, чтобы бороться съ аффектами, но оказалась слаба въ борьбѣ съ его главною страстью. Ему, не смотря на всѣ старанія, не удалось снискать благоволенія Николая Павловича, главнымъ образомъ потому, что онъ не могъ подавить въ себѣ тщеславія, трусости и лживости. Онъ даже не могъ владѣть собою настолько, чтобы избѣгнуть неприличныхъ выходокъ въ письмѣ къ Николаю Павловичу, по поводу устраненія отъ завѣдыванія дѣлами кабинета министровъ. Слѣдовательно, Аракчеевъ былъ рабъ своихъ страстей и когда въ его жизни понадобилась сильная воля, онъ оказался не на высотѣ положенія. Не оказалось у Аракчеева достаточно воли и для того, чтобы бороться съ своею трусостью; его положеніе въ 1805 году было не до такой степени прочно, чтобы не скрывать

передъ Государемъ трусости; онъ зналъ какъ высоко цѣнилъ Государь храбрость, и онъ, рискуя потерять уваженіе Государя, убѣждалъ съ Аустерлицкаго поля сраженія.

Вообще, Аракчеевъ ни разу въ жизни не проявилъ сильной воли; правда, онъ обладалъ терпѣніемъ, всегда вполнѣ владѣлъ собою, но вѣдь это еще не доказываетъ присутствія сильной воли. Его служебная дѣятельность всегда состояла въ полномъ подчиненіи; онъ аккуратно и трудолюбиво исполнялъ волю Павла Петровича и Александра Павловича, не обнаруживая собственной инициативы. Оба государя пользовались основными свойствами Аракчеева, и онъ, какъ настоящій «рабъ», исполнялъ данныя ему приказанія. Въ качествѣ «раба» онъ не могъ имѣть и не имѣлъ вліянія на своихъ повелителей, хотя конечно исполнительность Аракчеева давала Александру Павловичу полную возможность проявлять свою волю. Если бы не было подъ рукою исполнительнаго и трудолюбиваго раба, по всей вѣроятности, пришлось бы отказаться отъ проведенія въ жизнь нѣкоторыхъ плановъ. Едва ли можно сомнѣваться, что Аракчеевъ вполнѣ точно выполнялъ бы гуманные и просвѣтительные планы, если бы они ему были поручены; также несомнѣнно, что онъ осуществилъ бы ихъ также дурно, какъ скверно устроилъ военныя поселенія. Аракчеевы лишь исполнители чужой воли; какъ настоящіе рабы они должны всегда служить своимъ господамъ, неспособны къ самостоятельности, подчинены чужой волѣ. Они трудолюбивы, терпѣливы, надѣлены самообладаніемъ; «рабъ» не можетъ обладать сильной волею; она ему совершенно не нужна; наконецъ, человѣкъ съ сильной волею не можетъ быть «рабомъ».

Аракчеевы не обладаютъ инициативой, не надѣлены сильной волей, преслѣдуютъ мелкія, низменныя цѣли; они крайне опасны какъ орудіе, но всегда вредны, потому что всюду вносятъ свою злобность, свое человѣконенавистничество, свою мертвящую рутину. Аракчеевыхъ немало, и они всегда причиняютъ много страданія и горя; самымъ крупнымъ представителемъ этого типа слѣдуетъ считать гр. Аракчеева. Il y a des héros en mal comme en bien (La Rochefoucault. Maximes, № 185). Аракчеевъ былъ героемъ зла вслѣдствіе того, что всѣ признаки злодѣя у него были рѣзко выражены и вслѣдствіе историческихъ условій, въ которыхъ ему пришлось дѣйствовать.

В. Чижъ.

О психикѣ паукообразныхъ животныхъ.

Уже среди низшихъ паукообразныхъ, относящихся къ необычайно богатому числу видовъ и количествомъ особей отряду слитнотѣлыхъ—Acarina, существуютъ формы весьма различныя по степени развитія психики. Представители акаровъ (Troglyphidae), чесоточныхъ зудней (Sarcoptidae), железницъ (Demodicidae) и нѣсколькихъ другихъ семействъ очень мелкихъ, большей частью паразитныхъ паукообразныхъ проявляютъ свою жизнедѣятельность такъ вяло, просто и однообразно, что естественно возникаетъ мысль, можно ли вообще говорить о наличности у нихъ психики. Общеніе всякаго животнаго съ внѣшнимъ міромъ совершается, какъ извѣстно, черезъ посредство органовъ чувствъ и чѣмъ сложнѣе эти послѣдніе, тѣмъ разнообразнѣе проявленіе психической жизни. Какъ низка должна быть поэтому психическая организація животныхъ, у которыхъ внѣшнія чувства еще даже не дифференцированы въ отдѣльные органы! И тѣмъ не менѣе отрицаніе психики тутъ не должно имѣть мѣста.

Болѣе сложную психику проявляютъ клещи изъ сем. Ixodidae и Gamasidae, хотя представители тѣхъ и другихъ ведутъ обыкновенно паразитарный образъ жизни, и многія стороны ихъ психическихъ способностей при такихъ условіяхъ не могли совершенствоваться или подверглись обратному развитію. Gamasus, паразитирующіе преимущественно на разныхъ насѣкомыхъ, не только ползаютъ, но и бѣгаютъ по своему хозяину. Когда пытаются ихъ снять, они обнаруживаютъ тревогу и крѣпко хватаются за его поверхность и умѣютъ тамъ укрыться въ минуту опасности. Многіе отъ внезапнаго свѣта и холода цѣпенѣютъ, при дотрогиваніи прикидываются мертвыми. Вообще, клещи на-

званныхъ двухъ семействъ малоподвижны, нѣкоторые даже паразитально медлительны, однако способны направлять свои дѣйствія въ ту или другую сторону несомнѣнно произвольно.

Красотѣлки (Trombidiidae) большей частью вялы въ движеніяхъ и не отличаются ловкостью, дѣйствія свои направляютъ къ намѣченной цѣли однако произвольно и преслѣдуютъ ее довольно упорно. Застигнутые врасплохъ, онѣ обыкновенно не спѣшатъ спастись бѣгствомъ, а впадаютъ въ оцѣпенѣніе. Низшіе паукообразные, въ противоположность высшимъ, весьма часто обнаруживаютъ при благоприятныхъ условіяхъ жизни стремленіе группироваться въ общества, иногда многомилліонныя. Сказанное относится и до нѣкоторыхъ представителей красотѣлокъ.

Водные клещи (Hydrachnidae) въ окончательномъ своемъ развитіи, т.-е. выйдя изъ стадіи паразитарной жизни, отличаются довольно большой подвижностью, прекрасно ориентируются среди тины, относятся съ выборомъ къ мѣсту для яицъ; для этихъ послѣднихъ нѣкоторые продѣлываютъ съ помощью своихъ сильныхъ челюстей въ стебляхъ водяныхъ растений отверстія и полости. Многіе водные клещи при явной опасности ловко и довольно быстро уплываютъ. Какъ хищникамъ имъ нерѣдко приходится выдерживать борьбу съ ракообразными и другими мелкими обитателями ихъ общаго бассейна и проявлять нѣкоторую физическую силу. При всей своей ловкости и увертливости иной плавающий клещъ даетъ себя однако поймать рукой довольно легко, развѣ что пассивно будетъ увлеченъ отступающей струей воды. Попавъ на мелкое мѣсто или въ каплю воды на предметное стекло, клещъ сильно бьется и вращается, причемъ производитъ ногами столь сложныя движенія, направленные къ тому, чтобы спастись, что наличность воли и смутнаго пониманія своего ненормальнаго и опаснаго положенія не можетъ быть отрицаема съ увѣренностью. Клещъ въ каплѣ воды, лежа на брюшкѣ, упирается преимущественно задними ногами, то одной, то другой, то обѣими сразу съ явной цѣлью столкнуть себя съ мѣста, при чемъ вращается и временами тщетно усиливаетъ работу. Положенный на спину, онъ ловко и быстро перебираетъ ногами; но часто не въ состояніи, не смотря на сильное напряженіе воли, встать на нихъ. Живучесть водныхъ клещей паразитальна: измѣненія окружающей среды, какъ, напр., порча воды

въ химическомъ отношеніи, пониженіе ея температуры, пересыханіе бассейна и пр. переносятся ими удивительно легко.

Паукообразныя, какъ низшія, такъ и высшія, живутъ при самыхъ разнообразныхъ температурныхъ условіяхъ. Говоря вообще, животныхъ даннаго класса въ сѣверныхъ странахъ меньше, чѣмъ въ тропическихъ и подтропическихъ какъ по количеству видовъ, такъ и по численности особей, въ низменностяхъ больше, чѣмъ высоко въ горахъ, въ сырыхъ мѣстностяхъ не столько, сколько въ сухихъ и т. д. Весной паукообразныя медленно оживаютъ и не всѣ въ одно время. Въ самую теплую пору они обнаруживаютъ наибольшую жизнелѣтельность. Даже такія низко организованныя существа, какъ чесоточные клещи *Ixodes*, *Sarcoptes* начинаютъ отъ тепла шевелиться и вызывать зудъ у животнаго, на которомъ поселились. Многіе сухопутные и водные клещи любятъ собираться на мѣстахъ, пригрѣваемыхъ солнцемъ. Лѣтнія суточные колебанія температуры окружающей среды имѣютъ на паукообразныхъ соответствующее вліяніе: такъ, въ дурную погоду и холодъ они менѣе дѣятельны, чѣмъ въ прекрасные теплые дни. Тарантулы (*Lycosa*, *Trochosa*), бихорки (*Galeodes*) и скорпионы (*Androctonus*, *Buthus*, *Scorpio*) въ теплыя ночи попадаютъ на глаза гораздо чаще, чѣмъ въ холодныя. Многіе *Ereia*, *Thomisus*, *Phalangium* охотно грѣются на солнцепекѣ, сидя въ неподвижности и лишь изрѣдка потягивая и расправляя свои конечности. Осенью свободно живущія паукообразныя дѣлаются постепенно все болѣе вялыми, пока не впадутъ на многіе мѣсяцы въ зимнюю спячку. Сравнительно низкую температуру переносятъ погребной паукъ (*Segestria*). Пауки, живущіе въ землѣ, по мѣрѣ пониженія температуры воздуха, углубляютъ свои норы и задѣлываютъ ихъ такъ, чтобы стужа не проникала въ глубину. Зимующіе подъ древесной корой, подъ камнями, въ углахъ разныхъ деревянныхъ построекъ и пр. изготовляютъ себѣ убѣжище, изолированное отъ вредныхъ внѣшнихъ вліяній вообще и низкой температуры въ особенности.

Слишкомъ яркій искусственный свѣтъ или чрезмѣрное тепло раздражаютъ паукообразныхъ. При свѣтѣ лампы они начинаютъ волноваться, стремятся уйти изъ плѣна, сталкиваются и дерутся. Когда я лупой наводилъ на банку съ разными пауками (*Tegeparia domestica*, *Ereia diadema*, *Drassus* и др.) фокусъ преломленныхъ прямыхъ солнечныхъ лучей, животныя всякій разъ сильно

пугались и сейчас же разбѣгались независимо отъ того, въ какой цвѣтъ была окрашена посуда. *Ereira diadema* часто прятался отъ раздраженія въ тѣнь; онъ не стремился сюда сразу, а повидимому случайно наталкивался на благопріятную для спасенія обстановку и пользовался моментомъ; впрочемъ, иногда казалось, что паукомъ руководило смутное сознаніе цѣлесообразности такого дѣйствія.

Если слишкомъ близко къ пауку поднести зажженую спичку или накаленную до красна иглу—онъ спѣшитъ уйти; если воспрепятствовать ему это сдѣлать, задержать подъ дѣйствіемъ высокой температуры, животное быстро издыхаетъ. Въ общемъ чувствительность поверхности тѣла къ высокой температурѣ не такъ велика, какъ казалось должно было бы быть, и можно почти коснуться животнаго краснымъ тлѣющимъ углемъ. Когда я однажды вечеромъ съ зажженной свѣчи опустилъ на паука-крестовика (*Er. diadema*) нѣсколько капель горячаго стеарина, животное, ожегшись, вздрогнуло и засѣменило было ногами, но сейчасъ же лишилось силъ и возможности двигаться. Нѣкоторое время паукъ оставался висѣть живой, но безпомощный. Осторожное удаленіе мною стеарина привело животное въ себя, но не окончательно: оно еле шевелило ногами и тяжело дышало. Утромъ слѣдующаго дня паукъ казался бодрымъ и здоровымъ, но въ 6 часовъ вечера онъ безъ видимой причины издохъ. Приближеніе накаленной до красна иглы къ лапкѣ *Phalangium orilio* очень чувствительно. Раздраженіе высокой температурой—краснымъ углемъ, огнемъ свѣчи и пр., хвостовой части скорпіона сейчасъ же влечетъ за собою поднятіе ея вверхъ. Я нѣсколько разъ подогрѣвалъ зажженой спичкой стекло въ то время, какъ на немъ находился какой нибудь дневной паукъ. Животное яркаго свѣта не боялось, въ противоположность скорпіонамъ, тарантуламъ и др. ночнымъ формамъ, и сначала долго не обращало вниманія на повышеніе температуры подъ ногами, но потомъ вдругъ бросалось въ бѣгство. При этихъ опытахъ термическая чувствительность у *Ereira* напр. оказалась развитой несильно, по крайней мѣрѣ реакція наступала поразительно поздно—когда стекло было положительно горячо на ощупь моего пальца.

За стекломъ балкона моей дачи въ одинъ изъ майскихъ вечеровъ былъ замѣченъ выводокъ изъ 200 не менѣе желтенькихъ

паучковъ, кажется изъ рода *Ereiga*, недавно вышедшихъ изъ яицъ. Любопытства ради я подогрѣлъ зажженной спичкой стекло. Прошло нѣкоторое время. Но вотъ сперва зашевелились маленькія животныя слегка, потомъ, когда стекло сильно нагрѣлось,—вдругъ бросились во всѣ стороны въ страшной суматохѣ. Послѣ окончательнаго охлажденія стекла паучки стали постепенно возвращаться къ своимъ мѣстамъ и часа черезъ два всѣ были опять въ кучкѣ. Они отыскивали обратный путь замѣчательно ловко и умѣло: такъ, напр., если нить вела не туда, куда слѣдовало итти, паучки скоро догадывались и возвращались. Нерѣдко совершенно разумно и цѣлесообразно сворачивали они на круговой путь и бѣжали самоувѣреннѣе по правильно избранной дорогѣ, хотя бы приходилось пройти далекое пространство. Переночевавъ на мѣстѣ, паучки въ 8 часовъ утра безъ видимой причины стали вдругъ переселяться подъ крышу. Въ полдень были видны еще кое-гдѣ на большихъ разстояніяхъ кучки изъ 5—10 паучковъ, а на слѣдующій день оказались исчезнувшими всѣ до одного.

Какъ-то опустилъ я каплю нашатыря на крупный экземпляръ *Ereiga quadrata* Clerck. Лишь только ѣдкая жидкость упала на лѣвую сторону спинки паука, тотъ вдругъ приподнялся, встряхнулся и всѣми своими движеніями сталъ выражать явное неудовольствіе. Вслѣдъ затѣмъ я капнулъ на него мятнымъ масломъ. Онъ забѣгалъ словно обожженный, но скоро успокоился. Однажды я посадилъ крупнаго крестовика на изоляторъ слѣдующаго устройства: къ центру блюда, наполненнаго водой, прикрѣплена палочка длиною 20 сант., отточеннымъ въ остріе концомъ вверхъ, а на 3 сант. ниже вершины вколота въ нее перпендикулярно энтомологическая булавка. Такъ какъ паукъ, насаженный на вертикальную палочку среди воды встрѣчаетъ въ послѣдней препятствіе къ бѣгству и можетъ постоянно находиться у наблюдателя передъ глазами, то я такимъ аппаратомъ пользовался при своихъ изслѣдованіяхъ психики пауковъ весьма часто и въ дальнѣйшемъ, чтобы не говорить объ устройствѣ его повторно, я буду называть его просто изоляторомъ. На спину *Ereiga diadema*, расположившагося на такомъ изоляторѣ, я капнулъ мятнаго масла: паукъ закружился, хотѣлъ спуститься на воду, но упалъ въ нее и утонулъ бы, если бы я его не извлекъ сейчасъ же и не посадилъ на мѣсто. Онъ вяло поднялся по

палочкѣ вверхъ, неловко побѣжалъ по вколотой булавкѣ и на концѣ ея, быстро теряя силы, повисъ на задней ногѣ и паутинной ниточкѣ, идущей отъ его паутинныхъ бородавокъ, и въ такомъ положеніи скоро издохъ. Мятное масло и въ другихъ опытахъ производило на поверхности тѣла пауковъ гораздо болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ нашатырь, что впрочемъ замѣтно и на человѣческой кожѣ.

Щупальцы и ноги особенно чувствительны къ раздраженію химическими веществами. Какъ-то однажды капнулъ я мятнымъ масломъ на самые послѣдніе членики второй ножки *Phalangium orilio*: паукъ сразу заволновался и сейчасъ же принялся сосать и очищать ихъ челюстями и щупальцами. Потомъ животное повторяло много разъ эту очистку лапки—доказательство, что отъ ошущенія послѣ химическихъ раздражителей нелегко бываетъ освободиться. Послѣ этого я капнулъ мятнымъ масломъ прямо на спину паука; животное закорчилось, упало безпомощно набокъ, начались клоническія и тоническія судороги ногъ, а затѣмъ быстро наступила смерть. Отъ капли чернила, опущеннаго на брюшко и одну изъ ногъ *Eur. matmorea Clerck*, паукъ испуганно вздрогнулъ, немного спустя началъ счищать чернило ногами, а чтобы удалить его съ нижней поверхности тѣла, поползъ прижавшись животомъ вплотную къ поверхности стола, на которомъ находился. Этимъ способомъ онъ скоро совершенно освободился отъ чернила.

При уколѣ булавкой поверхности мягкаго тѣла паука животное испытываетъ боль; по крайней мѣрѣ оно обыкновенно очень неохотно даетъ себя колоть, сопротивляется и стремится спастись бѣгствомъ. Послѣ отрыванія или отрѣзанія ноги паукъ еще долгое время корчится отъ боли. Изъ раны каплями выступаетъ безцвѣтная, прозрачная жидкость, которую паукъ старается задержать другой ногой или плотно прижимая остатокъ конечности къ тѣлу. Перенеся такое раненіе, паукъ теряетъ въ большей или меньшей степени свою прежнюю ловкость въ движеніяхъ, дѣлается вялымъ и быстро и сильно слабѣетъ. Однако отъ потери одной ноги паукъ не погибаетъ, другія принимаютъ на себя ея работу, а тѣмъ временемъ на мѣстѣ оторванной конечности вырастаетъ новая, впрочемъ болѣе короткая. Когда я однажды срѣзалъ одному крестовику двѣ правыя переднія конечности, онъ сталъ немедленно зализывать показавшуюся изъ ранъ кровь, при

этомъ дышалъ ускоренно и трясся какъ въ лихорадкѣ, но отъ боли или потери соковъ рѣшить трудно. Онъ подносилъ, повидимому произвольно, къ ранѣ то одну ногу, то другую, смоченную кровью проводилъ потомъ черезъ ротъ, какъ бы питаясь собственными соками. Когда я другому пауку того же вида сломалъ одну изъ переднихъ ногъ, онъ, вѣроятно отъ боли, долго крутился на мѣстѣ, потомъ полизалъ рану и успокоился, повисши на тенетѣ въ неподвижности головою внизъ. Въ слѣдующіе дни онъ казался совершенно здоровымъ. Третьему пауку я отрѣзалъ обѣ переднія ноги: онъ сильно заволновался, повидимому не только отъ страха, но и отъ боли. Немного спустя, онъ уже повторно съ прежней быстротой опускался на паутинкѣ къ водѣ, подымался однако обратно съ трудомъ. При потерѣ и второй пары ногъ онъ могъ только спускаться. У круготенетниковъ (*Ereiga*) и сѣнокосцевъ (*Phalangium*) ноги, если за нихъ братья, ломаются чрезвычайно легко въ одномъ изъ основныхъ суставовъ. Эти пауки сопротивляясь отбрасываютъ ихъ усиленными толчками какъ ракъ клешню или ящерица хвостъ, изъ чего можно заключить, что при отпаденіи ноги въ опредѣленномъ суставѣ животнымъ не испытывается такой боли, какъ отъ срѣзанія ея. Если подрѣзать всѣ ноги, то паукъ очень скоро погибаетъ въ полной безпомощности, но вѣроятно не отъ боли, а отъ потери крови.

Щупальцы имѣютъ сложное и разное фізіологическое назначеніе. Ими пауки изслѣдуютъ окружающую обстановку, ими, какъ крючьями, цѣпляются при лазаніи или собираютъ ненужныя лишнія паутинныя нити и т. д. Когда я хваталъ крестовика сперва за одно щупальце, потомъ за другое,—паукъ сильно бился и вырывался, не шадя захваченные органы; при этомъ на спинѣ, гдѣ я наканунѣ, изслѣдуя чувствительность, сдѣлалъ легкій уколъ булавкой, выступила капля полупрозрачной жидкости. Лишенный щупалецъ и очевидно утомленный паукъ забился въ уголь и не выходилъ изъ него цѣлый день. Другой разъ я порвалъ крестовику оба щупальца и первую лѣвую ногу. Паукъ закружился, сталъ спотыкаться чуть не упалъ съ изолятора, на которомъ сидѣлъ, неудачно хватался за случайно имѣвшіяся около него паутинныя нити и видимо потерялъ способность управлять своими движеніями и дѣйствіями; впрочемъ, онъ скоро оправился и потомъ уже спускался къ водѣ и всюду,

искалъ выхода изъ своего затруднительнаго положенія какъ здоровый. По ровному мѣсту пауки, лишенные щупальцевъ, бѣгаютъ такъ же ловко какъ и не утратившіе ихъ и одинаково съ ними преодолеваютъ препятствія на пути. Получается впечатлѣніе, какъ будто эти органы при передвиженіяхъ не очень паукамъ нужны. Если закрасить лишенному щупальцевъ пауку глаза, то у него увѣренность въ своихъ дѣйствіяхъ сразу рѣзко уменьшается; натыкаясь на препятствія, онъ ориентируется съ большимъ трудомъ и чаще обходитъ выставляемые ему на пути барьеры, чѣмъ перелѣзаетъ ихъ.

Передняя пара ногъ у большинства настоящихъ пауковъ играетъ роль органа направленія пути, какъ сяжки у насѣкомыхъ. Это видно изъ того, что при изслѣдованіяхъ пути пауки то и дѣло поднимаютъ ихъ и шевелятъ ими, а при сосредоточиваніи на чемъ-либо вниманія сейчасъ же перестаютъ ими двигать. *Ereiga Linyrhia* и др., спускавшіеся съ изолятора на паутинкахъ до воды, касались ея своими щупальцами и передними лапками. *Phalangium orilio*, котораго я посадилъ какъ то разъ на изоляторъ, долго не хотѣлъ спуститься до воды. Дотронувшись кончиками второй пары ногъ (самой у него длинной) до паутинокъ, сохранившихся отъ сидѣвшаго на изоляторѣ раньше крестовика и шедшихъ отъ вершины палочки къ головкѣ булавки, сразу дѣлалъ правильное умозаключеніе, что это не его родная стихія, повидимому путемъ осязанія; такъ, хватая нить лапкой, какъ мы рукой беремъ веревку, онъ сейчасъ же выпускалъ ее и, натыкаясь снова на паутину, стремился назадъ или куда-нибудь въ сторону, даже какъ будто пугался результатовъ своего изслѣдованія. Лазя по палочкѣ изолятора, *Phalangium* постоянно шевелилъ кончиками второй пары ногъ, какъ насѣкомое сяжками, а спускаясь до воды, пробовалъ ее опять-таки этой же парой ногъ, а первой, какъ и задними двумя парами, держался въ равновѣсїи. Не имѣя возможности выпускать паутину, паукъ оказался при данной обстановкѣ въ совершенно безпомощномъ положеніи.

Чувствительность кожныхъ покрововъ у разныхъ видовъ пауковъ разная и стоитъ въ зависимости отъ плотности хитинового слоя и качества и количества волосковъ на поверхности тѣла и конечностей. *Lycosa*, *Drassus*, *Attus* и многіе другіе не даютъ дотронуться до своего брюшка рисовальной волосяной кисточ-

кой, тогда какъ *Ereira*, *Thomisus*, *Xysticus*, *Phalangium* свободно допускаютъ, чтобы ихъ слегка поглаживали по спинѣ или реагируютъ на это очень слабо и только тѣмъ, что слегка приподнимаютъ заднія ноги по очереди то одну, то другую, смотря по тому, съ которой стороны прилагаютъ раздраженіе. Впрочемъ, щекотаніе кисточкой *Ereira* не всегда долго терпитъ, часто переходитъ въ явное возбужденіе и въ стремленіи спастись отчаянно бѣгаетъ въ своемъ помѣщеніи изъ угла въ уголъ. Дотрогиваніе до голово-груди, ногъ, щупальцевъ переносится зачастую тоже замѣчательно спокойно, но въ общемъ у пауковъ осязательная чувствительность щупальцевъ и лапокъ больше, чѣмъ всякаго другого мѣста.

Надо сказать, что осязаніе представляется у пауковъ преимущественно въ видѣ такъ называемой волосковой чувствительности. Отрываніе щупальцевъ у *Ereira diadema* не обошлось безъ сильнаго сопротивленія со стороны паука, все же онъ скоро успокоился, занялся чисткой своихъ ногъ, при чемъ можно было отлично видѣть, какъ конечности по очереди совались въ ротъ, а затѣмъ проводились отъ центра къ периферіи между крючьями челюстей, которыя производили движенія, очевидно направленные къ тому, чтобы исправить поврежденные волоски, удалить приставшіе посторонніе элементы—паутинки, соринки и т. п. Подъ микроскопомъ легко убѣдиться, что щетинки и волоски на ногахъ и щупальцахъ содержатся пауками вообще въ порядкѣ, по крайней мѣрѣ не видно поломанныхъ и загрязненныхъ, при чемъ инструментомъ очистки служатъ крючья на челюстяхъ. Нормальная чувствительность предполагаетъ исправное состояніе волосковъ и потому дѣйствіе пауковъ вполне цѣлесообразно. Пауки труть также одну ногу о другую въ какомъ угодно порядкѣ; отъ воли животнаго зависитъ, какую почистить или почесать, но взаимное потираніе, почесываніе ногъ можетъ быть и рефлексорное, и автоматическое.

Чувство осязанія и вибраціи паутинныхъ нитей такъ тѣсно связано другъ съ другомъ, что зачастую трудно провести между ними различіе. Многіе *Theridiidae* и *Agelenidae* сейчасъ же бѣгаютъ изъ трубчатыхъ логовищъ лишь только залетитъ въ паутинную сѣть-ловушку насекомое. Точно также *Linyphiidae* бросаются на свое паутинное полотно тотчасъ же, какъ почувствуютъ своими лапками присутствіе добычи. *Ereira*, спрятавшись въ

своёмъ скрытомъ логовищѣ, ждутъ цѣлыми часами пролетающихъ и попадающихъ на паутинную сѣть насѣкомыхъ, при чемъ держатъ въ лапкахъ главнымъ образомъ двухъ переднихъ ногъ и одной задней паутинныя нити, идущія въ тенету, иногда двѣ специально къ тому предназначенныя и не соприкасающіяся съ нею на своемъ пути отъ центра. Когда такія нити приходятъ въ вибраціонное колебаніе отъ паденія на ловушку маленькаго живого существа, паукъ бросается къ мѣсту приключенія съ чрезвычайной быстротой и ловкостью. Нити, идущія отъ ловушки, какого-бы устройства она ни была, къ пауку, служатъ такимъ образомъ какъ-бы телеграфомъ и телефономъ, дающими знать, что происходитъ въ ней или около нея. Слухъ содѣйствуетъ появленію реакціи со стороны паука, зрѣніе же играетъ при этомъ второстепенную роль.

Покачиваніе паутинной постройки отъ дуновенія вѣтра мало беспокоитъ паука, хотя бы онъ сидѣлъ на ней, но стоитъ поврвать гдѣ нибудь ловушку, иногда уменьшить только натяженіе ея, и животное замѣчаетъ это; оно бѣжитъ или сразу прочь, или предварительно направляется къ мѣсту приключенія, а потомъ спѣшитъ спрятаться. Ереига въ однихъ случаяхъ скоро успокоивается и впадаетъ въ дремотное состояніе, чтобы потомъ заняться исправленіемъ ловушки, въ другихъ принимается за дѣло сейчасъ же, какъ только пройдетъ испугъ. Если повторно прикасаться чѣмъ-либо къ лучевой нити тенеты на разстояніи отъ паука, положимъ, 20 сант., даже осторожно ударять по ней, онъ не обращаетъ на это никакого вниманія и сидитъ на своемъ мѣстѣ совершенно смирно, но стоитъ только слегка коснуться того же мѣста паутины звучащимъ камертономъ С или А, и животное выбѣгаетъ навстрѣчу, ошибочно принимая такимъ образомъ вызванную вибрацію за знакомую ему и обычно появляющуюся при паденіи на тенету жужжащаго насѣкомаго. Впрочемъ, эта ошибка быстро корригируется благодаря другимъ органамъ чувствъ и проблеску сознанія, и паукъ мѣняетъ свое намѣреніе уже на пути. Что тутъ толчкомъ къ движенію является прежде всего чувство вибраціи и во всякомъ случаѣ не только слухъ—доказывается тѣмъ, что тотъ же видъ паука реагируетъ на звукъ камертона при условіяхъ отсутствія прикосновенія къ паутинѣ на разстояніи въ 10 разъ меньшемъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ прикосновенія къ тенетѣ звучащимъ камертономъ

убѣжавшій было паукъ возвращается на мѣсто. Прежде чѣмъ окончательно успокоиться, онъ все же изслѣдуетъ лапками прочность радіальныхъ нитей. Если звучащимъ камертономъ коснуться окраины тенеты въ промежуткѣ между двумя лучами, сидящій въ центрѣ паукъ все же бросается къ мѣсту приключенія. И тутъ онъ воспринимаетъ измѣненія, совершающіяся во внѣшнемъ для него мірѣ сравнительно съ большого разстоянія, очевидно, благодаря суммирующемуся вліянію вибраціи и звука, возбуждающихъ центростремительные пути въ нервной системѣ паука.

Слитнотѣлыя (*Asagina*) совершенно глухи. Изъ высшихъ паукообразныхъ не всѣ обладаютъ одинаковымъ слухомъ и существуютъ повидимому пауки съ крайне слабо развитымъ слухомъ. Мнѣ не удавалось убѣдиться въ существованіи слуха напр. у *Linurphia*. Длинный рядъ разныхъ опытовъ съ *Phalangium orilio* тоже не далъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Тарантулы и скорпіоны обладаютъ напротивъ хорошимъ слухомъ; малѣйшій шорохъ вблизи уже ихъ обезпокоиваетъ. Если идущему или бѣгущему по столу или иному твердому предмету пауку изъ рода *Lycosa*, *Ereira* или *Xysticus* держать навстрѣчу звучащій камертонъ, не касаясь почвы, то животное въ небольшомъ разстояніи отъ приближаемаго инструмента вдругъ останавливается и подымаетъ обѣ переднія ноги. Зрѣніе въ этомъ актѣ не играетъ существенной роли, такъ какъ эффекта не получается отъ приближенія камертона не звучащаго, и паукъ при прочихъ равныхъ условіяхъ продолжаетъ шествовать впередъ почти до столкновения. Если тотъ же звучащій камертонъ поднести близко къ пауку, находящемуся на твердой почвѣ въ полномъ покоѣ (*Tarentula*, *Lycosa*, *Galeodes*, *Ereira* и др.), то животное вдругъ вздрагиваетъ, затѣмъ оно злобно бросается къ мѣсту, откуда доносятся звуки, подымается на заднія ноги, а передними хватаетъ угрожающе передъ собою. Такое звуковое раздраженіе, производимое съ разныхъ сторонъ, заставляетъ животное поворачиваться въ зависимости отъ того, откуда слышатся звуки, причемъ оно правильно проецируетъ ихъ во внѣшній міръ. При звуковыхъ раздраженіяхъ сзади паукъ иногда не поворачивается, а подымаетъ соотвѣтствующую заднюю ногу и приводитъ ее въ такомъ положеніи въ неподвижное состояніе. Это уже во всякомъ случаѣ не оборонительное движеніе, а внѣшнее выраженіе активнаго вниманія съ выставленіемъ необходимаго въ дан-

ный моментъ органа чувствъ впередъ. Повторное раздраженіе паука сзади приводитъ его въ явный гнѣвъ. Пауки совершенно не реагируютъ на громъ въ грозу, на стукъ, трескъ и свистъ въ отдаленіи. Обыкновенно окружающіе насъ шумы и звуки даже съ разстоянія одного метра повидимому не воспринимаются пауками. Для того, чтобы *Lycosa*, *Ereira*, *Xysticus*, *Drassus* или иной паукъ поднималъ соответствующую направленію звука ногу, надо подойти съ звучащимъ камертономъ совсѣмъ близко—на $1\frac{1}{2}$ —1 сант. Съ другой стороны, наше ухо еще довольно долго воспринимаетъ нѣжный звукъ камертона послѣ того, какъ паукъ уже пересталъ слышать его, по крайней мѣрѣ не реагируетъ поднятіемъ ноги.

Что высшіе пауки обладаютъ слухомъ—знали давно, о периферической же локализации органовъ этого чувства по сіе время извѣстно очень мало. Предположеніе, что слуховыя ощущенія берутъ начало въ ногахъ въ особыхъ къ тому предназначенныхъ волоскахъ, высказывалось и доказывалось неоднократно (Вл. Вагнеръ и др.). У *Ereira*, а вѣроятно и у другихъ пауковъ, по моимъ изслѣдованіямъ, отрѣзаніе первой пары ногъ не уничтожаетъ слуха: животное пользуется тогда второй парой. Слухъ сохраняется однако и послѣ срѣзанія второй пары ногъ, судя по тому, что такой оперированный паукъ отъ приближенія звучащаго камертона подымаетъ третью пару и начинаетъ брыкаться всѣми уцѣлѣвшими ногами. Если срѣзать и третью пару, то животное, сильно волнуясь отъ страха и боли, тщетно стремится убѣжать, причемъ усиленно работаетъ задними конечностями и щупальцами, но, не имѣя на что опереться, всякій разъ падаетъ. Изъ этого видно, что пауки слышатъ всѣми своими ногами; въ противномъ случаѣ пришлось бы признать, что слуховыя воспріятія берутъ начало вовсе не въ ногахъ, а гдѣнибудь на поверхности тѣла, что не отвѣчало бы другимъ даннымъ.

Случилось однажды наблюдать, какъ за стекломъ моего окна два крестовика (*Er. diadema*) недалеко одинъ отъ другого строили свои тенета. Вдругъ мимо, на разстояніи не болѣе одного метра съ гикомъ пронеслась ласточка. Оба паука сразу пріостановили свою работу и замерли въ неподвижности на своихъ мѣстахъ, но черезъ 2 мин., очнувшись, продолжали свое дѣло. Представлялось страннымъ, что на гиканіе ласточки пауки дали

инстинктивно реакцію на разстояніи слишкомъ большомъ для воспріятія другихъ звуковъ или шумовъ. Что въ пріостановкѣ движеній пауками внезапный толчокъ воздуха отъ пролета птицы не игралъ никакой роли вытекаетъ изъ того, что дуновение даже сильнаго вѣтра обезпokoиваетъ этихъ животныхъ обыкновенно мало: они только крѣпче ухватываются въ этотъ моментъ за паутинныя нити.

У пауковъ сравнительно острымъ слухъ является главнымъ образомъ по отношенію къ жужжанію насекомыхъ. Такъ пауки быстро и правильно оцѣниваютъ по звукамъ и вибраціи нитей размѣры и силу пролетающихъ и падающихъ въ ловушку насекомыхъ и отличаютъ врядъ ли только съ помощью зрѣнія опасныхъ для нихъ самихъ перепончатокрылыхъ, особенно осъ. Когда я давалъ *Ereira*, *Tetragnatha*, *Drassus* и др. на пинцетѣ спокойную осу или муху—паукъ не обращалъ на это обыкновенно никакого вниманія, а иногда подымалъ только переднія лапы, руководясь очевидно зрѣніемъ; когда же дотолѣ молчавшее насекомое вдругъ начинало биться и жужжать—реакція получалась всегда и заключалась въ томъ, что животное сейчасъ же бросалось на предлагаемую пищу, причемъ иногда терялось, найдя ее не свободной. На жужжаніе мухи удается вызвать пауковъ изъ глубокихъ земляныхъ норъ *Steniza*, *Lycosa* и т. п., изъ трубчатыхъ (*Theridium*, *Agelena*), или мѣшеччатыхъ (*Clubiona*) логовищъ, изъ убѣжищъ въ завернутыхъ и паутиной скрѣпленныхъ листьяхъ и т. д.—ясное доказательство, что животное руководствуется въ такихъ случаяхъ слухомъ, а не зрѣніемъ. Если подозрительный для *Ereira* шумъ слышится имъ за предѣлами тенеты, то онъ прислушивается, при этомъ мѣняетъ свое положеніе въ центрѣ паутинной постройки, затѣмъ, какъ бы придя къ опредѣленному рѣшенію, спѣшитъ по направленію къ шуму, таща за собой задней ногой паутинную нить и не безъ явныхъ усилій преодолевая разныя препятствія на пути. Убѣдившись въ невозможности за дальностью разстоянія достигнуть намѣченной цѣли, паукъ возвращается къ центру своей тенеты по знакомымъ дорогамъ гораздо болѣе ловко и скоро. Изъ подобнаго рода дѣйствій пауковъ можно заключить о существованіи у этихъ животныхъ способностей къ умозаключенію, вытекающихъ изъ слуховыхъ воспріятій и представлений, конечно самаго примитивнаго свойства.

Если въ то время, какъ паукъ сидитъ на тенетѣ, неожиданно для него стукнуть двумя металлическими предметами одинъ о другой на нѣкоторомъ, конечно недалекомъ отъ него разстояніи, онъ вслѣдствіе рефлекса черезъ слуховой аппаратъ на удерживающія тѣло лапки и на паутинныя железы, моментально падаетъ на паутинкѣ. Ударившись о твердый предметъ внизу, паукъ остается въ неподвижности очень недолго, затѣмъ спѣшитъ обратно. Иногда упавъ прямо на ноги, онъ сейчасъ же бѣжитъ къ ближайшей щели, гдѣ и прячется. Если стуча двумя металлическими предметами, напр., ножами, постепенно подходить къ пауку, сидящему въ центрѣ тенеты, все ближе и дать ему такимъ образомъ прислушаться—онъ остается спокойно сидѣть на мѣстѣ; совсѣмъ вблизи—онъ подымаетъ переднія лапки и только. Быстрое поднесеніе звучащаго камертона къ сидящему въ полномъ покоѣ пауку влечетъ за собою сейчасъ же паденіе животнаго на паутинѣ и повисаніе на ней въ воздухѣ; но повтореніе опыта по возвращеніи паука на мѣсто, осторожное и постепенное приближеніе этого инструмента очень часто уже не даетъ такого эффекта: животное, какъ бы сознавая, что опасность мнимая, произвольно задерживаетъ психорефлексъ паденія и лишь съ оборонительными цѣлями подымаетъ вверхъ свои переднія ноги. Ясно, что не все равно, прислушивается паукъ или нѣтъ, иначе не безразлично, въ какомъ состояніи находится его вниманіе въ отношеніи къ звукамъ, въ активномъ или пассивномъ, и волевые импульсы при извѣстныхъ условіяхъ могутъ задерживать нѣкоторые психорефлексы.

Когда во время одного изъ экспериментовъ съ камертономъ къ *Er. diadema* на тенетѣ приблизилась маленькая жужжащая мушка—сидѣвшій въ центрѣ паукъ бросился на это насѣкомое, оставивъ на время безъ вниманія звучащій камертонъ. Очевидно, первые звуки были для него болѣе знакомы и естественны, и животное проявило такимъ образомъ способность выбора. Нѣжное жужжаніе камертона паукъ слышалъ обыкновенно лучше, чѣмъ громкій стукъ или шумное треніе другъ о друга зубчатыхъ поверхностей двухъ металлическихъ предметовъ, напр. пинцетовъ. Онъ умѣлъ разбираться въ характерѣ звуковъ, при чемъ при однихъ падалъ на паутинкѣ, при другихъ не дѣлалъ этого; падая, паукъ не терялъ окончательно сознанія и во всякій моментъ былъ готовъ взбѣжать обратно. Если со звучащимъ камер-

тономъ приблизиться къ пауку, только что упавшему на паутинной нити и остановившемуся на одинъ моментъ въ висячемъ положеніи, животное сейчасъ же падаетъ дальше; слѣдуя за нимъ, можно заставить его опускаться такимъ образомъ все ниже и ниже. Съ другой стороны, производя какой-нибудь шумъ—стучащій, шипящій или свистящій, подъ паукомъ, сидящимъ въ центрѣ тенеты, или поднося звучащій камертонъ снизу, не всегда удается заставить животное упасть. Иногда при обезпокоиваніи снизу паукъ убѣгаетъ вверхъ или въ сторону. Невольно думается, что тутъ дѣло не только въ психорефлексѣ, но и въ проявленіи воли и сознанія, такъ какъ паденіе при данныхъ условіяхъ опыта явно нецѣлесообразно и неразумно.

Когда однажды крестовикъ (*Er. diadema*), сидя по обыкновенію въ центрѣ своей тенеты за стекломъ моего окна, сосалъ муху, я произвелъ нѣсколько разъ подрядъ треніе по стеклу смоченнымъ водою пальцемъ, вызывавшее громкій дребезжащій звукъ. Паукъ явно воспринималъ его, но жертвы своей не выпускалъ и самъ не падалъ; онъ лишь подымалъ вверхъ свои переднія ноги съ видимымъ испугомъ. Гораздо труднѣе было вызвать ту же реакцію простымъ, даже сильнѣйшимъ постукиваніемъ по стеклу. Когда тотъ же паукъ не былъ занятъ сосаніемъ добычи, онъ при дрожаніи стекла отъ тренія, особенно въ первые раза, падалъ, при постукиваніи же оставался сидѣть на мѣстѣ. Случилось, что я двинулъ рамой такъ, что затрещали всѣ стекла: сидѣвшій на тенетѣ, на которую передался толчокъ, паукъ тотчасъ же сталъ съ необычайной быстротой кружиться на мѣстѣ и тѣмъ трясти свою ловушку. Если бы на нее упало крупное или опасное животное, напр. оса, дѣйствіе имѣло бы смыслъ, въ данномъ же случаѣ оно было совершенно безцѣльно. Впослѣдствіи я повторялъ опытъ и убѣдился въ автоматическомъ происхожденіи даннаго дѣйствія паука. Однако, таковымъ это явленіе можетъ быть признано не всегда. Такъ, *Ereia diadema* на звукъ камертона вначалѣ трясетъ свою сѣть автоматически, но, привкнувъ къ повторной тревогѣ, дѣлаетъ предварительно нѣсколько шаговъ къ мѣсту, откуда доносятся до него тревожные звуки, и трясетъ ловушку, послѣ чего останавливается на одинъ моментъ, ждетъ чего-то, затѣмъ бѣжитъ дальше, снова потрясетъ, подождетъ и опять спѣшитъ впередъ и такъ неоднократно. Тутъ имѣется нѣчто большее, чѣмъ простой автоматизмъ.

Наличность слуха у новорожденныхъ и очень молодыхъ паучковъ установить не всегда легко. У моихъ выводковъ разныхъ паучковъ часто не получалось на звучащій камертонъ рѣшительно никакой реакціи (*Linyphia*); къ сожалѣнію виды паучковъ не всегда удавалось опредѣлить. Новорожденные *Xysticus* и *Ereiga* поднимаютъ лапки на звуки камертона такъ же, какъ взрослые. Одно и двухъ - дневные *Ereiga* уже способны на звуковое раздраженіе давать реакцію паденія на паутинныя нити, а упавъ, подобно взрослымъ, очень долго пребываютъ въ неподвижности. Судя по тому, что новорожденные круготенетники падаютъ независимо отъ того снизу или сверху слышатся звуки, надо думать, что у нихъ задерживающее вліяніе психики на автоматизмъ выражено слабѣе, чѣмъ у взрослыхъ. Впрочемъ, пауки *Linyphia* отъ звукового раздраженія или прикосновенія къ нимъ въ однихъ случаяхъ падаютъ, въ другихъ—нѣтъ.

Зудни (*Sarcoptidae*) совсѣмъ не имѣютъ глазъ, стало быть и зрительныхъ воспріятій. Многіе паукообразные, обыкновенно низшіе виды (клещи), но иногда и сравнительно высокоорганизованные, имѣютъ 2 или 4 глаза. У высшихъ представителей, какъ извѣстно, глазъ большей частью отъ 3-хъ до 4-хъ паръ и устроены они сложно, а расположены разно. Если глазъ много, то одни направлены вверхъ, другіе впередъ, третьи въ стороны. Каждый глазъ получаетъ свой отдѣльный зрительный образъ и утрата всѣхъ глазъ за исключеніемъ одного еще не дѣлаетъ паука слѣпымъ. Однако, при закрашиваніи глазъ на одной сторонѣ паукъ кружится и ориентируется въ пространствѣ плохо. Раздавливаніе головы на мѣстѣ расположенія глазъ влечетъ за собою смерть послѣ непродолжительныхъ клоническихъ судорогъ въ ногахъ¹⁾. Для полученія ясныхъ зрительныхъ представленій необходимо наслоеніе и суммирование образовъ зрительныхъ воспріятій; по крайней мѣрѣ для того, чтобы паукъ видѣлъ отчетливо, нужно, чтобы или объектъ двигался, а животное находилось въ покоѣ или наоборотъ. Паукъ, спустившись на паутинѣ ногами вверхъ, осматриваетъ окружающую обстановку, причемъ глаза направлены такимъ образомъ внизъ и въ стороны и такъ какъ животное вращается въ своемъ висачемъ положеніи, то поле зрѣнія дѣлается весьма обширнымъ.

1) Уже легкое сдавливаніе головогруды б. ч. смертельно.

Послѣ осмотра паука, ловко и быстро перебирая конечностями, возвращается назадъ, потомъ повторяетъ изслѣдованіе, опустившись на высоту нѣсколько большую или меньшую, которую вообще мѣняетъ произвольно. Для полученія яснаго представленія относительно окружающей обстановки пауку, повидимому, необходимо много разъ продѣлать осмотръ на разныхъ высотахъ и съ вращеніемъ себя съ неодинаковой скоростью.

Не смотря на большое число глазъ и въ общемъ довольно сложное ихъ устройство, зрѣніе пауковъ сравнительно съ нашимъ очень слабо. *Phalangium* съ двумя глазами, направленными вверхъ, видятъ чрезвычайно плохо, по крайней мѣрѣ къ пауку можно свободно приблизиться и взять его даже въ руки; онъ не замѣчаетъ своевременно опасности и не принимаетъ мѣръ къ бѣгству. Представители сем. *Thomisidae* видятъ тоже очень плохо: *Thomisus albus* Gmel., напр., замѣтивъ съ цвѣтка тысячелистника (*Millefolium*) приближающагося къ нему врага переходитъ на затѣненную сторону растенія, какъ это часто наблюдается у клоповъ (*Hemiptera*). Однако, надо подойти къ пауку совсѣмъ близко, почти коснуться его. Многихъ пауковъ, напр. *Ereiga*, *Thomisus*, *Xysticus* и др., можно иногда трогать въ самые глаза, прежде чѣмъ животныя обнаружатъ реакцію. Зрѣніе у нихъ замѣняется въ значительной степени осязаніемъ и чувствомъ вибраціи, которыя имъ и при устройствѣ сѣтей, и при ловлѣ добычи болѣе необходимы. Когда пауки бѣгутъ отъ очевидной опасности, они руководствуются если не исключительно, то между прочимъ зрѣніемъ: такъ, *Agelena labyrinthica* прячется въ свою паутинную трубку, круготенетникъ скрывается въ ближайшій темный уголокъ, гдѣ устроилъ себѣ окутанное паутиной логовище; живущіе въ землѣ—спѣшатъ въ норы; иные пауки уходятъ подъ камни, другіе подъ листья, древесную кору, въ ближайшую щель и т. д., въ зависимости отъ условій мѣста, обстановки и привычнаго образа жизни. *Lycosoidae* и *Attoidae*, ведя бродячій образъ жизни и кормясь въ открытомъ полѣ охотой, видятъ прекрасно и лучше ночью, чѣмъ днемъ. Многіе ночные паукообразные (*Lycosa*, *Galeodes*, *Scorpio*, *Androctonus* и др.) очень чувствительны къ яркому свѣту, а дневного положительно избѣгаютъ. Скорпіоны цѣпенѣютъ, теряютъ способность двигаться, если въ ихъ мрачное убѣжище подъ камни, гнилыя доски и т. п. неожиданно проникнетъ пучекъ солнечныхъ лучей. Въ

полѣ въ окрестностяхъ Тифлиса тарантулы, бихорхи и скорпионы не разъ взбирались на мою постель, но стоило зажечь спичку, какъ они моментально бросались въ бѣгство и прятались въ ближайшій темный уголь. Напротивъ, когда я подносилъ къ глазамъ крестовика (*Er. diadema*), отдохавшаго на теньѣ или кормившагося мухой, зажженую спичку на очень близкое разстояніе (до $1\frac{1}{2}$ сант.!) животное на яркой свѣтъ не обращало ни малѣйшаго вниманія.

Наблюденія показываютъ, что пауки при выборѣ мѣста для устройства ловушекъ, логовищъ, гнѣздъ въ условіяхъ естественной жизни руководствуются не столько зрѣніемъ, сколько осязаніемъ, наталкиваются на подходящую обстановку часто совершенно случайно. Гдѣ много деревянныхъ построекъ, легко убѣдиться, что пауки отдають предпочтеніе сѣрымъ заборамъ передъ окрашенными, глухимъ мѣстамъ передъ многолюдными, главнымъ образомъ благодаря зрительнымъ воспріятіямъ; но для отличія засохшаго кустарника отъ свѣжаго, сухой земли или стѣны отъ мокрой паукамъ приходится пользоваться другими органами чувствъ. Что пауки могутъ отличать свѣтъ отъ тьмы, показываютъ повседневныя наблюденія надъ ихъ появленіемъ въ опредѣленное время изъ своихъ убѣжищъ и нетрудно проверить экспериментально.

Паучки рода *Ereiga*, пущенные мною цѣлымъ выводкомъ въ стеклянную банку, настолько тяготѣли къ свѣту окна, что сейчасъ же собрались на сторонѣ, обращенной къ нему. Когда я повертывалъ банку на 180° , они спѣшили опять къ окну; при поворотѣ ея на 90° паучки переселялись на столько же градусовъ. Въ коробочку, покрытую на одной половинѣ деревянной крышкой, на другой обыкновеннымъ стекломъ, я пустилъ 40 паучковъ *Ereiga*, изъ нихъ всѣ безъ исключенія расположились въ свѣтлой половинѣ. Я осторожно переставилъ крышки, паучки одинъ за другимъ стали переходить отъ тѣни къ свѣту.

Способны-ли пауки отличать цвѣта? Въ отношеніи къ низшимъ представителямъ паукообразныхъ отвѣтъ на это можетъ быть только отрицательный. Что же касается высшихъ видовъ, то они отличаютъ если и не всѣ цвѣта спектра, то главныя несомнѣнно. Я пускалъ выводки разныхъ паучковъ 2—10 дневнаго возраста въ коробочку 30 сант. длиною и 4 шириною въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ штукъ заразъ и, покрывъ ее сверху

рядомъ разноцвѣтныхъ стеклышекъ, пересчитываль, подъ какими стеклами сколько располагалось паучковъ. Черезъ 2 — 3 часа, удаливъ построенную паутину, я клалъ стеклышки въ другомъ порядкѣ, впускалъ туда вновь паучковъ тѣхъ же или другихъ видовъ и снова пересчитываль и такъ многократно. Оказалось, что подъ краснымъ стекломъ пауки располагаются крайне неохотно; иногда нѣтъ подъ ними ни одного; нѣсколько больше — все же мало, устраивается подъ желтымъ, еще больше избираютъ малиновый. Красный цвѣтъ или свѣтъ при такой постановкѣ опытовъ паучки замѣчали поразительно быстро, можно сказать сразу и избѣгали его съ самаго начала. Синій и зеленый цвѣта были тѣми, которые при данныхъ условіяхъ опыта представлялись наиболѣе привлекательными. Къ сожалѣнію по причинѣ противорѣчивости результатовъ не удалось выяснитъ, который изъ этихъ двухъ послѣднихъ цвѣтовъ паучками предпочитается.

Огромное число опытовъ было мною поставлено иначе: коробочку въ 10 сант. длиною, 3,5 сант. шириною и 1,5 сант. высотой я покрываль только двумя равными по величинѣ стеклышками, напр. синимъ и краснымъ, желтымъ и зеленымъ, безцвѣтнымъ и малиновымъ и т. д., приче́мъ въ коробочку впускались отъ 10 до 60 паучковъ одного вида, преимущественно изъ рр. *Ereiga* или *Linurphia*, но и нѣсколько другихъ наиболѣе распространенныхъ подъ Петербургомъ. Не менѣе какъ черезъ 3 часа сосчитываль, сколько маленькихъ животныхъ собралось подъ однимъ стекломъ и сколько подъ другимъ, затѣмъ удаляль образовавшуюся за это время паутину и переставляль стекла. Само собою разумѣется, что пауки часто замѣнялись новыми выводками. Продѣлавъ съ каждымъ двумя разными стеклами не менѣе 10 и не болѣе 18 опытовъ, я высчитываль общія цифры для каждаго изъ двухъ цвѣтовъ. При сравненіи краснаго цвѣта со всякимъ другимъ изъ числа зеленаго, желтаго, синяго, малиноваго и дневнаго обнаружилось, какъ несомнѣнный фактъ, что первый является для паучковъ наименѣе привлекательнымъ. Лишь только клалось красное стеклышко, паучки сейчасъ же уходили изъ подъ него, при чемъ относительно охотно подъ синее; если подъ краснымъ стекломъ оставались, то лишь очень немногіе вслѣдствіе ли недостатка у нихъ паутиннаго вещества въ железахъ или утраты естественной бойкости или, наконецъ, привле-

кательности готовой паутинной ткани по сосѣдству. Не можетъ быть случайнымъ явленіемъ, что на 62 опыта съ краснымъ стекломъ при общемъ количествѣ 1800 паучковъ не наблюдалось мною ни разу, чтобы въ красной средѣ оставалось ихъ насколько-нибудь больше, чѣмъ подъ какимъ либо другимъ. Результатъ къ тому-же мало отличался, бралъ ли я стекло нѣсколько болѣе свѣтлое или болѣе темное, ставиль-ли опытъ утромъ или вечеромъ, при разсѣянномъ свѣтѣ или подъ косыми лучами полуденнаго солнца, или при искусственномъ освѣщеніи лампы.

Нѣсколько менѣе, все же постоянно, пауки избѣгали желтаго свѣта, отдавая предпочтеніе всѣмъ цвѣтамъ кромѣ краснаго. При сравненіи съ краснымъ подъ желтымъ располагалось въ 5 разъ, подъ синимъ въ 10 разъ болѣе. Желтый свѣтъ отъ синяго пауки отличали, при чемъ, отдавая предпочтеніе послѣднему, все же стремились къ нему не очень сильно: такъ, въ среднемъ изъ 17 опытовъ со стеклами желтымъ и синимъ на одного паучка подъ первымъ приходилось всего 1,7 подъ вторымъ. Подъ малиновымъ располагалось вообще въ 1,5, подъ зеленымъ въ 1, 83, подъ обыкновеннымъ 3,5 больше чѣмъ подъ желтымъ. При сравненіи синяго цвѣта съ зеленымъ преимуществомъ пользовался послѣдній, но въ слабой степени. Судя по частымъ противорѣчіямъ въ результатахъ наблюденія, можно думать, что пауки очень плохо отличаютъ разницу между этими двумя цвѣтами. Когда рядомъ съ зеленымъ цвѣтомъ былъ желтый, синій или малиновый—пауки предпочитали первый, особенно, если сопоставлялся зеленый съ краснымъ (3,2 : 1). Всего неприятнѣе имъ былъ такимъ образомъ красный, потомъ малиновый, затѣмъ желтый и наименѣе — синій цвѣтъ. Хотя подъ простое стекло шло больше паучковъ, чѣмъ подъ зеленое, все же повидимому имѣло значеніе то положеніе, которое занимала коробочка въ отношеніи къ падающему на нее черезъ окно дневному свѣту: такъ, если ближе къ окну находилось простое стекло, то паучки направлялись подъ него очень охотно; при обратныхъ условіяхъ зеленый цвѣтъ избѣгался, но недостаточно сильно; очевидно, вліяніе окна на выборъ паучками себѣ мѣста въ коробкѣ оставалось. При сравненіи желтаго цвѣта съ обыкновеннымъ разсѣяннымъ на выборъ паучками мѣста окно оказывало ничтожное вліяніе: предпочтеніе отдавалось, конечно, обыкновенному дневному свѣту. При паденіи на коробку, покрытую зеленымъ и ма-

линовымъ стеклами, прямыхъ солнечныхъ лучей, пауки собирались преимущественно подъ малиновое, а при дневномъ свѣтѣ зеленое стекло имъ было болѣе пріятно, чѣмъ малиновое и всякое другое кромѣ безцвѣтнаго.

При постановкѣ опытовъ этого рода приходилось всякій разъ предварительно удалять паутину, такъ какъ когда имѣется въ коробкѣ готовая паутинная сѣть, пауки руководствуются при своихъ перемѣщеніяхъ органами зрѣнія въ меньшей степени, чѣмъ осязаніемъ, и мало обращаютъ вниманія на цвѣта окружающей среды. Далѣе требуется довольно продолжительное время, чтобы пауки перемѣнили мѣсто своего пребыванія. Изготовивъ паутинную сѣть, они становятся вялыми, малоподвижными, часами сидятъ на одномъ мѣстѣ и, разъ устроившись удобно, дѣлаются малочувствительными къ перемѣнѣ свѣта. Но стоить паучковъ вспугнуть и тѣмъ произвести среди нихъ переполохъ, а главное удалить паутину и можно очень легко убѣдиться, какой цвѣтъ или свѣтъ имъ болѣе пріятенъ.

Среди натуралистовъ господствуетъ убѣжденіе, что у паучковъ нѣтъ вовсе чувства обонянія: голодное животное не чувствуетъ добычи, находящейся рядомъ, но не движущейся, а самецъ не узнаетъ самки, пока не коснется ее лапой. Вытаскиваніе тарангуловъ изъ норокъ не только на восковой или хлѣбный, но и на стеклянный шарикъ тоже говоритъ за то, что не обоняніемъ руководствуется паукъ въ захватываніи добычи. Опыты надъ разными *Lycosa*, *Linyphia*, *Ereiga*, *Xysticus* и многими другими пауками убѣдили меня, что эти животныя не только не воспринимаютъ нѣжнаго аромата духовъ, но и не чувствуютъ запаха такихъ пахучихъ веществъ, какъ гвоздичное или мятное масло, или нашатырь. Впрочемъ, иногда отъ дѣйствія послѣднихъ получается очень слабая реакція, нѣсколько смущающая наблюдателя: такъ, если висящему на паутинкѣ паучку подставить снизу навстрѣчу стклянку съ нашатыремъ, то животное вначалѣ продолжаетъ спускаться, но попавъ въ нашатырные пары, спѣшитъ обратно съ поразительной быстротой. Естественно, что получается впечатлѣніе, будто пары нашатыря раздражаютъ животное, если не чувствуются имъ какъ запахъ. Опускающіеся на паутинкахъ паучки обыкновенно не замѣчаютъ, когда подъ ними находится ароматическая жидкость, напр. мятное масло, падаютъ прямо въ нее и тонуть, чего не было бы

при наличности обонянiя. Впрочемъ, несомнѣнно существуютъ пауки, которые чрезвычайно чувствительны къ ароматическимъ веществамъ: такъ *Phalangium opilio* настолько постоянно отдергиваетъ лапку, когда къ ней подносятъ нѣжныя эфирныя эссенци, употребляемыя какъ духи, не говоря уже о гвоздичномъ маслѣ и т. п. веществахъ, что не можетъ подлежать сомнѣнiю, что обонянiе или близкое къ обонянiю чувство существуетъ у этого вида и вѣроятно рода пауковъ, и локализовано оно въ лапкахъ, особенно второй наиболѣе длинной пары ногъ; въ средней части и тѣмъ болѣе у основанiя ногъ оно выражено слабѣе. Если отрѣзать конецъ ножки, иначе самую лапку, то остальная часть конечности реагируетъ на запахи слабѣе, все же отдергивается. Основные два членика ногъ послѣ утраты остальныхъ перестаютъ реагировать. Иногда неувѣренно подымается при этомъ сосѣдняя нога. Опытъ вызванiя реакци на запахи у *Ph. opilio* удается безконечно много разъ, причемъ первая лапа отдергивается какъ будто нѣсколько медленнѣе, чѣмъ вторая. Однако, отъ приближенiя ароматическихъ вѣдкихъ жидкостей, напр. мятнаго масла, *Ph. opilio* испытываетъ, повидимому, боль, такъ какъ животное всякiй разъ послѣ эксперимента надъ нимъ долго и сильно беспокоится. Часто этотъ паукъ послѣ приближенiя къ лапкѣ мятнаго масла проводитъ ее черезъ ротъ, повторно и долго держитъ ее тамъ, иногда какъ бы отъ боли потрясаетъ ею—словно человѣкъ обожженную руку.

За исключенiемъ сравнительно немногихъ низшихъ формъ всѣ паукообразныя суть животныя плотоядныя. Зудни и клещи сосутъ кровь преимущественно опредѣленныхъ животныхъ: одни—насекомыхъ, другiе—птицъ, третьи—млекопитающихъ, при чемъ у каждаго вида паразита имѣется свой излюбленнiй, часто единственный хозяинъ. Настоящiе пауки, бихорхи и скорпионы въ пищѣ мало разборчивы; они ѣдятъ все, что только имъ подвернется съѣдобнаго, лишь бы то была живая тварь и хватило бы силъ ее одолѣть. Мертвечины они не ѣдятъ; даже сильнѣйшiй голодъ не заставляетъ ихъ пожирать мертваго, хотя попытки иногда дѣлаются. Случалось мнѣ видѣть, напр., какъ *Phalangium opilio* долго и старательно сосалъ валяющуюся ногу крестовика, съ виду совсѣмъ высохшую и негодную для ѣды, какъ *Ereiga marmorea* высасывалъ обезглавленнаго жука или мертвую муху и т. д. Вкусовыя ощущенiя однако выводятъ па-

ука, повидимому, очень скоро изъ заблужденія. Въ пищу паукамъ идутъ главнымъ образомъ разнаго рода насѣкомыя. На крайнемъ югѣ Россіи и въ закавказскихъ степяхъ въ ловушкахъ многихъ Theridiidae и др. можно наблюдать какъ слѣды трапезы въ изобиліи мертвыхъ мухъ, жуковъ и особенно разнаго рода насѣкомыхъ изъ отряда прямокрылыхъ; рѣже удается находить тамъ-же остатки отъ пауковъ, а въ исключительныхъ случаяхъ мелкихъ позвоночныхъ. Въ паутинныхъ сѣтяхъ каракурта — *Latrodectus tredecimguttatus* Rossi, водящагося въ киргизскихъ, закавказскихъ и нѣкоторыхъ другихъ степяхъ, видѣли объѣдки даже землеройки—*Sorex* (Россиковъ). Такія крупныя паукообразныя какъ бихорхи (*Galeodes*) набрасываются на спящихъ ящерицъ, полевыхъ мышей, а тропическіе пауки—птицеѣды (*Mygale*), какъ извѣстно, давно прославились своими крайне хищническими нападеніями на позвоночныхъ, преимущественно мелкихъ птицъ.

Въ разное время года одна и та же паутинная постройка содержитъ остатки отъ разнаго рода живыхъ существъ. При обиліи пищи пауки питаются съ нѣкоторымъ выборомъ, но при недостаткѣ и голодѣ отношеніе къ ней довольно безразличное, по крайней мѣрѣ паукъ тащитъ въ гнѣздо и поѣдаетъ все, что удастся ему изловить. Родъ пищи зависитъ конечно въ значительной степени отъ фауны той мѣстности, гдѣ построена ловушка и какъ около логовищъ крупныхъ Theridiidae, селящихся низко надъ степью въ травѣ и по краямъ кустарниковъ, валяется масса высосанныхъ прямокрылыхъ, такъ на высоко растянутыхъ вертикальныхъ тенетахъ Epeiridae или горизонтальныхъ полотнахъ Linyphiidae приходится наблюдать преимущественно такихъ насѣкомыхъ, которыя въ своемъ полетѣ чаще всего могутъ попадать на эти ловушки, именно двухкрылыхъ, рѣже жуковъ и др. Ни въ тенетахъ, ни въ другого рода ловушкахъ нѣтъ обыкновенно остатковъ перепончатокрылыхъ, но причиной тому являются вѣроятно не вкусовыя особенности пауковъ, а инстинктивный страхъ ихъ передъ этими насѣкомыми, главными ихъ истребителями. Надо сказать, что большая часть высшихъ паукообразныхъ только сосетъ добычу, хотя имѣетъ крѣпкія и сильныя челюсти, и немногіе, напр. бихорхи, ѣдятъ и твердыя части.

Пауки поѣдаютъ другъ друга лишь при недостаткѣ пищи, и въ такомъ случаѣ иногда даже самки не щадятъ своего вы-

водка. Такою склонностью отличаются особенно Lycosidae. Свое потомство пауки поѣдаютъ въ общемъ неохотно, многіе предпочитаютъ голодную смерть, въ чемъ я убѣдился надъ *Xysticus*, *Ereiga*, *Linurhia* и нѣкоторыми другими. Это тѣмъ болѣе странно, что пауки не ѣдятъ ничего или почти ничего, когда сидятъ на коконѣ или ходятъ съ нимъ, и за это время сильно худѣютъ, а по вылупленіи изъ яицъ паучковъ аппетитъ казалось бы долженъ былъ сильно возрасти. У тарантуловъ и вообще у пауковъ, носящихъ дѣтвора всюду съ собою на спинѣ, малыши, сползая съ тѣла матери, питаются вначалѣ больше остатками отъ родительской трапезы, чѣмъ на счетъ самостоятельнаго улова самыхъ мелкихъ насекомыхъ. Самкѣ, чтобы прокормить дѣтвора, приходится съ каждымъ днемъ дѣлать все болѣе длительныя экскурсіи, во время которыхъ молодежь упражняется въ самостоятельномъ добываніи пищи. Тутъ можно подозрѣвать раздраженіе и безсознательное взаимное обученіе ихъ выбору пищи и охотѣ. У скорпионовъ наблюдается почти то же самое. Съ другой стороны паучки *Linurhia* и *Ereiga* не разъ убѣгали у меня изъ банокъ и коробокъ и многіе умѣли съ самаго выхода изъ яицъ прокормиться совершенно самостоятельно и выросли какъ независимо другъ отъ друга, такъ и матери, которая охраняла ихъ въ стадіи яицъ, но не могла давать примѣровъ въ добываніи пищи. Паучки крайне рѣдко ѣли другъ друга, а дошли напротивъ очень часто какъ отъ голода, такъ и безъ всякой видимой причины. Во время линьки паучки перестаютъ ѣсть вообще.

Взрослые пауки одного вида или рода въ общемъ менѣе охотно ѣдятъ другъ друга, чѣмъ разныхъ видовъ, родовъ и тѣмъ болѣе семействъ. Въ одной изъ банокъ у меня находилось, напр., 10 штукъ взрослыхъ самцевъ и самокъ *Er. diadema*. Я оставилъ ихъ безъ пищи въ ожиданіи, что они поѣдятъ другъ друга, но этого не случилось, и они постепенно въ теченіе двухъ-трехъ недѣль всѣ подошли. Но бывало и такъ: два паука одного вида съ самаго начала вступали во враждебныя другъ къ другу отношенія и тогда дѣло очень скоро кончалось тѣмъ, что слабый дѣлался добычей болѣе сильнаго. Какъ-то посадилъ я въ банку трехъ крупныхъ *Er. diadema* и пять *Er. magnoea*; всѣ были самки. Три дня прошло благополучно, но затѣмъ пауки стали нападать другъ на друга съ явной цѣлью покормиться и въ живыхъ съ каждымъ днемъ оставалось меньше и меньше. Два послѣдніе погибли голодною

смертью. Пауки, разъ вкусивъ крови своихъ братьевъ, входятъ, если можно такъ выразиться, во вкусъ и повторяютъ нападеніе гораздо смѣлѣе, лишь только почувствуютъ голодь.

Какъ-то поймалъ я подъ Тифлисомъ двухъ бихорхъ (*Galeodes arapoides*) и посадилъ ихъ въ банку. Онѣ тотчасъ напали другъ на друга, но первая схватка была непродолжительна и неудачна—враги даже не могли укусить другъ друга какъ слѣдуетъ, но каждый изъ нихъ старался не допустить противника къ себѣ близко. Довольно долго стояли они на мѣстѣ какъ рыцари на турнирѣ съ поднятымъ оружіемъ наготовѣ, затѣмъ разошлись и съ этого момента оставались постоянно на противоположныхъ сторонахъ своего помѣщенія. Когда бывало стяхнешь банку съ этими отвратительными животными такъ, чтобы они столкнулись—тотчасъ каждый изъ нихъ, отпарировавъ удары противника, стремится уйти поскорѣе, пятясь назадъ. Пока я держалъ ихъ отдѣльно, они съѣли нѣсколькихъ саранчевыхъ кобылокъ каждый. Въ продолженіи пятидневнаго пребыванія ихъ въ общемъ помѣщеніи они однако отъ пищи отказывались, видимо утративъ аппетитъ отъ постояннаго гнѣва и страха. На шестой день утромъ я нашелъ одну бихорху крѣпко вцѣпившейся челюстями въ головугрудь другой—уже мертвой, а на слѣдующій день еще можно было наблюдать, какъ побѣдитель пожиралъ внутренности побѣжденнаго. Другой разъ я посадилъ бихорху къ тарантулу (*Trochosa singoiensis* Latr.). Онъ очень скоро напалъ на своего менѣ сильнаго врага, быстро перекусилъ ему всѣ ноги, но ѣсть его не сталъ.

Количество поѣдаемой пауками пищи вообще большое и зависитъ отъ условій погоды и обстановки. Къ голоду высшіе паукообразные замѣчательно выносливы и нѣкоторые могутъ не ѣсть не только дни, но и недѣли, даже мѣсяцы (скорпионы)¹⁾, правда замѣтно худѣя. При кормленіи пауковъ въ искусственной обстановкѣ они гораздо болѣе жадно набрасываются на первую муху, чѣмъ на вторую и тѣмъ болѣе третью, когда животное нуждается собственно въ отдыхѣ, а не въ ѣдѣ. Если круглотенетникъ голодень, онъ сейчасъ же окутываетъ паутиной данную ему муху, отдѣляетъ отъ мѣста, гдѣ поймалъ ее, и относитъ въ челюстяхъ на центральную площадку тенеты, гдѣ ни-

1) Время года имѣетъ значеніе.

къмъ не обезпеченный сосеть ее часами, изрѣдка мѣняя мѣсто, за которое держить добычу. Насытившись, онъ удаляетъ остатки. Если паукъ сытъ, а добыча подвернулась, онъ умерщвляетъ и запеленываетъ ее паутиной на мѣстѣ и, когда проголодается, вспоминаетъ о существующемъ запасѣ. Стоить поднести голодному пауку, скрывшемуся въ норѣ, жужжащую муху, онъ встретится, выбѣжитъ навстрѣчу. Совсѣмъ не такъ дѣйствуетъ животное, когда сыто: его такъ легко не выманешь изъ норы.

Чтобы покормить уже наѣвшагося *Er. diadema*, я бросилъ однажды небольшое надводное сѣтчатокрылое насѣкомое на тенету. Не смотря на то, что оно запутавшись стало сильно биться, сидѣвшій въ центрѣ тенеты сытый паукъ не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Тогда я поднесъ муху—сѣрую мясоѣдку (*Sarcophaga carnaria*) къ самому рту паука, но также безрезультатно. Послѣ этого я поймалъ другую муху, похожую на комнатную, и когда поднесъ ее къ глазамъ паука, а она сильно жужжала, тотъ все же схватить ее не хотѣлъ, даже какъ будто пугался ея и пытался уйти. На другой день съ наступленіемъ голода паукъ жадно схватилъ эту же муху и высосалъ. Наблюдения показываютъ далѣе, что, не смотря на слабое развитіе вкуса, пауки, если ихъ однообразно кормить, отказываются ѣсть идохнуть.

Сухопутныя паукообразныя рѣдко пьютъ воду и многія вѣроятно могутъ обходиться совершенно безъ нея, но если она случайно оказывается передъ ними, то пользуются моментомъ и утоляютъ жажду. Поселившіеся надъ бассейномъ стоячей или медленно проточной воды круготенетники изрѣдка спускаются до нея и пьютъ долго, затѣмъ встряхнувшись быстро возвращаются назадъ. Если воду замѣнить жидкостью кислой, соленой или горькой, то они избѣгаютъ ея. Напившись ядовитой жидкости, они быстро погибаютъ, точно такъ же какъ отъ воздуха, насыщеннаго эиромъ, гвоздичнымъ или мятнымъ масломъ.

Паукообразныя, попавъ въ неудобную и неподходящую для нихъ обстановку, ищутъ выхода изъ нея, при чемъ ихъ дѣйствіями руководятъ всѣ наличные органы чувствъ. Тарантулы, бихорхи, скорпионы уходятъ далеко отъ своихъ норъ или логовищъ, но отыскиваютъ отлично обратный путь съ помощью вѣроятно главнымъ образомъ зрѣнія и памяти мѣста. Впрочемъ, *Phalangium opilio* и при плохомъ зрѣніи умѣетъ находить путь

къ себѣ домой. Круготенетники (*Epeiridae*), сѣтчатники (*Theridiidae*) и вообще пауки, возводящіе себѣ паутинныя постройки, тянутъ за собой одной изъ заднихъ ногъ нить, идущую отъ паутинныхъ бородавокъ. Эта нить является для далеко ушедшаго паука, какъ новорожденнаго, такъ и взрослога, путеводителемъ назадъ къ гнѣзду, логовищу или ловушкѣ. При данныхъ условіяхъ строительства и образа жизни животныхъ зрѣніе и память мѣста не могли тренироваться и потому развиты не сильно. Такіе пауки постоянно вынуждены опасаться за цѣлость нити, отрываніе которой ставитъ ихъ при возвращеніи назадъ въ безпомощное положеніе. Лишь въ минуту крайней опасности для жизни они рвутъ ее позади себя и убѣгаютъ.

Однажды, желая снять съ тенеты за стекломъ моего окна крупнаго *Er. diadema*, я невольно вспугнулъ его, и онъ упалъ со второго этажа дачи на землю. Казалось, животное должно было пропасть. Однако, черезъ короткое время оно опять сидѣло на своемъ прежнемъ мѣстѣ. Было очевидно, что упалъ паукъ на длинной, тонкой и потому невидимой простымъ глазомъ паутинной нити. Чтобы провѣрить, найдеть ли онъ дорогу назадъ въ томъ случаѣ, если порвать нить, нарушить ему такимъ образомъ прямой путь назадъ, я заставилъ его снова упасть и когда онъ былъ уже на землѣ, перенесъ центральный конепъ поддерживающей его паутинки на 0,3 метра въ сторону. Паукъ скоро забрался на стѣну, но уже на тенетѣ не показывался, и она въ теченіе всей недѣли оставалась свободной, а потомъ была снесена вѣтромъ. Казалось очевиднымъ, что дороги домой онъ не нашель.

Когда другой *Er. diadema*, встревоженный такимъ же образомъ, упалъ съ тенеты, я подвѣсилъ его въ разстояніи отъ края ровно на 15 сант. Паукъ поднялся до мѣста новаго прикрѣпленія нити и растерялся: сталъ искать дорогу то по одному направленію, то по другому, часто возвращался назадъ, попалъ на чужю паутину какого-то *Linurphia*, узналъ, что постройка эта не его и свернулъ обратно, ходилъ, ходилъ и, несмотря на близость цѣли, достигнуть ея никакъ не могъ. На утро оказалось, что онъ сидѣлъ на построенной заново нѣсколько выше прежней тенетѣ. Центры тенетъ отстояли другъ отъ друга всего на 17 сант. и тѣмъ не менѣе паукъ при сооруженіи себѣ новой ловушки даже случайно не наткнулся на старую, хотя края ихъ

почти соприкасались. Я вторично вспугнулъ паука и, когда онъ на нити упалъ снова, подвѣсилъ его нѣсколько въ сторону и также близко. Взбѣжавъ до мѣста прикрѣпленія, паукъ началъ тщательно искать свою ловушку, ходилъ кругомъ да около медленно и неуверенно. Бросалось мнѣ при этомъ въ глаза, что хожденіе его по знакомымъ ему мѣстамъ и паутинкамъ было гораздо быстрѣе, чѣмъ по новымъ путямъ. Не найдя опять своей тенеты, онъ построилъ третью, при чемъ центръ этой послѣдней находился отъ центра второй на разстояніи 35 сант. Къ вечеру крестовикъ отыскалъ свою первую тенету и возвратился къ ней. Въ послѣдующіе дни онъ снялъ обѣ другія, какъ очевидно ненужныя.

Насколько слаба находчивость пауковъ и несовершенны ихъ органы чувствъ, видно изъ слѣдующаго:

Ер. *diadema*, обойдя всѣ части изолятора и не найдя выхода, сталъ то и дѣло спускаться внизъ на паутинкѣ и снова взбираться назадъ, и чѣмъ онъ ниже спускался, тѣмъ поспѣшнѣе возвращался. Онъ продѣлалъ это много, много разъ въ разныхъ мѣстахъ, но тщетно: выхода не было, всюду оказывалась на пути къ бѣгству вода. Наконецъ, онъ рискнулъ дотронуться передними лапками до ея поверхности, но ужаснувшись, поспѣшилъ назадъ, потомъ спустился снова; на этотъ разъ онъ отнесся къ водѣ спокойнѣе, даже не побоялся напиться ея и пилъ долго. Стремленіе уйти между тѣмъ не ослабѣвало. Паукъ вращался на паутинкѣ, мѣнялъ свое положеніе на вершинѣ палочки изолятора, какъ бы озирался кругомъ, но тоже безрезультатно. Иногда, опустившись на паутинкѣ, паукъ пытался раскатать себя и перебросить на другое мѣсто, но изъ этого тоже ничего не выходило. Въ виду всего этого я поставилъ другую низенькую палочку рядомъ въ разстояніи 2 сант. Паукъ скоро и ловко перебрался на нее, обслѣдовалъ и отсюда все кругомъ, но ничего придумать не могъ для своего спасенія, хотя теперь до края блюда было всего 2 сант. Я проложилъ тогда толстую нитку отъ этой второй палочки къ краю блюда на поверхности воды: паукъ тщетно пытался бѣжать по водѣ, но никакъ не догадывался перейти по ниткѣ, что казалось было такъ просто сдѣлать. Потребовалось болѣе сутокъ, прежде чѣмъ онъ наткнулся на вѣрный путь къ спасенію и ушелъ. Съ другой стороны наблюденія показываютъ, что *Tetragnatha*, *Attus*, *Salticus*, *Lycosa*, *Galeodes* и др., намѣтивъ добычу, подкрадываются, согласно требованіямъ момента,

осторожно и соразмѣряютъ свой прыжокъ съ величиною разстоянія.

Одинъ паукъ изъ рода *Xysticus* сидѣлъ у меня въ банкѣ недѣли двѣ съ кокономъ въ объятіяхъ, при чемъ въ это время, какъ водится, ничего не ѣлъ и сильно отошалъ. Его трудно было согнать съ мѣста: при всякой къ тому попыткѣ онъ цѣплялся ногами, сопротивлялся, словомъ не хотѣлъ уходить. Даже когда я бросилъ въ банку небольшого круготенетника (*Ereira*) и тогда *Xysticus* продолжалъ крѣпко сидѣть на своемъ коконѣ. Когда я вынулъ паука изъ банки наружу, онъ долго искалъ коконъ, таща за собою паутинную нить, между тѣмъ могъ бы порвать ее и спастись. Онъ все ползалъ вокругъ да около, при чемъ пройдя нѣсколько шаговъ останавливался, высоко поднималъ переднія ноги, какъ содержащія органы чувства, потомъ шель дальше, опять подымалъ ихъ, держалъ нѣкоторое время въ неподвижности и снова отправлялся на поиски, но назадъ въ банку итти не догадывался или не хотѣлъ. Посаженный же туда онъ продолжалъ и въ ней поиски. Встрѣчая на пути паутинныя нити, онъ хваталъ и дергалъ ихъ, какъ бы изслѣдуя по сопротивленію, куда онѣ ведутъ и убѣдившись, что коконъ находится не на нихъ, двигался медленно дальше. При такихъ хожденіяхъ и лазаніяхъ паукъ цѣплялся своими отогнутыми книзу щупальцами, какъ крючьями. Не смотря на то, что коконъ находился близко и паукъ, казалось, долженъ былъ бы видѣть его или почувствовать его присутствіе—онъ его не находилъ. Когда паукъ наткнулся наконецъ случайно на толстыя нити, дѣйствительно шедшія къ кокону, онъ схватилъ ихъ, потрясъ и съ явнымъ волненіемъ быстро побѣжалъ прямо по направленію къ нему.

Хотя банка стояла у меня изо дня въ день ничѣмъ не прикрытой, тѣмъ не менѣе паукъ вовсе не обнаруживалъ стремленія уйти, а если уходилъ, то сейчасъ же или очень скоро возвращался и, прижавшись грудью къ кокону, оставался опять сидѣть на мѣстѣ почти неподвижно часами. Когда однажды онъ отошелъ отъ кокона, я подложилъ ему другой—принадлежащій *Linurhia*, а его собственный коконъ повѣсилъ нѣсколько отступя. Возвратившись, паукъ сразу замѣтилъ подмѣну. Онъ не только не сѣлъ на коконъ въ своемъ обычномъ положеніи, но сталъ отталкивать его передними конечностями и въ теченіе 15 мин. искалъ свой мѣшокъ съ яйцами тамъ, гдѣ тому

полагалось дѣйствительно находиться. Паукъ долго вращался на одномъ и томъ же мѣстѣ и тщетно поводилъ въ воздухѣ двумя передними ножками по разнымъ направлѣнїямъ. Провозившись такимъ образомъ не мало времени въ напрасныхъ поискахъ, онъ отошелъ въ сторону и впалъ, судя по прїостановкѣ его движеній, скорѣе въ тоску, чѣмъ въ безразличіе; $\frac{1}{2}$ ч. спустя паукъ зашевелился опять и скоро, повидимому, совершенно случайно почувствовалъ близость своего кокона подергиваніемъ за ведущія къ нему нити; ускоривъ свои движенія, онъ направился къ нему и, найдя его наконецъ, жадно схватилъ въ объятія и замеръ въ неподвижности. Черезъ часъ послѣ этого я подрѣзалъ паутинки, поддерживающія коконъ. Тотъ упалъ на дно банки, а вмѣстѣ съ нимъ и паукъ, не выпускавшій его. На другой день коконъ оказался высоко подвѣшеннымъ къ центральной части банки, куда животное вѣроятно ночью его снова подтянуло и прикрѣпило. Всѣ эти дѣйствія явно говорятъ за наличность у *Xysticus* психической организаціи сравнительно высокаго порядка съ возможностью проявленія проблесковъ сознанія.

Что пауки, заключенные въ закрытое темное помѣщеніе, ищутъ выхода, руководясь между прочимъ зрѣніемъ, доказываетъ то, что стоитъ оставить крохотное отверстіе для проникновенія свѣта, и оно непремѣнно и очень скоро привлечетъ къ себѣ вниманіе плѣнниковъ. Съ другой стороны, помѣщенные въ открытую банку или коробку пауки не всегда и не всѣ сразу догадываются, что находятся въ плѣну и что необходимо спастись. Если въ первомъ случаѣ они, обыскавъ всѣ углы, стараются уйти черезъ найденное свѣтовое отверстіе, то во второмъ часто поражаютъ упорнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ въ то время, какъ было бы благоразумно и цѣлесообразно скорѣе бѣжать прочь. Однако многіе пауки находили выходъ изъ банки гораздо быстрѣе, когда она қлалась на-бокъ. Само собою разумѣется, что для бѣгства изъ плѣна необходимо исправное состояніе органовъ чувствъ: ослѣпленные пауки дѣлаются менѣ ловкими и догадливыми при прочихъ равныхъ условїяхъ, чѣмъ зрячіе, и отыскиваютъ дорогу труднѣе. Здоровому пауку стоило одинъ разъ найти выходъ и онъ часто настойчиво повторялъ попытку уйти, въ какомъ бы положеніи банка ни была, даже когда я упорно и повторно гналъ животное назадъ. Послѣ утраты зрѣнія у него наблюдалась нѣкоторая индифферентность къ своему положенію, ослаб-

леніе побужденія бѣжать. Впрочемъ, послѣ замазыванія глазъ паукъ долго и неоднократно чистился, старался предварительно возстановить себѣ зрѣніе протираніемъ глазъ ногами при содѣйствіи щупальцевъ, и лишь послѣ этого приступалъ къ изслѣдованію путей къ выходу. Землероющіе пауки, напр., тарантулы, ищутъ спасенія зарываясь въ землю, въ терраріумахъ пытаются даже подрывъ поды краемъ стеклянной стѣнки.

Если въ коробкѣ поды обыкновеннымъ стекломъ находился у меня цѣлый выводокъ *Agelena*, *Ereiga*, *Linurhia* или иного рода паучковъ, то при открытіи ея маленькія животныя не замѣчали въ первое время возможности бѣжать, хотя скоро они одинъ за другимъ начинали шевелиться, повидимому отъ доступа свѣжаго воздуха и его движенія. Такимъ образомъ начало подвижности, возникшее отъ внѣшняго раздраженія, казалось автоматическимъ, но чѣмъ дальше каждый паучокъ въ отдѣльности шелъ, тѣмъ болѣе ухоть его принималъ характеръ осмысленности. Пойманное и положенное обратно въ коробку животное не повторяло сейчасъ же попытки, вѣроятно потому, что во-1-хъ, наступаетъ автоматически мнимая смерть, во-2-хъ, воспоминаніе о предшествовавшемъ дѣйствіи встрѣчаетъ внутреннюю задержку, и скрытый періодъ психическаго процесса, необходимаго для произвольнаго дѣйствія, требуетъ сравнительно много времени. Впрочемъ, далеко не безразличенъ самый видъ животныхъ, надъ которыми ставится опытъ. Огромная разница напр. между новорожденными *Thomisus* и *Linurhia* въ смыслѣ способности ихъ къ проявленію активности. Необходимо также имѣть въ виду, что при бѣгствѣ паучковъ подражаніе, повидимому, имѣетъ мѣсто: по крайней мѣрѣ зачастую стоитъ одному паучку найти выходъ, за нимъ скоро непременно послѣдуютъ и другіе.

Когда я въ банку съ самкой *Er. diadema* бросилъ другое такое же животное, лишенное всѣхъ ногъ, кромѣ передней пары, то здоровый паукъ быстро схватилъ его и, окутавъ сплошнымъ слоемъ бѣловатой паутинной пелены, подтянулъ на паутинкѣ вверхъ, послѣ чего сталъ жадно сосать добычу. Иногда паукъ оставлялъ ее, ходилъ по стѣнкамъ и снова возвращался, но не убѣгалъ прочь, не смотря на то, что банка стояла открытой. Сосредоточивая на чемъ-либо вниманіе, онъ часто подымалъ обѣ переднія пары ногъ, особенно первую. Когда я подрѣзалъ нити, на которыхъ была прикрѣплена жертва, и она упала на дно,

паукъ оставилъ ее, засуетился, но скоро успокоился и приступилъ снова къ сосанію. Послѣ ѣды, почистивъ лапки во рту, паукъ засѣлъ на отдыхъ и отдыхалъ минутъ 20, затѣмъ вдругъ быстро направился къ выходу. Я сбросилъ его назадъ; паукъ сейчасъ же повторилъ попытку уйти; я опять столкнулъ его, потомъ снова и такъ неоднократно; паукъ же упорно стремился достигнуть намѣченной цѣли. Перейдя въ концѣ-концовъ за край банки, онъ не сумѣлъ сразу сброситься внизъ, а сталъ прибѣгать къ очень неудачнымъ приемамъ повторнаго сползанія и многократно возвращался назадъ, иногда какъ бы нарочно падалъ, но измѣрить разстояніе даже приблизительно не былъ въ состояніи, и паутинная нить всякій разъ задерживала его. При высотѣ банки не превышавшей 13 сант. животное спускаясь или сбрасывая себя тратило такимъ образомъ массу труда совершенно напрасно, непроизводительно. Вдругъ паукъ съ высоты 7 сант. замѣтилъ наконецъ столъ, на которомъ стояла банка, и направился къ нему уже самоувѣренно и быстро. Другой паукъ того же вида, но самецъ, поставленный въ тѣ же условія, гораздо скорѣе нашелъ выходъ и, перейдя край банки, бросился бѣжать по наружной стѣнкѣ прямо внизъ безостановочно, не давая себя ни разу загнать обратно.

Высшія паукообразныя способны переживать тѣ душевныя движенія, которыя принято называть эмоціями. Конечно, у нихъ эмоціи не такъ сложны и глубоки, какъ у птицъ или млекопитающихъ, все же имѣютъ объективные признаки, заключающіеся въ измѣненіяхъ тѣлодвиженія, дыханія, кровообращенія, перистальтики кишки и т. д.

Когда пауку грозитъ мнимая или дѣйствительная опасность, онъ обнаруживаетъ двигательную реакцію съ очевидностью, говорящею за переживаніе имъ эмоціи страха. Степень эмоциональнаго переживанія у разныхъ видовъ пауковъ и въ разныхъ случаяхъ неодинаковая. Иной испуганный паукъ дышитъ несомнѣнно болѣе ускоренно, чѣмъ въ обычное время, иногда дрожитъ какъ въ лихорадкѣ и едва можетъ двинуть конечностями. У быстроногихъ испугъ влечетъ за собою стремленіе убѣжать, у медлительныхъ часто даетъ предварительно реакцію мнимой смерти. Надо сказать, что самая подвижность пауковъ крайне разнообразна, и если одни животныя уже отъ природы вялы, апатичны, какъ *Phalangium*, *Tetragnatha*, *Thomisus*, *Xysticus*, за то другія

отличаются напротивъ бойкостью, ловкостью въ движеніяхъ, быстротой ногъ, какъ напр. *Lycosa*, *Attus*, *Salticus*, *Drassus* и т. п. Нѣкоторые мелкіе виды настоящихъ пауковъ, бѣгая по ровному мѣсту извилистой линіей, кружатся такъ быстро, особенно въ минуту опасности, что едва услѣдишь за ними глазами. Стоить также напомнить, какъ напр. быстро бѣгаетъ, несмотря на свое крохотное тѣлце, книжный скорпионъ (*Chelifer cancrivorus*). Понятно, что эмоція страха легче бросается въ глаза у паукообразныхъ быстро бѣгающихъ и нерѣдко мало замѣтна и кажется слабо выраженной у медлительныхъ. *Lycosa*, *Attus* или *Drassus* смѣлы въ однихъ случаяхъ и трусливы въ другихъ; впрочемъ, это относится до большинства высшихъ формъ пауковъ. *Attus*, расположившись во множествѣ на сѣрыхъ скалахъ, въ испугѣ бросаются съ нихъ въ разныя стороны словно сверчки. Поймать *Lycosa* не очень-то просто: животныя, чую опасность, умѣютъ съ поразительной быстротой и ловкостью шмыгнуть и спрятаться въ ближайшую земляную нору, подъ опавшіе листья, камни и т. п. мѣста въ самый критическій для нихъ моментъ, при чемъ иногда предварительно выпускаютъ содержимое клоаки. Скорпионовъ малѣйшій шумъ пугаетъ такъ, что они въ первый моментъ теряютъ даже способность бѣжать, падаютъ напр. съ потолка на полъ и уже здѣсь въ безпокойствѣ бросаются изъ стороны въ сторону, не зная дороги. У высшихъ паукообразныхъ, чѣмъ больше опасность, тѣмъ вообще энергичнѣе и разнообразнѣе ухищренія, неожиданныя дѣйствія, направленныя къ тому, чтобы избѣгнуть ея. Лишь только обнаружится благопріятный моментъ къ бѣгству, напр. пустякъ животное на столъ, оно пользуется случаемъ и бѣжитъ прочь. Даже вялый *Ereisa*, почуя свободу, оживаетъ, при чемъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ замѣчаетъ приготовленія къ тому, чтобы задержать или схватить его; онъ перелѣзаетъ черезъ невысокіе барьеры, выставляемые ему поперекъ дороги, иногда узнаетъ уже разъ встрѣченные, но миновать которые раньше не удалось. Впрочемъ чаще, не взирая ни на что, паукъ бѣжитъ черезъ все, что подвернется, при этомъ лишь ускоряетъ шаги при опасныхъ для него манипуляціяхъ противника или быстро сворачиваетъ въ сторону. *Ereisa* стремится съ такой силой вырваться на свободу, что оставляетъ часто въ рукахъ одну за другой всѣ свои ноги. Ужасъ беретъ у него верхъ надъ высшими психическими проявленіями, и чувство боли пода-

вляется потребностью спастись. *Er. pagtogeia*, которому я пытался закрасить глаза, сопротивлялся всѣми силами, падалъ на спину, толкалъ ногами, а освободившись, выпустилъ содержимое клоаки. Паукъ, захваченный пинцетомъ за ногу, иногда старался окутать концы его паутиной пеленою, что при данныхъ условіяхъ является актомъ нецѣлесообразнымъ и безсмысленнымъ, но объяснимымъ; испуганное и растерянное животное прибѣгаетъ къ послѣднему доступному ему средству борьбы.

Пауки, посаженные на палочку среди воды, обыкновенно сперва спокойно изслѣдуютъ окружающую ихъ обстановку, затѣмъ все сильнѣе обнаруживаютъ свое волненіе и, какъ бы понявъ беспомощность и опасность своего положенія, бросаются изъ стороны въ сторону, наконецъ дѣлаютъ попытку спастись бѣгствомъ по поверхности воды, что однимъ (*Lycosa*, *Drassus*) удается довольно легко, другіе (*Phalangium*, *Ereira*) быстро погружаются въ воду и тонуть. (Лишь нѣкоторые *Dolomedes* свободно бѣгаютъ по водѣ). Если подъ спускающихся на паутинкѣ *Linurphia* или *Ereira* подставить банку съ такими же животными, то опасность замѣчается своевременно и избѣгается. Впрочемъ, когда пауки спасаются, ихъ дѣйствія часто свидѣтельствуютъ о недомыслии; такъ *Linurphia*, убѣгая въ щель, нерѣдко прячетъ въ ней только голову, а брюшко остается въ большей или меньшей степени видимымъ снаружи; это было бы для убѣжавшаго *Linurphia* роковымъ, еслибы онъ не имѣлъ обыкновенія держать одной лапкой позади себя паутинку, идущую отъ ловушки и дающую своимъ сотрясеніемъ животному знать, когда надо уходить глубже. *Lycosa* или *Steniza* слѣдятъ изъ своихъ норъ съ помощью зрѣнія за степенью опасности, бихорхи и скорпионы прислушиваются подъ камнями и прячутся дальше, когда опасность усиливается. Напротивъ, *Phalangium opilio* какъ будто не способно переживать страхъ и сознавать опасность, по крайней мѣрѣ легко даетъ себя въ руки и лишь послѣ этого начинаетъ оказывать слабыя бесполезныя сопротивленія.

Какъ-то посадилъ я двухъ крестовиковъ (*Er. diadema*) въ одну коробку. Меньшій дотронулся лапкой до большаго: тотъ, поджавъ ноги, сразу упалъ на спину и замеръ въ неподвижности. Такъ лежалъ онъ минуты 2—3, потомъ вдругъ засѣменилъ всѣми своими конечностями, перевернулся и побѣжалъ по стѣнкѣ коробки; тутъ на него напалъ другой паукъ и далъ пинокъ, кото-

рый однако вызвалъ быстрое отступленіе, но не паденіе или мнимую смерть. Тарантулы, бѣгая по землѣ при нападеніи осы (*Pompilius*), отъ ужаса нерѣдко падаютъ на спину и защищаются ногами. Мертвый тарантуль, брошенный въ банку къ живому, вызвалъ тоже панической страхъ, прошедшій лишь послѣ многократнаго обслѣдованія мертваго тѣла.

Хозяинъ паутинной ловушки (*Theridium*, *Linyphia*, *Ereira*) относится къ попавшимъ въ нее насѣкомымъ различно: однихъ онъ явно боится, другихъ сразу смѣло хватаетъ. Часто можно видѣть, какъ паукъ осторожно изслѣдуетъ положеніе дѣла передними лапками и не спѣшитъ съ нападеніемъ; стоитъ запутавшейся мухѣ вздрогнуть, и паукъ тотчасъ же испуганно отскакиваетъ прочь. Немного спустя онъ опять приступаетъ къ изслѣдованію и снова отшатывается назадъ, наконецъ, набравшись храбрости, впивается челюстями въ жертву. Если небольшому пауку изъ р. *Ereira* дать крохотныхъ размѣровъ мушку, онъ сразу беретъ ее; когда предлагается муха комнатная (*Musca domestica*), онъ вступаетъ съ нею въ борьбу и повторно то отшатывается, то нападаетъ, пока не побѣдитъ; когда же подносится еще болѣе крупная муха, напр. синяя мясная (*Calliphora vomitoria* L.), сильно бьющаяся и громко жужжащая—паукъ убѣгаетъ. Стало бытъ подвергать свою жизнь риску онъ не склоненъ. Мало того, если во время борьбы положеніе его самого сдѣлалось вдругъ критическимъ, онъ предпочитаетъ выпустить поскорѣе добычу изъ лапъ и спастись бѣгствомъ. Такіе пауки, какъ *Drassus*, *Lycosa*, *Salticus*, высасывая соки изъ пойманнаго насѣкомаго, не перестаютъ держать переднюю пару ногъ приподнятой, а въ случаѣ тревоги поднимаютъ и вторую пару, хотя обыкновенно, когда одинъ ѣстъ что-нибудь, другой даже очень голодный не нападаетъ на него съ цѣлью отнять добычу.

Когда однажды въ банку съ *Er. diadema* я бросилъ муху—*Calliphora erythrocephala* Meig., паукъ, встрѣчаясь съ нею, всякій разъ угрожающе подымалъ переднія ноги, вздрагивалъ и пятился назадъ. Порою онъ дѣлалъ настойчивыя попытки уйти вверхъ по стеклу, но, скатываясь внизъ, падалъ въ изнеможеніи. Впрочемъ, паукъ былъ сытъ, при голодѣ онъ не обнаруживалъ бы такой трусости; незадолго до этого онъ высосалъ содержимое обезглавленнаго короѣда, котораго другой паукъ того же вида почему то не трогалъ. Я бросилъ въ банку двухъ мухъ—здоро-

вую и съ оторванной головой, но еще живую; оказалось, что послѣдняя его пугала сильнѣе, чѣмъ нормальная.

Пауки изъ всѣхъ насѣкомыхъ наиболѣе боятся ось. Когда въ выжженной зносемъ степи съ жужжаніемъ носятся осы, сидящіе въ норкахъ землероющіе пауки въ паническомъ ужасѣ спѣшатъ въ глубину, гдѣ въ случаѣ нападенія обороняются до послѣднихъ своихъ силъ. Степица стараются своевременно закрыть паутинную дверцу въ нору накрѣпко и не пустить вторгающагося врага, тарантулы спѣшатъ зарыться въ землю. Достаточно поднести на пинцетѣ жужжащую осу, чтобы видѣть живѣйшую реакцію страха со стороны паука. Но пауки узнаютъ ось и тогда, когда тѣ не жужжатъ, въ чемъ приходилось убѣждаться мнѣ неоднократно. Однажды, напр., на моихъ глазахъ у самого края тенеты *Er. diadema* сѣла оса небольшая по величинѣ, все же видимо не отвѣчающая силамъ паука. Тотъ сейчасъ же убѣжалъ съ центральной площадки въ сторону, остановился и, собравшись съ духомъ, сталъ сильно трясти свою ловушку съ явной цѣлью согнать насѣкомое, но безрезультатно. Тогда онъ принялся поспѣшно рвать паутинныя нити, находящіяся на пути отъ осы къ тенетѣ, что по цѣлесообразности и разумности—явленіе поразительное и трудно объяснимое безъ допущенія у паука наличности сознанія.

Высшія паукообразныя не только разныхъ видовъ, но и одного и того же вида, пущенныя въ числѣ нѣсколькихъ особей въ одно общее тѣсное помѣщеніе, приходятъ въ сильное волненіе, отъ котораго долго не могутъ оправиться. Въ отношеніи другъ къ другу въ этихъ необычайныхъ для нихъ условіяхъ они крайне осторожны и тщательно избѣгаютъ встрѣчъ и столкновений. Скорпионъ и тарантулъ, каракуртъ и бихорха, крестовикъ и сѣнокосецъ, разъ столкнувшись, отходятъ на противоположныя стороны, при чемъ болѣе слабое животное первое спѣшитъ уйти отъ опаснаго сосѣдства. Въ концѣ-концовъ, враги вступаютъ въ борьбу и дерутся яростно, пока драка не закончится гибелью побѣжденнаго. Однако, иногда пауки, особенно принадлежащіе къ одному виду, недѣлями живутъ вмѣстѣ, не вступая между собой въ борьбу.

Drassus, помѣщенный отдѣльно въ банку, сдѣлалъ себѣ въ углу логовище въ видѣ нѣжнаго паутиннаго навѣса съ входомъ и выходомъ. Пока животное было одно, оно заходило туда

лишь изрѣдка; когда же я впустилъ въ ту же банку еще *Er. diadema*, то *Drassus* сталъ прятаться въ свое паутинное убѣжище при малѣйшей опасности, при чемъ, убѣгая, скрывался въ немъ ловко и быстро. Съ другой стороны, съ появленіемъ *Er. diadema* у *Drassus* обнаружилось съ особой силой стремленіе уйти поскорѣе вонъ какимъ бы то ни было способомъ. *Drassus*, подобно другимъ паукамъ, получалъ представленіе объ опасности своего положенія тогда, когда касался противника передней ногой. Собственно говоря, пауку уже одного такого прикосновенія казалось было достаточно для умозаключенія и въ повторныхъ изслѣдованіяхъ особенной надобности не имѣлось. Въ концѣ-концовъ ему удалось-таки уйти черезъ случайно оставленную открытой щель.

На лонѣ природы между тарантулами и бихорхами идетъ постоянная борьба, въ которой побѣда всегда остается за послѣдними, какъ болѣе сильными. При нападеніи на кого-либо бихорха принимаетъ угрожающій видъ, подымая высоко голову и переднюю часть тѣла, какъ это дѣлаетъ прямокрылое насѣкомое—богомоль (*Mantis religiosa*), потомъ внезапно набрасывается на жертву, иногда съ шипѣніемъ¹⁾. Скорпионы при случаѣ дерутся съ бихорхами и тарантулами. *Agelena* уходитъ подальше отъ мѣста, гдѣ поселился *Drassus*; *Linyphia* избѣгаетъ близкаго сосѣдства *Theridium*. Однако, на заборѣ на площади въ одну квадратную сажень подчасъ можетъ быть собрана разнообразная жатва. Очевидно, въ естественныхъ условіяхъ жизни многіе пауки, соблюдая территориальныя права, уживаются зачастую очень близко другъ отъ друга. Говоря вообще, паукообразныя, исключая низшихъ—слитнотѣлыхъ (*Asarina*), стремятся все же къ одиночеству и съ гнѣвомъ набрасываются даже на своихъ родственниковъ, разѣ тѣ вторгаются въ чужія владѣнія.

Какъ-то схватилъ я взрослую самку *Er. diadema* пинцетомъ за ногу. Животное пришло въ такую ярость и такъ злобно цѣплялось челюстями за металлъ, что ясно слышался шумъ царапанья ими, и нога быстро отломалась. Всѣ другія ноги отпадали такимъ же образомъ и попытка забрать паука пинцетомъ рѣшительно не удалась.

Однажды случилось услышать шумъ въ коробкѣ съ двумя

1) *Er. diadema* въ рѣдкихъ случаяхъ тоже издаетъ шипѣніе точно змѣя.

самками *Er. diadema*: оказалось, что большой крестовикъ удѣлся за меньшаго по размѣрамъ, и оба съ грохотомъ упали на дно. Тутъ между ними началась ожесточеннѣйшая борьба: болѣе крупный паукъ крѣпко держалъ челюстями меньшаго за основаніе среднихъ ногъ лѣвой стороны и всѣми своими конечностями упорно цѣплялся за его тѣло. Драка продолжалась минутъ 10 и была, какъ говорится, не на жизнь, а на смерть. Нѣсколько разъ казалось, что меньшій паукъ освободится и спасется, но нѣтъ — у него быстрѣе падали силы и не хватало ихъ, чтобы вырваться изъ объятій разгнѣваннаго врага. Этотъ послѣдній старался своими длинными ногами и ловкими движеніями извлечь у него изъ паутинныхъ железъ паутинное вещество и окутать имъ слабѣющую жертву. Сдѣлать это однако не удавалось: отдѣльныя нити связывали ноги недостаточно крѣпко и все снова рвались. Сопротивлявшійся изо всѣхъ силъ меньшій паукъ въ стремленіи сохранить себѣ въ воздухѣ равновѣсіе повторно припечатывалъ себя сзади къ стѣнкѣ коробки крѣпкой паутинной нитью, но ожесточенный противникъ намѣренно сейчасъ же рвалъ созданную было связь и опору. Но вотъ наконецъ разъяренному пауку удалось перекусить головогрудь ослабѣвшему противнику, что сразу вызвало полное лишеніе послѣдняго произвольныхъ движеній, а обнаружившееся одновременно недержаніе паутиннаго вещества дало побѣдителю возможность окутать имъ вмѣстѣ съ собственными запасами свою жертву почти моментально, перевернувъ ее нѣсколько разъ. Добычу свою, тѣсно завернутую такимъ образомъ въ липкую паутинную пелену, животное могло сосать уже спокойно, и оно приступило было къ этому, но сейчасъ же оставило и пошло отдохнуть. Эмоція гнѣва и напряженіе силъ истожили его. Какъ разъ въ это время зашевелился и заскребѣ жукъ въ той же коробкѣ, но за картонной перегородкой. Паукъ сейчасъ же гнѣвно бросился къ своей мертвой жертвѣ, видимо усомнившись въ ея смерти, окуталъ ее вторично паутиной и прикрѣпилъ получше. Было очевидно, что онъ сдѣлалъ невѣрное умозаключеніе и совершенно напрасно разгнѣвался. Впившись челюстями въ свою добычу, онъ замеръ на мѣстѣ и оставался съ этого момента неподвижнымъ многіе часы.

Tetragnatha extensa L. долго пытался схватить однимъ прыжкомъ летавшую около него муху, при чемъ, расхаживая по вѣткѣ

чертополоха, повторно занималъ такія позиціи, съ которыхъ сдѣлать это представлялось ему легко и удобно. Съ вытянутыми впередъ ногами онъ прижимался къ стеблю растенія такъ плотно, что дѣлался дѣйствительно едва замѣтнымъ, и притаившись— караулилъ. Когда муха приближалась, онъ вдругъ бросался на нее изъ засады. Однако такія нападенія въ данномъ случаѣ постоянно оказывались неудачными. Это обстоятельство раздражало паука очень мало, и онъ терпѣливо ждалъ и повторялъ свою попытку.

Къ довольно большому *Er. diadema* я бросилъ въ банку того же по величинѣ *Er. marmorea*. Первый, обнаруживавшій до этого поразительную вялость движеній и смиренно сидѣвшій въ углу, вдругъ засуетился и забѣгалъ. *Er. marmorea* напалъ было на него, но, видимо струсивъ, сейчасъ же отступилъ и затѣмъ ограничивался уже только тѣмъ, что подымалъ угрожающе свои переднія ноги. Такъ прошло нѣкоторое время. Когда же крестовикъ нечаянно задѣлъ *Er. marmorea*, послѣдній вновь ринулся на него и между ними началась яростная схватка, такъ что пауки представляли какой-то безформенный клубокъ, катавшійся по дну банки. Наконецъ *Er. diadema* удалось вонзить крючья всѣхъ челюстей въ головугрудь крестовику. Въ этотъ самый моментъ я поднесъ очень близко къ нимъ звучащій камертонъ, но онъ, при другихъ условіяхъ сильно пугавшій пауковъ, могъ теперь разнять ихъ лишь съ трудомъ. Вырвавшись изъ объятій противника, крестовикъ бросился было бѣжать, но *Er. marmorea*, разъ помѣрившись силами, уже не имѣлъ ни малѣйшаго желанія оставлять своего врага въ покоѣ: онъ пустился въ догонку, скоро и безъ труда впился челюстями въ его грудь. Какъ я ни трясъ банку—онъ уже не выпускалъ своей жертвы. Смазавъ концы своихъ ногъ и щупальцевъ слюною, мраморный паукъ началъ завертывать добычу въ паутину и, когда она не могла больше двигаться, приступилъ къ сосанію съ свойственной ему въ этотъ моментъ кровожадностью. Надо сказать, что *Er. diadema* былъ утомленъ двухдневнымъ голодомъ и тѣмъ, что за нѣсколько часовъ до этого я порядочно извелъ его, наводя на него фокусъ преломленныхъ луною солнечныхъ лучей.

Если такія душевныя движенія какъ страхъ и гнѣвъ могутъ быть признаны существующими у высшихъ паукообразныхъ внѣ всякаго сомнѣнія, то нельзя того же сказать относительно эмоцій

радости и печали. Съ одной стороны ускоренную подвижность животнаго легко ошибочно признать за выраженіе радости, съ другой—въ замедленной видѣть доказательство печали. Можно только подозрѣвать, что высшими представителями пауковъ всегда переживается при однихъ внѣшнихъ поводахъ простѣйшая форма эмоціи радости въ видѣ чувствованія удовольствія, при другихъ—неудовольствія или эмоціи тоски. Впрочемъ, иногда трудно бываетъ сказать—дерутся пауки или играютъ, напр. когда встрѣчаешь на дорогѣ двухъ *Phalangium orilio*, силащихся обхватить другъ друга своими длинными тонкими ногами съ паденіемъ на-бокъ.

Пауки обнаруживаютъ замѣчательную привязанность къ своему кокону съ яйцами. Одни сидятъ около него (*Linyphia*), другіе на немъ (*Xysticus*), третьи носятъ его повсюду съ собой (*Lycosa*). Самка *Linyphia*, имѣя рядомъ съ логовищемъ коконъ съ яйцами, неохотно оставляетъ гнѣздо и въ это время менѣе легко даетъ себя согнать, чѣмъ во всякое другое, а въ нападеніяхъ на насѣкомыхъ не отличается смѣлостью. Самка *Xysticus*, держа въ объятіяхъ коконъ, свободно позволяетъ взять себя, но его не выпускаетъ изъ лапъ, потерявъ—ищетъ, не рискуетъ далеко отъ него уходить и т. д. *Lycosa*, обронивъ въ поспѣшномъ бѣгствѣ коконъ, останавливается, забираетъ его челюстями и несетъ дальше уже такимъ образомъ, чтобы потомъ при минованіи опасности прикрѣпить его къ паутиннымъ бородавкамъ; при нападеніи на коконъ паукъ оказываетъ яростное сопротивленіе и не даетъ его отнять, потерявъ, въ поискахъ роетъ землю и т. д. *Latrodectus*, подвѣсивъ свои коконы, часто возвращаются къ нимъ и осматриваютъ, все ли въ ихъ жилищѣ въ порядкѣ. Большинство пауковъ относится къ дотрогиванію человѣкомъ до коконовъ совершенно равнодушно, за то коконъ, разорванный или кѣмъ либо нарушенный вообще въ своей цѣлости, большею частью бросается. Разсыпавшіяся яйца они не собираютъ, въ противоположность напр. уховерткамъ. Крайне рѣдко производится ими починка коконовъ, но повторное подвѣшивание сброшенныхъ кѣмъ либо на землю, или прикрѣпленіе къ стѣнѣ отъ нея оторванныхъ, даже перенесеніе на другое болѣе безопасное мѣсто—дѣло довольно обычное. Многіе пауки ко времени вылупленія дѣтвора продѣлываютъ въ коконѣ, не всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, отверстіе для ея выходения и доступа воздуха. Отношеніе самки

къ кокону находить себѣ конечно объясненіе въ унаслѣдованномъ инстинктѣ, но иногда возникаетъ не безъ основанія подозрѣніе въ возможности вмѣшательства здѣсь и проблесковъ сознанія. По крайней мѣрѣ пауку можно ставить экспериментально задачи, и онъ выполняетъ ихъ.

Новорожденные *Linurphia*, *Ereira*, *Agelena*, *Thomisus* и др., посаженные въ коробку, имѣютъ стремленіе собираться въ кучки по угламъ, при чемъ въ такомъ тѣсномъ между собою соприкосновеніи сидятъ совершенно смирно. Уже на другой или третій день эти кучки становятся меньше, а съ теченіемъ времени окончательно распадаются. Нерѣдко паучки долго пользуются кокономъ, откуда вышли, какъ мѣстомъ временнаго убѣжища въ непогоду и отъ грозящей опасности. Въ естественныхъ условіяхъ послѣ окончательнаго исчезновенія молодыхъ паучковъ изъ гнѣзда самка иной разъ переселяется въ помѣщеніе, гдѣ раньше находился коконъ (при двукамерности постройки). У тарантуловъ и скорпионовъ дѣтвора собирается у матери на спинѣ и всюду странствуетъ съ нею. Молодые паучки *Ereira*, *Linurphia*, *Hysticus* одного вида и выводка, хотя и живутъ вмѣстѣ, но относятся другъ къ другу съ полнымъ равнодушіемъ, во взаимное общеніе, подобно наблюдаемому у муравьевъ или вертячекъ (*Gyrinus*), не входятъ, а напротивъ съ теченіемъ времени отходятъ все на большее разстояніе другъ отъ другъ. Они даже не узнаютъ пущенныхъ къ нимъ паучковъ того же или другого гнѣзда одного или разныхъ видовъ. Чтобы пауки обратили наконецъ на пришельцевъ изъ чужого гнѣзда вниманіе и выразили дружественное или враждебное къ нимъ отношеніе я продержалъ 10 *Linurphia* нѣсколько часовъ въ воздухѣ, насыщенномъ гвоздичнымъ масломъ, и пустилъ ихъ къ 20 чужого выводка того же возраста. Ожидаемаго мною эффекта не получилось: пауки не только не передрались, но и не знакомились между собой прикосновеніями, а вели себя какъ будто всѣ они родились въ одномъ гнѣздѣ. Къ своимъ мертвымъ эти и другіе паучки относились съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, даже не обращали на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Маленькіе *Linurphia resurpina* Wider въ плѣну другъ за другомъ не бѣгали, не дрались, но иногда случайно столкнувшись, давали одинъ другому пинокъ. Паучки этого вида, если ихъ держали нѣкоторое время отдѣльно, а потомъ выпускали къ другимъ, своимъ оживленіемъ въ первый

моментъ какъ бы свидѣтельствовали переживаемое ими удовольствіе. При коллективномъ плетеніи сѣти они порывистыми движеніями тоже обнаруживали нѣчто подобное чувству удовольствія. Къ комнатной мухѣ, летавшей съ жужжаніемъ въ ихъ маленькомъ помѣщеніи и портившей паутинныя нити, паучки относились совершенно индифферентно, но живая муха, которая подносилась на пинцетѣ, ихъ тоже не беспокоила.

Xysticus черезъ нѣкоторое время послѣ рожденія дѣлаются нѣсколько болѣе подвижными и кажутся болѣе смѣтливыми чѣмъ раньше; напр., если пытаться взять паучка на бумажку, то онъ не дается, подымаетъ переднія лапки, сворачиваетъ въ сторону и вообще старается уйти поскорѣе прочь отъ опасности. Хотя паучки этого рода, какъ и *Thomisus*, съ самаго начала владѣютъ всѣми своими органами чувствъ, все же они остаются сравнительно, напр., съ новорожденными *Linurphia* и тѣмъ болѣе другими быстроногими пауками, медлительными въ своихъ движеніяхъ.

Взрослые пауки относятся къ своимъ малышамъ съ нѣкоторой осторожностью, опасаются, напр., раздавить ихъ своими ногами, а дѣтвора, въ свою очередь, избѣгаетъ возможности попасть подъ лапы матери, сворачивая въ сторону (*Xysticus* и мн. др.), или влѣзая на ея спину (*Lycosa*, *Androctonus*). Заступничество многихъ пауковъ за малышей, собственно говоря, лишь пассивное. Чувство жалости и состраданія даже самымъ высшимъ представителямъ паукообразныхъ недоступно. Самка никогда не бросается на врага съ сознательной цѣлью охраны потомства, вопреки тому, что наблюдается у многихъ млекопитающихъ и отчасти у птицъ. Она сидитъ рядомъ на свободѣ или въ самомъ гнѣздѣ за перегородкой и уже это одно пугаетъ приближающихся насѣкомыхъ. Обиліе разныхъ осъ, особенно мелкихъ, развивающихся въ личиночной стадіи въ коконахъ пауковъ на счетъ пауковыхъ яицъ, какъ готоваго питательнаго матеріала, говорить за плохую охрану гнѣздъ. И на самомъ дѣлѣ, у самки на глазахъ можетъ происходить сцена поѣданія какимъ-нибудь хищникомъ ея дѣтвора или внесеніе насѣкомымъ яйца въ коконъ, но она не обращаетъ на это никакого вниманія. При голодѣ подчасъ сама мать не прочь покормиться яйцами своей же кладки и даже своимъ живымъ потомствомъ, хотя правда, какъ правило, она къ такой пищѣ имѣетъ врожденное отвращеніе.

Скорпионы и тарантулы, убѣгая отъ опасности съ дѣтворю на спинѣ, инстинктивно спасаютъ самихъ себя, а вмѣстѣ проявляютъ и кажущуюся сознательной заботу о потомствѣ.

На вертикальную палочку изолятора я посадилъ сперва одну самку *Er. diadema*, а черезъ часъ другую. Первому пауку это очень не понравилось, и онъ сталъ вести себя съ этого момента крайне враждебно къ пришельцу, мстить ему, гдѣ и чѣмъ только было можно. Каждый стремился занять вершину палочки, но при данной обстановкѣ не представлялось возможнымъ пройти мимо, чтобы не задѣть другъ друга, а это являлось достаточнымъ поводомъ къ возникновенію сейчасъ же драки. При столкновеніи одинъ изъ пауковъ обыкновенно падалъ на паутинкѣ прямо внизъ, потомъ взбѣгалъ по ней обратно, но подняться до вершины палочки боялся. Рѣже пауки замѣчали близость противника уже на разстояніи однимъ зрѣніемъ и тогда избѣгали встрѣчи или готовились къ схваткѣ и вступали въ нее. Мѣстомъ драки являлась главнымъ образомъ вершина палочки. Въ теченіе двухъ часовъ дракъ возникало до двухъ десятковъ, при чемъ каждый стремился стать единственнымъ хозяиномъ мѣста. Примѣнявшіеся пауками приемы изгнанія противника и самоспасенія были въ общемъ однообразны и сводились къ слѣдующему: нападавшій старался укусить своего врага и съ силою сбросить его или потопить открываніемъ или вытягиваніемъ нити, на которой тотъ, спасаясь, опускался и безъ которой онъ никуда не уходилъ. Отступавшій, какъ бы сознавая невозможность справиться, пытался бѣжать по водѣ или перебросить себя, раскачиваясь на паутинкѣ, на новое мѣсто. Нащупываніе воды лапами всякій разъ пугало животное; попытка бѣжать черезъ нее была съ самаго начала неувѣренная и напрасная. Утомившись взаимнымъ преслѣдованіемъ, борьбой и бесплодными поисками спасенія, пауки расположились въ концѣ-концовъ одинъ на вершинѣ палочки, другой на ея серединѣ.

Я вколотъ перпендикулярно къ палочкѣ булавку, нѣсколько отступя отъ вершины, и затѣмъ вспугнулъ пауковъ. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ новую дорогу, побѣжалъ по ней и съ головки булавки спустился на паутинкѣ, но напрасно; кругомъ была вода и пришлось быстро вскарабкаться назадъ. Онъ спустился вторично и чуть было не погибъ, такъ какъ другой паукъ въ этотъ самый моментъ бросился къ булавочной головкѣ и, схва-

тивъ идущую отъ нея внизъ паутинку, порвалъ ее, такъ что висѣвшее на ней животное упало и забарахталось въ водѣ. Я посадилъ его снова на палочку. Встряхнувшись и обчистившись отъ воды, паукъ побѣждалъ къ своему противнику и яростно схватился съ нимъ и на этотъ разъ вышелъ побѣдителемъ: непріятель бѣжалъ. Еще не обсохши, какъ слѣдуетъ, благополучно спасенный паукъ сталъ спускаться на прежнемъ мѣстѣ снова, но осторожнѣе: такъ, онъ опустится сант. на 2—3 и сейчасъ же спѣшитъ назадъ, какъ бы въ опасеніи, не крадется ли врагъ, не схватилъ бы онъ поддерживающей нити. Съ каждымъ разомъ онъ спускался чуть-чуть ниже. Но опасный врагъ сидѣлъ на вершинѣ палочки, не подавая признаковъ жизни... Опускавшійся паукъ рѣшилъ наконецъ коснуться самой воды. Увы... притаившійся хищникъ въ самый опасный для висѣвшаго крестовика моментъ вдругъ кинулся къ мѣсту прикрѣпленія нити и сильно дернулъ за нее, въ результатъ чего паукъ погрузился въ воду. Снова пришлось спасать утопавшаго. Всѣ дальнѣйшія попытки паука спуститься къ водѣ угрожали ему тѣмъ же и онъ хотя, повидимому, сознавалъ опасность такого дѣйствія, все же еще неоднократно повторялъ свою попытку. Случалось, что противникъ его не сбрасывалъ и не топилъ, просто прогонялъ и спускался самъ, но тогда прогнанный въ свою очередь принималъ мѣры, чтобы воспрепятствовать своему врагу возвратиться. Оба крестовика вредили другъ другу также тѣмъ, что одинъ разрушалъ то, что создавалъ другой: стоило, напр., одному пауку провести нить отъ булавки къ вершинѣ палочки, какъ другой сейчасъ же подбѣгалъ и перекусывалъ или отрывалъ ее челюстными крючьями, или рвалъ лапками. Схватка между пауками въ заключеніе сдѣлалась въ такой степени ожесточенной, что одинъ нѣсколько разъ подрядъ былъ сбрасываемъ другимъ въ воду, гдѣ въ концѣ-концовъ и погибъ.

Другой разъ я посадилъ на изоляторъ опять двухъ самокъ *Er. diadema*. Когда меньшій паукъ спустился съ булавки къ водѣ, другой побѣждалъ и усѣлся на мѣстѣ прикрѣпленія нити и тѣмъ отрѣзалъ своему противнику обратный путь. Спустившійся паукъ замѣтилъ это сразу и остановился невдалекѣ, видимо боясь взбираться выше, такъ какъ засѣвшій на дорогѣ большой крестовикъ всякій разъ при приближеніи къ булавкѣ меньшаго принималъ угрожающую позу. Такъ прошло довольно

много времени, и маленькій паукъ, находясь въ такомъ безпомощномъ положеніи, только и могъ дѣлать, что повторно спускаться внизъ почти до воды. Наконецъ, онъ рискнулъ подняться вверхъ къ самой булавокѣ; въ этотъ моментъ сторожившій его врагъ вдругъ сильно дернулъ за нить, и висѣвшее на ней животное оказалось въ водѣ. Нетрудно было убѣдиться, что опускавшійся на паутинѣ маленькій паукъ сознавалъ опасность своего положенія, могъ по произволу останавливаться на любой высотѣ, но былъ вынужденъ подняться на булавку, такъ какъ не висѣтъ же ему было безъ конца въ воздухѣ. На утро я нашелъ маленькаго паучка, котораго наканунѣ посадилъ вновь на изоляторъ, утонувшимъ какъ разъ подъ головкой булавки, съ которой онъ очевидно опять спускался, пока не сдѣлался жертвой насилія. Изъ другого опыта можно было убѣдиться, что утрата щупальцевъ и одной передней ноги не лишаетъ паука способности топить врага. Какъ бы ни расширять понятіе объ автоматизмъ и бессознательныхъ наслѣдуемыхъ привычкахъ, приходится считаться и съ дѣйствіями, подобными только что приведеннымъ, не объяснимыми иначе какъ допустивъ наличность при нихъ нѣкоторой степени сознанія.

Для провѣрки наблюденія я посадилъ на изоляторъ только что пойманныхъ самокъ того же вида *Ereiga*: одна была большая, другая въ 3 раза меньше. Оба животныхъ и въ этомъ случаѣ, какъ водится, стремились уйти изъ неудобной обстановки: они спускались на паутинкахъ въ разныхъ мѣстахъ изолятора съ булавки до воды, а коснувшись ея щупальцами и кончиками переднихъ конечностей, спѣшили назадъ. Между пауками очень скоро возникла драка, которая потомъ всякій разъ повторялась при встрѣчахъ. Въ дракѣ каждый старался повалить противника на спину и столкнуть его внизъ. Въ теченіе полчаса большой паукъ сбросилъ такимъ образомъ маленькаго въ воду три раза, а маленькій большого только одинъ разъ. Я спасалъ всякій разъ утопавшаго и сажалъ его на прежнее мѣсто. Надо сказать, что эти пауки другъ за другомъ не гонялись, а вступали въ борьбу только тогда, когда, лазя по изолятору, невольно задѣвали другъ друга ногами. Въ то время какъ нападающій паукъ старался схватить противника челюстями и перепутать его паутинными нитями, тотъ ловко работалъ всѣми своими ногами, чтобы не даваться. Преслѣдуемаго спасали обычно

венно отъ покусыванія его длинныя ноги. Послѣ непродолжительной драки пауки расходились, а затѣмъ скоро схватывались опять и такъ многократно. Маленькій паукъ былъ смѣлъ, ловокъ и менѣе гнѣвливъ, часто самъ задиралъ своего врага, но утомлялся скорѣе. Въ данномъ случаѣ ни одинъ изъ пауковъ не догадывался порвать нити, что было сдѣлать и проще, и легче. Очевидно, потопленіе актъ волевой и сознательный.

Новорожденные и очень молодые *Ereiga* и *Linurphia* не умѣютъ еще отбрасывать или отдергивать нить висящаго въ воздухѣ маленькаго противника съ цѣлью потопленія его. Если два паучка спускаются рядомъ, то при невольныхъ столкновеніяхъ одинъ сейчасъ же падаетъ нѣсколько ниже, но никогда одинъ не хватается за нить другого.

Пауки могутъ выпускать изъ всѣхъ или части паутинныхъ железъ болѣе или менѣе толстыя и длинныя паутинки. Нити, предназначенныя для перелета молодыхъ пауковъ многихъ семействъ высшихъ паукообразныхъ, очень тонки, почему легко подхватываются и уносятся движеніемъ воздуха. Спускаясь на паутинкѣ, паукъ выпускаетъ нить такой толщины, что она не рвется подъ тяжестью его тѣла, и животное можетъ во всякій моментъ возвратиться по ней обратно. Если устраивается сѣтъ для ловли насекомыхъ, то она по прочности оправдываетъ свое назначеніе. Нити, поддерживающія на вѣсу сравнительно тяжелыя коконы, имѣютъ, въ свою очередь, соответствующую толщину и необходимую крѣпость. При плетеніи кокона нити выпускаются серебристыя или желтаго цвѣта того или иного оттѣнка, коричневыя, голубовато-зеленыя, сѣрыя, словомъ, смотря по виду животнаго, изъ особыхъ къ тому предназначенныхъ железокъ. Очевидно, къ паутиннымъ железамъ изъ центральной нервной системы непосредственно изъ волевой сферы могутъ посылаться импульсы разнаго рода. Иннервація паутинныхъ железъ происходитъ, повидимому, по типу таковой при мочеиспусканіи высшихъ млекопитающихъ. Въ сущности разница главнымъ образомъ въ удаляемой жидкости, которая при иномъ чѣмъ моча происхожденіи и составѣ отъ соприкосновенія съ воздухомъ сейчасъ же подсыхаетъ и превращается въ болѣе или менѣе крѣпкую и растяжимую нить.

Однажды я спустилъ на *Er. diadema* на столѣ каплю нашатыря. Лишь только капля упала на спину животнаго, оно вдругъ

неестественно закружилось, какъ то странно побѣжало и сейчас же остановилось. Немного спустя я замѣтилъ, что отъ паука идетъ паутинная нить черезъ всю комнату прямо въ открытое окно, куда вслѣдствіе сквозняка имѣлась тяга вѣтра. Былъ солнечный день и паутинную нить удавалось видѣть на разстояніи 3—4 метровъ. Паукъ несомнѣнно выпустилъ эту нить изъ паутинныхъ железъ сейчас же вслѣдъ за полученнымъ раздраженіемъ поверхности своего тѣла, но активно или пассивно—вотъ вопросъ. По всему видимому паутинное вещество отдѣлилось въ данномъ случаѣ рафлекторно и растянулось въ длинную нить тягой сквозного вѣтра. За это говорить то обстоятельство, что механическимъ раздраженіемъ поверхности тѣла, именно осторожнымъ обдуваніемъ 2—3-хъ-дневнаго паучка *Linurphia* мнѣ удавалось вызвать то же самое. Если сразу сильно дунуть на цѣлый выводокъ паучковъ, то часть ихъ моментально падаетъ на паутинкахъ разной длины, другая тотчасъ же обнаруживаетъ картину мнимой смерти. Уже изъ быстроты реакціи вытекаетъ, что и то, и другое—явленія автоматическія.

Часто взрослого паука, живущаго на паутинной постройкѣ, достаточно тронуть или обезпокоить черезъ сотрясеніе ловушки, чтобы онъ сразу упалъ съ нея, какъ мертвый, но эта реакція появляется не всегда и не у всѣхъ съ равной легкостью: одни пауки очень склонны къ такой мнимой смерти, другіе мало. Къ первой категоріи принадлежатъ большею частью пауки медлительные, ко второй—быстро бѣгающіе. Изъ послѣднихъ многіе лишь слегка цѣпенѣютъ, или у нихъ не наблюдается даже и этого. Что касается паденія на нити, то оно можетъ повториться у одного и того же паука нѣсколько разъ подрядъ, но затѣмъ животное уже не обнаруживаетъ этой реакціи, а цѣпенѣетъ на мѣстѣ или, подымаясь на заднія ноги, оказываетъ сопротивленіе, или, наконецъ, убѣгаетъ куда-нибудь въ сторону по одной изъ главныхъ нитей своей паутинной постройки. Словомъ, тутъ происходитъ то же, что при опытахъ съ камертономъ.

Если у *Er. diadema* наиболѣе часто наблюдается паденіе, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ все же обнаруживается реакція совершенно иного рода, именно необычайно быстрое самовращеніе паука на одномъ мѣстѣ съ сильнымъ трясеніемъ вслѣдствіе этого всей тенеты. Реакція появляется такъ быстро вслѣдъ за пово-

домъ къ ней, что объ активномъ вмѣшателствѣ тутъ воли и сознанія говорить врядъ ли приходится. Но автоматическое начало дѣйствія нѣсколько не исключаетъ появленія хотя бы проблесковъ сознанія нѣсколько позже. Такъ, легкій толчокъ оконной рамы, на которой находилась растянутой большая тенета, вызвалъ со стороны паука чисто автоматическое трясеніе, которое остановилось на короткое время, затѣмъ началось снова, но уже въ болѣе легкой степени съ отгѣнкомъ активнаго вмѣшательства психики. Когда паукъ успокоился, я шелкнулъ со всей силой пальцемъ по стеклу, за которымъ сидѣлъ на тенетѣ паукъ. Животное встрепенулось, повернулось въ ту сторону, гдѣ раздался стукъ, встряхнуло всю ловушку, потомъ перепробовало лапками одну за другой лучевыя нити, шедшія отъ центра тенеты въ сторону шума, и, видимо убѣдившись въ ихъ прочности, отошло на свое прежнее мѣсто. Расположившись какъ должно, головою внизъ и припечатавъ себя сзади паутиной, паукъ впалъ въ свое обычное сонное состояніе. Теперь можно было стучать уже сколько угодно, онъ не обращалъ на стукъ ни малѣйшаго вниманія. Казалось лучше подождать и дать животному забыть причиненное ему безпокойство, чтобы потомъ внезапнымъ ударомъ легче было вызвать эффектъ. Такъ я и сдѣлалъ. Однократный сильный ударъ по стеклу полчаса спустя вызвалъ тотчасъ же паденіе паука. Немного спустя отъ сильнѣйшаго толчка по стеклу этого уже не случилось: паукъ зашевелился, повернулся въ другую сторону, откуда донеслось до него шумное дрожаніе, пощупалъ идущія отъ центра въ этомъ направленіи нити одну за другой, встряхнулъ нѣкоторыя изъ нихъ, но все оказалось въ порядкѣ. Паукъ пошелъ на мѣсто. Но видимо усомнившись въ правильности умозаключенія, онъ черезъ 2—3 минуты снова поднялся и началъ провѣрять всѣ 24 радіальныя нити одну за другой по очереди, пока не испыталъ всѣ и только тогда возвратясь спокойно заснулъ по обыкновенію головою внизъ. Когда нѣсколько времени спустя летѣвшая мимо большая муха ударилась объ одну изъ отдаленныхъ, но идущихъ къ тенетѣ нитей, паукъ вдругъ чрезвычайно быстро закружился на мѣстѣ, куврыкаясь и сотрясая всю свою постройку. Черезъ часъ, въ то время какъ паукъ сидѣлъ по обыкновенію въ центрѣ своей тенеты, я двинулъ оконную выдвижную раму такъ, что растянутая за ней тенета сразу расслабла. Паукъ вздрогнулъ,

но не закружился и не упалъ. Послѣ этого, посидѣвъ еще нѣкоторое время спокойно, онъ, явно побуждаемый сомнѣніями, зашевелился и сталъ лапками перебирать лучевыя нити одну за другой, встряхивалъ каждую отдѣльно и, убѣдившись въ ихъ слабости, натянулъ нѣсколько новыхъ и затѣмъ вновь впалъ въ прежнее состояніе безразличія. Нѣкоторые высшія паукообразныя стало быть способны переживать тотъ психическій процессъ, который принято называть сомнѣніемъ и который съ понятіемъ объ автоматизмѣ не вяжется. Точно также крайне трудно допустить, чтобы такое дѣйствіе, какъ изслѣдованіе натяженія нитей, было безсознательно.

Однажды, желая подогрѣть воздухъ около *Er. diadema*, сидѣвшаго на тенетѣ, я поджегъ нечаянно у самаго края паутинной ловушки нѣсколько нитей. Животное моментально упало на подоконникъ, но здѣсь сейчасъ же на паука набросились случайно находившіеся какъ разъ на этомъ мѣстѣ муравьи. Крестовикъ немедля поспѣшилъ назадъ, быстро достигъ центра тенеты и, какъ ни въ чемъ не бывало, перевернулся и замеръ. Очевидно, въ моментъ удара о подоконникъ сознаніе паука не было вполне утрачено, и возникшая эмоція испуга дала новый импульсъ къ движенію. Въ другомъ случаѣ дотрогиваніе до крестовика вызвало немедленное паденіе животнаго на спину, казалось, въ явно притворной смерти, но стоило вверхъ ногами лежащаго паука нѣсколько придавить сверху, и онъ сразу пришелъ въ сильное волненіе и началъ сѣменить ногами, доказательство, что неподвижность ногъ еще не говоритъ объ исчезновеніи сознанія. При паденіи паукъ ударяется иногда спиной о твердый предметъ такъ сильно, что вѣроятно дѣло не обходится безъ серьезнаго ушиба, послѣ чего требуется нѣкоторый отдыхъ, каковой тоже легко принять за мнимую смерть.

Когда паукъ, напр. *Er. diadema*, падаетъ около предмета, подъ которымъ можно спрятаться, онъ, пользуясь моментомъ, уже лежа на спинѣ, дѣлаетъ нѣсколько хватательныхъ движеній ногами, чтобы укрыться и уже въ благопріятныхъ условіяхъ приходитъ въ неподвижность на болѣе или менѣе продолжительное время. Обезпокоенный паукъ часто отбѣгаетъ недалеко, иногда такъ неохотно, что его приходится подгонять и даже подталкивать, а падая хватается попутно за все, что подвернется, изъ чего также какъ бы слѣдуетъ, что паденіе не всегда дѣйствіе автома-

тическое. Если паука, висащаго съ тенеты, пытаются захватить снизу или сбоку и оттуда сотрясать тенету, то животное часто упорно не хочет упасть, свидѣтельствуя этимъ, что паденіе — реакція не просто автоматическая, а отчасти и сознательная; оно при данныхъ условіяхъ было бы явленіемъ безсмысленнымъ, и животное какъ бы сознаетъ это. Когда дотрогиваніе уже очень беспокоитъ круготенетника, онъ иногда, поднявшись на ноги, бѣжитъ въ сторону при чемъ убѣгая трясетъ свою ловушку, какъ бы желая этимъ согнать врага. Въ однихъ случаяхъ трясеніе наступаетъ внезапно и уже по окончаніи его слѣдуетъ убѣганіе животнаго, въ другихъ, наоборотъ, сперва отбѣжитъ немного, потомъ остановится и потрясетъ, затѣмъ опять сдѣлаетъ нѣсколько шаговъ и повторитъ встряхиваніе и такъ неоднократно. Случается, что убѣгая паукъ портитъ паутину, какъ бы стремясь сбить врага своего съ пути, отрѣзать ему дорогу. Одинъ и тотъ же паукъ дѣйствуетъ къ тому же неодинаково въ разное время и въ разныхъ условіяхъ обстановки.

Я посадилъ на изоляторъ снова двухъ *Er. diadema*, большого и маленькаго. Послѣ пережитаго испуга и неоднократныхъ дракъ оба засѣли рядомъ, несмотря на опасность такого сосѣдства. Большой—былъ нѣсколько вяль и, когда его трогали, убѣгалъ неохотно, иногда упорно оставался сидѣть на мѣстѣ; но лишь только приближался къ нему маленькій противникъ—сейчасъ же давалъ ему отпоръ. Маленькій паукъ отличался сравнительной живостью движеній и настойчиво затрогивалъ большого, хотя отъ этого часто страдалъ; не разъ приходилось ему падать на нити и выжидать. Надо сказать, что, впервые коснувшись большого, онъ отскочилъ такъ, что упалъ на паутинкѣ прямо въ воду, во второй и третій разъ уже этого не дѣлалъ и вообще съ этого трагическаго для него момента соразмѣрлялъ длину паутины съ требованіемъ обстановки, что говоритъ противъ полной утраты сознанія при выпусканіи паутины. Если трогали руками маленькаго паучка, онъ иногда отбѣгалъ порывисто; то же самое дѣлалъ большой его сосѣдъ, но не падалъ. Между тѣмъ будь здѣсь дѣло въ простомъ психорефлексѣ, паукъ падалъ бы непременно съ механической правильностью въ воду.

Вообще, паденіе на паутинной нити какъ пріемъ самосохраненія въ большинствѣ случаевъ актъ психорефлекторный. Во многихъ случаяхъ онъ сопровождается однако несомнѣнно нѣкоторымъ

участіемъ воли и сознанія съ самаго начала, въ другихъ и чрезвычайно частыхъ сознаніе возникаетъ въ теченіе или въ концѣ акта паденія.

Я посадилъ на свой изоляторъ взрослога *Er. diadema*. Какъ всегда онъ выхода не находилъ, хотя, спустившись почти до воды, вращался и озирался кругомъ и явно искалъ его. Такъ прошло два дня, и паукъ ничего новаго не придумывалъ для своего спасенія. Но вотъ я пріотворилъ слегка окно: легкая струя воздуха подула на него черезъ щель. Паукъ сейчасъ же сталъ выпускать очень тоненькую нить, которая, подхваченная дуновеніемъ вѣтерка, заколыхалась своимъ свободнымъ концомъ и немного спустя зацѣпилась за книги, находившіяся въ разстояніи 30 сант. Паукъ почувствовалъ это сейчасъ же той своей лапкой, которой держалъ нить, натянулъ ее потуже и тогда увѣренно и быстро побѣжалъ по ней съ изолятора прочь. Я уничтожилъ эту нить, посадилъ паука на изоляторъ и ушелъ, но менѣе чѣмъ черезъ $\frac{1}{2}$ часа, когда возвратился къ наблюдению, паука уже не было и оказалась натянутой уже новая нить, идущая приблизительно по тому же направленію. Путь къ бѣгству былъ очевиденъ, но сейчасъ же невольно возникъ вопросъ, сознательно ли, съ пониманіемъ ли цѣли или подъ давленіемъ вѣтерка пассивно выпускалась эта паутиная нить. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы этотъ актъ былъ всегда пассивнымъ, то пауки, какъ правило, при вѣтрѣ получали бы своего рота недержаніе въ железахъ паутиннаго вещества. Между тѣмъ этого не наблюдается: его выпускается именно столько, сколько надо и тогда, когда это необходимо животному, цѣлесообразно и разумно. Съ другой стороны, если паутина въ 20—30 сант. длиною и больше болтается безцѣльно въ воздухѣ, а паукъ уходитъ не намѣренъ, онъ забираетъ ее лапками на себя, какъ мнѣ приходилось въ этомъ во-очію убѣдиться, т. е. совершаетъ актъ противоположнаго характера уже несомнѣнно по собственной инициативѣ. Эту паутинку онъ, когда ему необходимо и при благопріятныхъ къ тому условіяхъ, выпускаетъ опять въ воздухъ летать однимъ концомъ, при чемъ если при попутномъ вѣтрѣ она окажется недостаточно длиною, то прикрѣпляетъ ее узелкомъ къ другой берущей начало уже въ паутинныхъ железахъ. Все это говоритъ о сложномъ отношеніи психики къ отдѣленію паутиннаго вещества и къ пользованію паутинными нитями вообще. Къ со-

жалѣнію, паутинки бываютъ такъ тонки, что надо имѣть очень хорошее зрѣніе и много терпѣнія, чтобы прослѣдить за всѣми дѣйствіями паука, крайне быстро работающаго своими конечностями.

Какъ то случилось, что 3—4-дневный паучокъ *Linuphia resupina* Wider, посаженный на изоляторъ, выпустилъ нить въ 30 сант., которая зацѣпилась за край нагрѣвшагося металлическаго колпака лампы. Убѣдившись лапкою, что нить дѣйствительно зацѣпилась, онъ натянулъ ее потуже и быстро побѣжалъ по ней прочь. Перейдя на теплую почву лампы и къ яркому свѣту, паучокъ сперва растерялся, потомъ сталъ дѣлать попытки преодолѣть препятствіе, но всякій разъ долженъ былъ отступать, возвращаться назадъ. Однако итти опять на самый изоляторъ паучокъ не хотѣлъ. Убѣдившись въ отсутствіи выхода, онъ началъ спускаться съ этой нити въ разныхъ мѣстахъ на паутинкахъ отвѣсно внизъ, но тщетно: всюду почва была подъ нимъ слишкомъ далеко. Взбѣгая обратно, онъ подбиралъ за собою нить, но спустившись въ двухъ мѣстахъ, оторвалъ ее отъ своихъ паутинныхъ бородавокъ и оставилъ свободные концы летать по воздуху, какъ бы рассчитывая, что нити гдѣ-нибудь да зацѣплятся и послужатъ потомъ къ его спасенію. Впрочемъ, онъ не ждалъ результатовъ отъ этой своей работы, а продолжалъ спускаться все снова и искать выхода въ другихъ мѣстахъ. Однажды паукъ, спустившись на нити обычнымъ образомъ, вдругъ какъ бы сдѣлавъ себя въ отношеніи къ воздуху удѣльно болѣе легкимъ, началъ на своей привязи летать по разнымъ направленіямъ даже вверхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что онъ выпускалъ въ это время свободно летать по воздуху длинную тонкую нить. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ скрѣпилъ ее маленькимъ узелкомъ съ нитью, по которой спустился и ушелъ.

Однажды я посадилъ на свой изоляторъ 10 паучковъ *Linuphia resupina* Wider, всего дня три до этого вышедшихъ изъ кокона. Давъ имъ время освоиться съ обстановкой, въ которой они находились, я пустилъ къ нимъ небольшого, но сравнительно съ ихъ величиною крупнаго *Er. diadema*. Присутствіе послѣдняго оживило паучковъ; ихъ стремленіе уйти отъ страшнаго сосѣда явно увеличилось; они стали чаще спускаться съ булавки, но спѣшили всякій разъ сейчасъ же назадъ. Изрѣдка пытались они, держась за нить, бѣжать по водѣ, но та имѣла

слишкомъ чистую поверхность, чтобы ногамъ было на что опереться. Скоро обнаружилось однако, что одинъ изъ маленькихъ паучковъ ушелъ по горизонтально идущей къ лампѣ по воздуху нити 18 сант. длиною. Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ нить шла по направленію дующаго изъ окна вѣтерка. Навязывалась естественно опять мысль, что направленіе это не случайное явленіе. Вотъ дунулъ вѣтерокъ въ окно, но уже болѣе сильный. Нить оторвалась и стала носиться свободнымъ концомъ по воздуху. Слѣдя за нею, мнѣ бросилось въ глаза, что она становилась все короче и короче. Оказалось, что у мѣста прикрѣпленія ея сидѣлъ другой паучокъ и забиралъ ее изъ воздуха, усердно наматывая на ноги, пока не извлекъ ее всю. Это ли актъ автоматизма?

Одинъ изъ остальныхъ паучковъ спустился съ булавки изолятора на нити обычнымъ образомъ спиною внизъ, замеръ на короткое время въ воздухѣ, потомъ вдругъ сбѣжалъ къ краю блюда какъ бы по готовой нити. Тогда я сталъ наблюдать внимательнѣе за слѣдующимъ паучкомъ, въ то время какъ онъ находился тоже въ висячемъ положеніи. Судя по производимымъ имъ въ воздухѣ толчкамъ, онъ явно собирался покинуть изоляторъ. Вдругъ онъ дѣйствительно быстро побѣжалъ, казалось, по воздуху. Въ виду этого я сейчасъ же провелъ на нѣсколько сантиметровъ впереди него пальцемъ по воздуху. Оказалось, что паучокъ бѣжалъ по невидимой простымъ глазомъ паутинкѣ; но откуда она взялась? Такъ какъ я, во избѣжаніе ошибки въ умозаключеніи, передъ опытомъ обследовалъ окружающій воздухъ и паутинокъ не было, то становилось очевиднымъ для меня, что паучокъ на вѣсу выдѣлилъ паутинное вещество, превратившееся въ нить.

Вотъ одинъ изъ паучковъ опять опустился спиною внизъ на паутинкѣ и затѣмъ, не двигая конечностями, сталъ качаться на воздухѣ заднею частью тѣла впередъ сперва въ одну сторону потомъ въ другую. Качаніе это сопровождалось медленными толкательными движеніями. вмѣстѣ съ тѣмъ выпускаемая нить становилась все длиннѣе и длиннѣе, самъ же паучокъ подымался уже не въ сторону, а вверхъ. Сдѣлавъ 10 — 12 такихъ толчковъ впередъ и вверхъ, при чемъ каждый послѣдующій толчокъ отбрасывалъ тѣло на большее разстояніе, паучокъ поднялся словно аэростатъ сперва на $\frac{1}{2}$ метра, потомъ на 1 м., наконецъ нить оторвалась и, подхваченный движеніемъ теплаго

воздуха, онъ понесся вверхъ къ потолку и скоро исчезъ изъ виду. Процессъ отлета, считая всѣ его фазы, потребовалъ для своего выполненія 2—3 минуты. Казалось, что паучокъ произвольно уменьшилъ свой удѣльный вѣсъ и особыми дѣйствіями подготовилъ себя къ отлету и затѣмъ уже летѣлъ какъ пассивное тѣло. Самымъ важнымъ психологическимъ моментомъ въ актѣ отлета является такимъ образомъ напряженіе воли, выразившееся въ процессѣ отдѣленія паутинной нити и въ своеобразныхъ толкательныхъ движеніяхъ. Спрашивается, какъ объяснить себѣ эти толчки, когда не двигались ноги и паукъ казался впавшимъ въ состояніе мнимой смерти?

Скоро еще два паучка полетѣли такимъ же образомъ, но нѣсколько остальныхъ почему то не покидали изолятора. Порой иной паучокъ сильнымъ толчкомъ отбрасывалъ свое тѣло и при этомъ ударялся о палочку, но не улеталъ, какъ будто паутинная нить въ этихъ случаяхъ была недостаточно растяжима или изсякъ запасъ паутиннаго вещества.

Въ другой разъ мнѣ случилось наблюдать такое явленіе: одинъ изъ паучковъ рода *Linurphia*, спускаясь съ горизонтальной нити на паутинкѣ отвѣсно внизъ, остановился на произвольно избранной имъ высотѣ и, выдѣливъ паутинку изъ своихъ паутинныхъ железъ, прикрѣплялъ ее узелкомъ къ той, на которой висѣлъ. Пущенная такимъ образомъ летать паутинка носилась въ воздухѣ тоже болѣе или менѣе горизонтально. Паучокъ бѣжалъ по такой второй горизонтали, затѣмъ гдѣ-нибудь на ея протяженіи опускался опять отвѣсно внизъ, послѣ чего начиналъ выдѣлять опять новую паутинку. И эта нить по своей легкости не падала, а подхватывалась движеніемъ воздуха и далеко растягивалась приблизительно параллельно двумъ первымъ и свободно выдерживала тяжесть бѣгающаго по ней паучка, который мѣстами останавливался, что-то изслѣдуя, топтался на мѣстѣ, взлѣзалъ назадъ или опускался гдѣ-нибудь снова и опять выдѣлялъ длинную нить, которая въ свою очередь принимала горизонтальное направленіе и т. д. Въ тихую погоду образовалась такимъ образомъ цѣлая система горизонтальныхъ и вертикальныхъ нитей, плавающая въ воздухѣ, невидимая нами даже вблизи, но по нимъ по всѣмъ направленіямъ ловко бѣгалъ самъ строитель — паучокъ. Такая паутинная постройка очевидно можетъ цѣликомъ оторваться или зацѣпиться въ концѣ-концовъ гдѣ-нибудь

на далекомъ разстояніи отъ того мѣста, откуда маленькое животное вышло. Въ стремленіи уйти активное начало психики, иначе проявленіе воли, очевидно, но существованіе пониманія своего положенія и сознанія цѣли своихъ дѣйствій можетъ оспариваться, хотя и безъ большихъ къ тому оснований.

Гнѣзда, логовища и ловушки отличаются, какъ извѣстно, чрезвычайнымъ разнообразіемъ и въ то же время крайнимъ постоянствомъ типа для каждого даннаго вида или рода пауковъ. Это обстоятельство главнымъ образомъ и заставляетъ очень многихъ натуралистовъ видѣть въ строительствѣ проявленіе не сознанія, а инстинкта, понимая подъ этимъ послѣднимъ сложное автоматическое дѣйствіе, побужденіе къ которому передается по наслѣдству и не сопровождается пониманіемъ преслѣдуемой цѣли. Но справедливъ ли такой взглядъ и вытекаетъ ли онъ безусловно изъ данныхъ объективнаго наблюденія и опытовъ надъ пауками?

Argyroneta aquatica Walck.—главный и почти единственный у насъ представитель водныхъ пауковъ—поселившись въ водоемѣ съ обиліемъ личинокъ разнаго рода жуковъ, двухкрылыхъ и стрекозъ, и богатой болотной растительностью, начинаетъ строить себѣ жилище по типу, созданному его отдаленнѣйшими предками. Съ поразительной ловкостью и быстротой относить онъ съ поверхности воды въ глубину воздухъ пузырьками одинъ за другимъ, прикрѣпляетъ ихъ къ стеблю, пока не образуется такимъ образомъ серебристый воздушный колоколь такой величины, что животное можетъ помѣститься въ немъ совершенно свободно. Этотъ воздушный колоколь по мѣрѣ увеличенія его размѣровъ прикрѣпляется все новыми нитями къ окружающимъ воднымъ предметамъ, а самъ паукъ входитъ въ него сквозь расположенное снизу отверстіе. Внутри такого воздушнаго подводнаго жилища паукъ отдыхаетъ, изъ него высматриваетъ себѣ добычу, туда забѣгаетъ въ случаѣ опасности и тащитъ пойманныхъ личинокъ и взрослыхъ насѣкомыхъ. Въ пору размноженія самка подвѣшиваетъ себѣ въ немъ къ верхней стѣнкѣ коконъ съ яйцами, окутываетъ нитями и сторожитъ его. Самецъ строитъ себѣ весьма сложными манипуляціями такое же помѣщеніе рядомъ, и обѣ постройки соединяются крытой галереей. Самецъ и самка одного гнѣзда узнаютъ другъ друга и не враждуютъ между собой. Новорожденные паучки нѣкоторое время

еще держатся вмѣстѣ, но уже поразительно рано, можно сказать съ самаго начала, свободно ориентируются въ водномъ пространствѣ среди тины, поднимаются на поверхность воды, увлекаютъ въ глубину воздушные пузырьки, даже умѣютъ строить свои собственныя маленькія жилища, подобныя родительскимъ. Маленькія животныя уже проявляютъ любопытство, находчивость, пониманіе цѣли, выборъ дѣйствій, приспособляемость и т. д. Строительство механически однообразно у *Argyropeta* лишь на первый взглядъ, въ сущности же оно представляетъ разныя мелкія варіаціи въ зависимости отъ индивидуальныхъ побужденій и условій обстановки естественныхъ или искусственныхъ.

Живущіе въ землѣ пауки дѣлаютъ себѣ обыкновенно вертикальныя простыя или рѣже раздвоенныя трубчатыя норы. Эти норы или открытыя (*Lycosa*, *Trochosa*, *Tarentula*), или сверху прикрытыя у однихъ паутиной пробкой (*Atrypus*), у другихъ плоской паутиной дверцей, болѣе или менѣе плотно прилегающей къ наружному отверстию. У нѣкоторыхъ видовъ землероющихъ пауковъ такихъ крышекъ двѣ—одна снаружи, другая на большей или меньшей глубинѣ. Внутренняя стѣнка земляныхъ норъ роющими пауками выстилается обыкновенно тонкой пеленой изъ нѣжной паутины, причемъ пауки гладко выравниваютъ шероховатости. Самки соответственно объему своего тѣла дѣлаютъ норы больше въ діаметрѣ, чѣмъ самцы. Чѣмъ моложе паукъ, тѣмъ при прочихъ равныхъ условіяхъ его жилище во всѣхъ размѣрахъ меньше, хуже по отдѣлкѣ и ближе отстоитъ отъ другихъ такихъ же норъ. Однако, уже новорожденные паучки разныхъ землекоповъ умѣютъ дѣлать себѣ норы, правда, неизбѣжно всегда по родительскому типу. Отдѣльные виды землероющихъ пауковъ проявляютъ однако при своемъ строительствѣ нѣкоторыя уклоненія отъ основного типа и обнаруживаютъ свою приспособляемость къ обстановкѣ въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ: если по условіямъ почвы нельзя, напр., рыть отвѣсно внизъ, то пауки копаютъ въ сторону, туда, гдѣ меньше сопротивленія, изгибая свой каналъ подъ угломъ; если стѣнки обсыпаются, животныя склеиваютъ земляныя частицы или укрѣпляютъ ихъ паутиными нитями. На ходъ работы оказываетъ, конечно, не малое вліяніе физическая сила пауковъ, зависящая, въ свою очередь, отъ возраста, пола и питанія животныхъ, что до из-

вѣстной степени объясняетъ неодинаковые размѣры и отдѣлку построекъ у одного и того же вида пауковъ.

Steniza, при попыткѣ осы или иного врага залѣзть въ его нору, произвольно захлопываетъ паутинную дверцу; уходя на охоту, паукъ прикрываетъ ее, а возвратясь, лапками приподымаетъ, чтобы пролѣзть въ образовавшуюся щель. Если сорвать такую дверцу, то паукъ дѣлаетъ новую; вторичное удаленіе ея даетъ тотъ же эффектъ и такъ много разъ подрядъ. Если въ норку *Trochosa singoriensis* Laxm. набросать камешки, бумажные шарики, сухія вѣточки и т. п. мелкіе посторонніе предметы, то тарантуль выносить по крайней мѣрѣ часть ихъ наружу. Вату, засунутую въ отверстіе, онъ удаляетъ, но стоитъ налить въ норку воды и паукъ спасается бѣгствомъ. Всѣ поврежденія, нанесенныя норѣ, онъ исправляетъ въ ближайшую ночь. Въ искусственныхъ условіяхъ, въ банкѣ съ землей, тарантуль сейчасъ же зарывается, при отсутствіи земли иногда обходится однимъ паутиннымъ веществомъ, изъ котораго устраиваетъ себѣ логовище съ цѣлью самозащиты, особенно при частыхъ обезпокоиваніяхъ его. Откладываніе яицъ у землероющихъ пауковъ происходитъ обыкновенно въ глубинѣ норы. Тамъ же заворачиваются они въ коконъ въ частностяхъ неодинаково у разныхъ видовъ пауковъ, но для каждаго вида болѣе или менѣе характерно и постоянно. Осенью пауки уходятъ глубже въ норы, а выходъ закупориваютъ паутинной пробкой и вообще лишь послѣ особыхъ приготовленій къ предстоящей спячкѣ впадаютъ въ нее на зимніе мѣсяцы.

Колокольчикообразныя постройки *Agroeca* состоятъ изъ двухъ этажей: въ верхнемъ откладываются яйца, въ нижнемъ пребываетъ самка, а по вылупленіи изъ яицъ въ него перебираются малыши для своего дальнѣйшаго развитія. Величина, форма и внѣшній видъ этихъ своеобразныхъ маленькихъ построекъ значительно варьируютъ въ зависимости отъ количества откладываемыхъ яицъ, условій обстановки и пр. Одинъ часто встрѣчающійся на нашихъ заборахъ видъ *Agelena* строитъ гнѣзда, имѣющія видъ опрокинутаго блюдца, а величину неравную. И тутъ гнѣздо внутри раздѣлено на двѣ камеры: въ одной, примыкающей непосредственно къ мѣсту прикрѣпленія гнѣзда, напр., къ плоскости забора, сложены яички, въ другой—наружной—между кокономъ въ настоящемъ смыслѣ слова и наружной стѣнкой гнѣзда оставляется свободный промежутокъ, гдѣ сидитъ самка

и куда по мѣрѣ выхода изъ яицъ переселяются малыши. Болѣе или менѣе сходными съ этими являются постройки нѣкоторыхъ *Drassus*. И у нихъ наблюдается двукамерность съ однимъ отверстиемъ въ наружной стѣнкѣ и другимъ въ коконѣ и съ тѣмъ же назначеніемъ свободной полости. Многіе пауки дѣлаютъ себѣ гнѣзда на кустарникахъ и деревьяхъ, причемъ, прилагая немалую физическую силу, связываютъ паутинными нитями два свѣжихъ листа вмѣстѣ или одинъ перегибаютъ пополамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ къ верхней стѣнкѣ образовавшейся полости прикрѣпляются яйца въ коконѣ, въ самой, выложенной изнутри тонкимъ слоемъ паутинной ткани, сидитъ самка, потомъ туда переходитъ дѣтвора. Собственно и здѣсь имѣется налицо двукамерность, но иного рода. Цѣль ея та же самая. Этимъ путемъ увеличивается помѣщеніе для молодого потомства, при чемъ достигается также экономія въ паутинномъ матеріалѣ, но очевидно безсознательно. Листья берутся однимъ и тѣмъ же видомъ паука самыя разнообразныя (березы, ольхи, осины, ивы и т. д.) и складываются не вполне одинаково, хотя всегда замѣтенъ основной шаблонъ работы. Тутъ участіе психики въ строительствѣ нѣсколько болѣе очевидно, чѣмъ при вышеописанномъ строеніи *Agroeca* и *Agelena*.

Пауки сем. *Theridiidae* особенно часто дѣлаютъ себѣ логовище въ видѣ болѣе или менѣе плотной и длинной воронки, а ловушку устраиваютъ изъ нитей, переплетающихся между собой въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Мѣсто выбирается разными представителями этого семейства разное. Даже одинъ и тотъ же видъ пауковъ строить въ такой степени различно въ зависимости отъ того, гдѣ онъ поселился, что по паутинной постройкѣ иногда трудно бываетъ сказать, какому виду, роду и даже семейству пауковъ она принадлежитъ. Въ знойныхъ степяхъ можно убѣдиться мѣстами чуть не на каждомъ шагу, какъ мало *Theridiidae* проявляютъ заботъ объ исправномъ состояніи и чистотѣ своихъ ловушекъ: такъ, напр., знаменитый ядовитостью своихъ укусовъ каракуртъ или черный паукъ (*Latrodectus tedeceimguttatus* Rossi) Туркестанскихъ, Закаспійскихъ и Закавказскихъ степей, питаясь на счетъ окружающихъ мелкихъ животныхъ, преимущественно прямокрылыми насѣкомыми, менѣе жуками и мухами, тутъ же бросаетъ остатки своей пищи и ими усѣяна не только окружающая почва, но и натянутыя имъ же по всѣмъ

направленіямъ паутинныя нити. Однако самую воронку, ведущую въ логовище, куда паукъ забѣгаетъ въ случаѣ опасности и изъ которой дѣлаетъ нападенія, онъ содержитъ въ сравнительной чистотѣ, удаляя попавшіе туда листочки, земляныя частички, остатки отъ насѣкомыхъ, а если порвать ее, то чинить. Я много разъ бросалъ на ловушку древесныя вѣточки, лоскутки матеріи, спички и др.: предметы эти оставались неубранными. Однажды я оторвалъ подвѣшенные къ камню четыре кокона названнаго вида пауковъ; черезъ нѣкоторое время три оказались поднятыми и прикрѣпленными на прежнее мѣсто, а вскрытый мною валялся на землѣ.

На ловушку маленькаго паучка *Pruiolithus ornatus* въ углу я нѣсколько разъ подвѣшивалъ разнаго цвѣта нитки. Животное сейчасъ же убѣгало въ щель, а нитка оставалась и въ послѣдующіе дни на мѣстѣ. Если паукъ въ моментъ бросанія на ловушку нитей находился въ логовищѣ, то онъ на тревогу сейчасъ же прибѣгалъ, осматривался кругомъ, щупаль нити и спѣшилъ назадъ. Въ предѣлахъ своей неправильно сплетенной ловушки паучокъ ориентировался поразительно ловко, быстро находилъ брошеннаго ему комара, но о сбрасываніи остатковъ мало заботился, и ловушка скоро принимала неопрятный видъ. Если я срывалъ постройку, она снова скоро появлялась, при чемъ возводилась безъ всякой системы и слагалась въ сѣтъ какъ бы совершенно случайно, потому что паукъ ходилъ съ мѣста на мѣсто и волочилъ паутинную нить.

Agelena labyrinthica натягиваетъ среди кустарниковъ въ полѣ горизонтальную плотную сѣтъ въ видѣ койки и вблизи отъ нея строитъ паутинную воронку, изъ которой караулитъ добычу. *Tegenaria domestica* устраиваетъ тоже горизонтальную ткань, но гдѣ-нибудь въ темномъ углу жилой постройки; къ паутинному полотну примыкаетъ маленькая, не всегда ясно выраженная воронка. И тотъ, и другой паукъ не выходятъ за предѣлы той основной архитектуры, которые имъ присущи спокойнѣ въковъ, но обнаруживаютъ при своемъ строительствѣ частныя уклоненія, зависящія отъ условій мѣста и пр.

Linyphia resupina Wider устраиваетъ себѣ въ затѣненномъ углу, напр., забора изъ перепутанныхъ паутинками сухихъ листьевъ, хвои, частичекъ земли и т. п. матеріала, случайно упавшаго въ горизонтальную ловушку, логовище, а мѣсто для кокона отво-

дится рядомъ. Ловушка представляетъ изъ себя мелкосѣтчатое, довольно плотное полотно, подвѣшенное наподобіе чаши вѣсовъ на идущіе сверху болѣе или менѣе длинныя и беспорядочно перекрещивающіяся паутинки, и растянутое по краямъ и снизу отходящими кое-гдѣ одиночными сравнительно крѣпкими нитями. Хотя вся постройка рыхлая, все же настолько крѣпкая, что упавшее въ нее мелкое насекомое выбраться вонъ не можетъ, тѣмъ болѣе что подкарауливающей его въ логовищѣ паукъ сейчасъ же выбѣгаетъ по нижней или верхней поверхности, какъ только дойдутъ до его органовъ чувствъ вибраціи паутинныхъ нитей. Постройку паукъ возводитъ обыкновенно ночью. Чѣмъ моложе онъ самъ, тѣмъ меньше и нѣжнѣе его сооруженіе. Сѣтка коллективно построенная цѣлымъ выводкомъ 2—3 дневныхъ паучковъ тождественна съ таковой взрослыхъ животныхъ, хотя по условіямъ искусственной обстановки выходитъ нѣсколько косою и уродливой. Сколько бы разъ ни разрушать ее, она возводится сейчасъ же снова. Очевидно, типъ постройки передается по наслѣдству и въ искусственной обстановкѣ коллективно возводится то, что въ естественной создается каждымъ въ отдѣльности. Работа по возведенію паутинной постройки идетъ во всякомъ случаѣ очень энергично, ловко и быстро и, повидимому, всегда изъ новаго матеріала.

У новопостроенной надъ моимъ окномъ ловушки *Linypia gesurina* Wider я подрѣзалъ нити, прикрѣпляющія горизонтальное полотно снизу, вслѣдствіе чего оно стало колыхаться уже отъ легкаго дуновенія вѣтерка. Не смотря на большую осторожность съ моей стороны, сидѣвшій на полотнѣ паукъ замѣтилъ сразу ослабленіе паутинной ткани, убѣжалъ и не появлялся больше до поздняго вечера. Черезъ два дня паутинное полотно оказалось вновь натянутымъ надлежащимъ образомъ, благодаря проведеннымъ снизу и съ боковъ нѣсколькимъ новымъ нитямъ. Этотъ опытъ я потомъ повторялъ разъ десять и обыкновенно съ тѣмъ же результатомъ. Въ общемъ однако надо признать, что паукъ названнаго вида не имѣетъ большого стремленія къ тщательной починкѣ своей ловушки.

Однажды я бросилъ на горизонтальное полотно другого *Linypia gesurina* Wider свернутый изъ газетной бумаги шарикъ. Паукъ, обезпокоенный сотрясеніемъ ловушки, выбѣжалъ на нее изъ-за угла, но въ 2-хъ сант. отъ шарика остановился, вернулъ-

ся назадъ и такъ же быстро скрылся въ ближайшей щели. Казалось очевиднымъ, что возвращеніе его было мотивировано умозаключеніемъ какого бы то ни было рода. Я набросалъ тогда еще 9 такихъ же шариковъ; изъ нихъ семь упало на горизонтальное полотно въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, а два повисли на поддерживающихъ его сверху паутинкахъ. На утро оказалось, что оба послѣдніе шарика висѣли на своихъ мѣстахъ, а на горизонтальномъ полотнѣ изъ семи шариковъ остался лишь одинъ, а шесть валялись на землѣ. Они несомнѣнно были сброшены паукомъ, но спрашивается, какъ? Работа происходила къ сожалѣнію ночью въ темнотѣ и поэтому нельзя было видѣть ее. Въ двухъ мѣстахъ горизонтальнаго полотна имѣлись круглыя отверстія, черезъ которыя по одному шарикѣ очевидно и было удалено. На остальной площади все оказалось исправнымъ: отверстія для остальныхъ 4-хъ, если только они были, исчезли безслѣдно, но паукъ могъ отнести шарики къ краю полотна и сбросить ихъ оттуда. На слѣдующій день я снова осторожно опустилъ съ пинцета на полотно 4 такихъ же шарика. Изъ нихъ 3 утромъ оказались на землѣ, при чемъ работа опять была совершена ночью.

На другое утро на полотно того же вида паука я положилъ тонкую, легко выдерживаемую энтомологическую булавку. Утромъ она оказалась на землѣ провалившейся сквозь продѣланное по видимому искусственно отверстіе. Я осмотрѣлъ эту постройку двѣ недѣли спустя; паукъ не покидалъ ея, но отверстіе оставалось незадѣланнымъ.

Какъ то однажды я положилъ на горизонтальное полотно двухъ такихъ же ловушекъ *Linurphia* по 4 шерстяныхъ нитки: бѣлую, красную, синюю и зеленую (всѣ по 5 сант. длиною) и столько же повѣсилъ на поддерживающія паутинки. Черезъ недѣлю я осмотрѣлъ обѣ ловушки: пауки бѣгали по нижней поверхности полотна, не обращая на брошенныя нити никакого вниманія. Другой разъ я положилъ на горизонтальное полотно ловушки молодого *Lip. gesurina* черную нитку (5 сант. длиною) и такую же повѣсилъ сверху. Обѣ оказались на утро сброшенными вмѣстѣ съ частью паутинной ткани въ центрѣ полотна. Очевидно, инородныя тѣла были удалены путемъ простого отрыванія подлежащей ткани, при чемъ паукъ не проявилъ на этотъ разъ заботы объ исправленіи попорченной постройки. Я бросилъ

нитку въ другую ловушку такого же молодого паука въ его отсутствіе. Результатъ оказался тотъ же самый. Долженъ сказать, что оба эти паука были мною по вылупленіи изъ яицъ сейчасъ же изолированы отъ другихъ и пущены на окно, гдѣ и выросли въ одиночествѣ съ самаго начала у меня на глазахъ, такъ что побужденіе удалять съ ловушки инородныя тѣла не являлось слѣдствіемъ, напр., подражанія молодыхъ взрослымъ, а казалось врожденнымъ душевнымъ свойствомъ. Отсюда однако еще не вытекаетъ предположеніе о полномъ отсутствіи при этомъ у *Linurphia* пониманія преслѣдуемой цѣли, такъ какъ въ концѣ-концовъ отъ воли животнаго зависитъ приступитъ ли къ удаленію нити или нѣтъ? *Linurphia* вообще не обнаруживаютъ большой заботы о чистотѣ ловушекъ и въ паутинѣ часто можно видѣть запутавшіяся и неудаленныя засохшіе листочки, хвойныя иглы, сухія вѣточки, частицы земли и пр.

Гнѣзда нѣкоторыхъ пауковъ (*Clubiona* и др.) устроены въ видѣ длиннаго мѣшка, въ которомъ на одномъ концѣ за перегородкой находится коконъ; подъ нимъ сидитъ самка, крѣпко за него уцѣпившись, иногда ногами вверхъ. Остальная часть мѣшка представляетъ свободную полость съ отверстіемъ. Иногда гнѣзда трехкамерныя: въ одной находится коконъ съ яйцами, въ другой живетъ самка, въ третьей—самецъ. И тутъ у cadaго вида свой типъ гнѣзда и въ то же время нѣтъ двухъ гнѣздъ, какъ и ловушекъ, въ деталяхъ совершенно тождественныхъ. Съ одной стороны это несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ ограниченности свободы воли, съ другой не можетъ быть отрицаема и способность пауковъ при строительствѣ къ нѣкоторому творчеству въ предѣлахъ объема и степени сознанія, присущаго данному виду животнаго.

Круготенетники (*Ereiridae*) выбираютъ мѣстомъ для своихъ вертикальныхъ ловушекъ преимущественно прочно стоящіе стволы деревьевъ, старые заборы, деревянные стѣны и т. д. Паутинная постройка, возведенная на кустарникѣ, легко рвется отъ дуновенія вѣтра и выборъ такого мѣста не можетъ быть названъ цѣлесообразнымъ, но способность пауковъ этого семейства при порчѣ старой ловушки быстро строить себѣ новую оправдываетъ бессмысленное на первый взглядъ дѣйствіе. Колесовидныя ловушки попадаютъ преимущественно въ однихъ мѣстахъ передъ другими мало отличающимися, почему невольно думается,

что члены одной распавшейся семьи круготенетника какъ земле-роющихъ и др. пауковъ расходятся не очень далеко и много поколѣній группируется около разъ занятаго мѣста.

Одинъ и тотъ же видъ круготенетниковъ строить себѣ ловушку болѣе или менѣе пропорціанальную своей величинѣ и своему возрасту. У *Er. diadema* радіусъ ловушки обыкновенно приблизительно въ 25 разъ больше размѣровъ тѣла. У маленькихъ пауковъ тенета соотвѣтственно мала, а паутинныя нити обыкновенно такъ тонки, что вся постройка едва видна: она дѣлается ясно замѣтной лишь когда загрязняется остатками высосанныхъ насѣкомыхъ, а также при солнечномъ освѣщеніи. У взрослыхъ пауковъ ловушка отличается иногда поразительно крупными размѣрами. Какъ у молодыхъ пауковъ, такъ и у взрослыхъ ловушка вовсе не такъ правильна, какъ нѣкоторые утверждаютъ. Радіальныя нити отстоятъ другъ отъ друга на неодинаковое разстояніе и число ихъ у одной и той же особи сильно колеблется, напр., у *Er. diadema* между 5 и 25. Самая центральная часть тенеты имѣетъ у названнаго вида сотканную изъ тонкихъ нитей площадку съ довольно частыми клѣточками. Нѣсколько отступя, начинаются поперечныя перекладины, промежутки между которыми дѣлаются чѣмъ дальше, тѣмъ больше; число поперечныхъ нитей тоже сильно колеблется, обыкновенно между 30 — 40. Иногда нити раздваиваются на своемъ пути; во многихъ мѣстахъ видны тоненькіе, бѣленькіе узелки и т. д.

Паукъ проводитъ иногда основную нить въ 2—3 метра длиною на высотѣ 3 и даже 4 м. надъ землею, напр., отъ стѣны къ дереву. Изъ этого видно, на какомъ большомъ протяженіи пауку приходится иной разъ тащить за собою нить. Что онъ тащить ее, а не только закрѣпляетъ выпущенную имъ же на воздухъ и зацѣпившуюся свободнымъ концомъ видно изъ того, что случается иногда находить на такомъ большомъ протяженіи натянутыя совершенно параллельно 2 — 3 нити на разстояніи, напр., 5 — 10 сант. другъ отъ друга. Провести первую такую длинную и крѣпкую нить очевидно одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, и разъ она удалась, паукъ, свободно бѣгая черезъ большое воздушное пространство, можетъ другія нити прокладывать уже съ меньшей затратой силъ и матеріала. Такія длинныя поперечныя нити, отличаясь сравнительно толщиной и крѣпостью, служатъ обыкновенно поддержкой для всей

постройки, и паукъ это видимо сознаеть, такъ какъ бережетъ ихъ.

Какъ то однажды во время сильнѣйшаго вѣтра я замѣтилъ за стекломъ моего окна крестовика, усердно занятаго сниманіемъ своей тенеты. Паукъ работалъ щупальцами и шестью парами ногъ, а задними, вытянутыми въ длину, поддерживалъ самого себя въ равновѣсіи. Крѣпкія нити онъ рвалъ челюстями. Порою казалось, что онъ ѣстъ паутину; но вѣроятно онъ лишь наматывалъ ее на конечности для того, чтобы изъ наличнаго матеріала изготовить себѣ потомъ новую ловушку на лучшемъ мѣстѣ и въ болѣе благопріятное къ тому время. Слишкомъ запутанную паутину онъ оставлялъ висѣть. Онъ суетился и спѣшилъ, но работалъ ловко и умѣло, сопротивляясь качкѣ, которую претерпѣвала тенета подъ давленіемъ вѣтра. Покончивъ работу, паукъ куда то исчезъ и уже въ этотъ день больше не показывался. Такъ какъ скоро полилъ сильнѣйшій дождь, то невольно возникло подозрѣніе, не предчувствіе ли толкало паука къ снятію ловушки? Какъ бы то ни было, паукъ разобралъ и удалилъ на моихъ глазахъ свою постройку какъ разъ передъ бурей, которая все равно снесла бы ее.

На утро на томъ же мѣстѣ оказалась новая тенета съ самимъ хозяиномъ ея въ центрѣ. Она была изготовлена тщательно и тѣхъ ключевъ паутиннаго вещества, которые уцѣлѣли вчера отъ вѣтра и разрушительной работы самого хозяина, уже не было. Цѣлый день я не беспокоилъ паука, и онъ проявилъ свою жизнедѣятельность обычнымъ образомъ. Ночью поднялся опять вѣтеръ и сорвалъ тенету. Паукъ, заночевавъ на деревянномъ переплетѣ рамы, рано утромъ снялъ остатки своей постройки, провѣлъ на новомъ мѣстѣ нѣсколько основныхъ нитей въ радіальномъ направленіи и засѣлъ на перекрестѣ на нѣсколько часовъ. Въ 8 часовъ утра онъ исчезъ и пропадалъ до 2-хъ часовъ пополудни, когда, возвратясь, расположился на покой. Въ 4 ч. онъ вдругъ оживился и принялся за возстановленіе тенеты. Работа пошла съ необычайной быстротой, безостановочно, пока ловушка не была готова. На это потребовалось 45 мин.

Паукъ обнаружилъ замѣчательное умѣніе разбираться въ наличномъ матеріалѣ и утилизировать его. Отъ мѣста, которое должно было сдѣлаться центромъ новой тенеты и состояло изъ комка, образовавшагося отъ выбрызгиванія очевидно произвольно

въ безпорядочномъ направленіи паутинной жидкости, онъ началъ проводить лучи; уходя всякій разъ съ новой радіальной нитью къ отдаленнымъ мѣстамъ; онъ ее тамъ прикрѣплялъ, а затѣмъ возвращался опять къ центру постройки, таща туда слѣдующую лучевую нить. Ненужныя тонкія паутинки онъ рвалъ, толстыя перекусывалъ, перенося въ ротъ съ помощью щупальцевъ и переднихъ ножекъ, новыя натягивалъ задними лапками. Иногда двѣ параллельныя нити связывалъ въ одну или изъ двухъ дѣлалъ три, соединяя ихъ Г-образно, если это представлялось въ данномъ мѣстѣ необходимымъ. Когда всѣ лучи были натянуты, онъ, не медля ни минуты, сталъ проводить короткія поперечныя связующія нити по спирали слѣва направо, нѣсколько отступя отъ центра и уходя отъ него все дальше. По мѣрѣ такого удаленія пауку приходилось все больше растягивать свои конечности, и клѣтки тенеты принимали такимъ образомъ все большіе размѣры. Въ то время какъ лѣвыми ногами паукъ поддерживалъ себя въ равновѣсіи, третья правая нога (короткая) то и дѣло гладила по нижней задней части брюшка и, выдавивъ каплю жидкости, передавала ее застывшую въ нить четвертой конечности, которая уже натягивала ее. Казалось третья нога потому и короткая, что при такихъ условіяхъ ей легче извлекать изъ железъ паутинное вещество. Ножка первая и вторая правой стороны помогали выравнять нить, сглаживать и смазывать слюною. Щупальцы и переднія лапы оказывали содѣйствіе въ сооруженіи постройки, но роль ихъ не была очень замѣтна. Работа шла такъ быстро, словно паука подгоняли и ему надо было спѣшить.

Когда такимъ образомъ тенета была готова, паукъ приближалъ къ центру ея, натянулъ потуже лучевыя нити, прикрѣпилъ ихъ заново, при этомъ видно было, какъ онъ работалъ щупальцами, и челюстями, и ногами. Закончивъ и это дѣло, паукъ успокоился. Черезъ $\frac{1}{2}$ ч. безъ всякой видимой причины онъ побѣжалъ къ имѣвшемуся на одной изъ отдаленныхъ длинныхъ нитей старому паутинному свертку, перекусилъ паутинку по обѣ стороны и сбросилъ свертокъ внизъ какъ нѣчто ненужное и напрасно привлекающее постороннее вниманіе, послѣ чего сейчасъ же возвратился къ центру и опять задремалъ. Паукъ очевидно вспомнилъ объ этомъ узлѣ, а не увидѣлъ изъянъ въ своей работѣ, такъ какъ паутинный свертокъ находился далеко отъ него.

Вспомнивъ, онъ сдѣлалъ, надо думать, соответствующее умозаключеніе, побудившее его нарушить свой покой послѣ утомительнаго труда.

Случилось наблюдать въ другой разъ, что тотъ же крестовикъ снялъ свою тенету за исключеніемъ нѣсколькихъ нитей и исчезъ. Оказалось, что это было, какъ и въ прежнемъ наблюденіи, цѣлесообразно, такъ какъ подулъ сильнѣйшій вѣтеръ и все равно снесъ бы паутину. На слѣдующій день въ 3¹/₂ ч. паукъ появился вновь изъ своего логовища. Онъ натянулъ нѣсколько основныхъ нитей, затѣмъ провелъ лучи, приготовилъ центральное сидѣніе и сталъ, какъ полагается, проводить поперечныя перекладины, однако въ данномъ случаѣ предварительно на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Дойдя до периферіи, онъ началъ заполнять промежутки, при чемъ провелъ въ каждомъ изъ нихъ еще 3 или 4 нити слѣва направо по спирали. Какъ объяснить, что одинъ и тотъ же паукъ, не измѣняя типа постройки, возводитъ ее двумя способами, если не допускать вмѣшательства психики въ дѣло строительства? Работа шла въ данномъ случаѣ такимъ образомъ, что паукъ, двигаясь впередъ на шести парахъ ногъ, задними ташилъ паутинную нить, при чемъ хваталъ ее то одной, то другой лапой, какъ люди перебираютъ руками, когда собираютъ канатъ; до своихъ паутинныхъ бородавокъ онъ на этотъ разъ не дотрогивался. Когда паукъ доходилъ до лучевой паутинки и надо было перейти ее, онъ, какъ всегда при строеніи тенеты, останавливался на 1—2 секунды, прикасался къ ней концомъ своего брюшка, точнѣе паутинными бородавками и, припечатавъ крестообразно новую нить, шелъ дальше до слѣдующаго луча, гдѣ дѣлалъ то же самое и т. д. Круги становились такимъ образомъ въ радіусѣ все меньше и меньше, пока вся постройка не была закончена.

Однажды, въ 10 ч. утра я вырѣзалъ въ большой прекрасной тенетѣ крестовика ножницами всю центральную часть ея, такъ что изъ спавшихся остатковъ ловушки получилось широкое кольцо снаружи и обширное пустое пространство внутри. Въ 4 ч. пополудни къ мѣсту отсутствующаго центра паукъ провелъ нѣсколько лучевыхъ нитей и засѣлъ на нихъ на солнцепекѣ. Въ 6 часовъ онъ находился уже на новой тенетѣ, которую въ мое отсутствіе построилъ внутри кольца. Тенета получилась значительно меньше прежней по размѣрамъ внутри кольца, при чемъ

паукъ не позаботился о томъ, чтобы не пропали напрасно остатки старой ловушки—теперь кольца—а оставилъ ихъ на мѣстѣ, такъ что вся постройка пріобрѣла нѣсколько своеобразный видъ.

Какъ-то случилось, что я у другого *Er. diadema* нечаянно сорвалъ нѣсколько нитей тенеты, такъ что послѣдняя съ краю спалась. Паукъ испуганно отбѣжалъ съ центральной площадки въ сторону, но сейчасъ же возвратился и опять замеръ въ неподвижности головою внизъ. Часа черезъ два, уже въ сумерки, онъ очнулся, принялся, нѣсколько отступя, на новомъ мѣстѣ строить почему-то другую ловушку. Прежде всего онъ натянулъ по обыкновенію звѣздообразно радіальныя паутинки, укрѣпляя ихъ къ болтавшемуся въ центрѣ клочку паутиннаго вещества и къ старымъ нитямъ, шедшимъ по разнымъ направленіямъ, а также къ стѣнѣ, потомъ сталъ проводить нить по спирали отъ центра къ периферіи довольно быстро. Во время этой работы онъ пользовался главнымъ образомъ задними ногами, которыми и тащилъ, и скрѣплялъ, и натягивалъ нити. Движенія паука впередъ въ общемъ стояли въ связи съ успѣхами работы заднихъ ногъ. При проведеніи поперечныхъ перекладинъ пауку приходилось производить весьма сложныя, часто по истинѣ акробатическія движенія. Чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ разстояніе между поперечными нитями, какъ водится, становилось больше. Иногда паукъ и въ этотъ разъ теръ себя задней ногой по брюшку, что видимо облегчало выдѣленіе содержимаго паутинныхъ железъ. На изготовленіе тенеты потребовалось 30 мин., затѣмъ паукъ успокоился и засѣлъ въ центрѣ новой ловушки.

На утро, когда онъ неподвижно отдыхалъ на своемъ мѣстѣ головою внизъ, я тронулъ его, но при этомъ нечаянно опять порвалъ одну изъ лучевыхъ нитей. Животное моментально упало на 5—10 сант. внизъ и повисло на паутинкѣ, но сейчасъ же забарахталось, ухватило за сосѣдную нить, затѣмъ пустилось бѣжать на стѣнку, но черезъ нѣкоторое время снова возвратилось на прежнее мѣсто. Съ этого момента оно сидѣло на своей площадкѣ часами въ неподвижности, только изрѣдка, какъ бы просыпаясь, приподымалось на ноги и потягивалось; при этомъ потреть себѣ ноги, напр., двѣ переднія правыя одну о другую, почистится и снова прижметъ къ тенетѣ. Поврежденіе ловушки въ скоромъ времени оказалось исправленнымъ.

Утромъ я замѣтилъ новую тенету, построенную нѣсколько

ниже и въ сторонѣ; очевидно, крестовикъ старую снялъ какъ негодную или ее снесло вѣтромъ. Самъ онъ сидѣлъ въ углу подъ прикрытіемъ и терпѣливо ждалъ добычи. Въ 10¹/₂ ч. утра на тенету налетѣла мушка, размѣрами чуть меньше комнатной; одинъ моментъ—и она была въ лапахъ паука, который тотчасъ же сталъ обволакивать ее паутиной по всѣмъ направленіямъ, но не прикрѣпляя къ мѣсту, а напротивъ отдѣляя, и надо сказать—отдѣлилъ ее очень удачно, почти не порвавъ постройки. Когда обволакиваніе окончилось, паукъ потащилъ муху на площадку, держа ее челюстями за брюшко и все время стараясь не зацѣпить насѣкомымъ гдѣ-нибудь за натянутыя нити. Такъ какъ итти было далеко, а насѣкомое тяжелое, то паукъ сообразилъ закинуть его на паутинкѣ себѣ на спину и дальше уже несъ такимъ оригинальнымъ способомъ. Когда онъ уже на мѣстѣ насытился и сбросилъ муху, я порвалъ нить, идущую къ краю тенеты: животное моментально упало на ¹/₂ метра, повисло, но сейчасъ же взбѣжало обратно. Черезъ 4 мин. паукъ ушелъ и спрятался въ своемъ логовищѣ невдалекѣ. Черезъ 3 часа онъ исправилъ поврежденіе своей ловушки.

Въ банкѣ, коробкѣ и т. п. искусственной обстановкѣ *Ereignidae* не строятъ настоящихъ круготенетъ, а дѣлаютъ постройку неправильную, но цѣлесообразную при новыхъ условіяхъ жизни—обстоятельство, говорящее отчасти противъ полнаго отсутствія у пауковъ пониманія цѣли при ихъ строительствѣ.

Однажды я бросилъ въ банку двѣ спички и туда же посадилъ крестовика. Паукъ сейчасъ же провелъ нити по разнымъ направленіямъ, но такъ какъ банку часто брали въ руки и спички, падающія изъ стороны въ сторону, сотрясали и портили паутинную сѣть, то онъ скоро нашелъ способъ къ устраненію причины безпокойства: онъ привязалъ паутинками накрѣпко концы спичекъ ко дну банки. Дѣйствіе это удивительно по своей разумности!

Чтобы покормить *Er. diadema*, сидѣвшаго на красиво растянутой надъ моимъ окномъ тенетѣ, я сталъ набрасывать на нее маленькихъ 3—4 дневныхъ паучковъ вмѣстѣ съ паутинными точками, на которыхъ тѣ висѣли. На какое бы мѣсто тенеты я ни кидалъ паучковъ, сотрясеніе ея и движеніе крохотныхъ животныхъ сейчасъ же достигало органовъ чувствъ крестовика. Видно было, какъ тотъ всякій разъ приходилъ въ волненіе, бы-

стро настораживался и поспѣшно обслѣдовалъ ножками радіальныя нити, замѣчалъ измѣненіе въ ихъ натяженіи и вибраціи. Сразу уясняя себѣ направленіе пути, онъ бросался къ мѣсту происшествія, съ необычайной быстротой хваталъ жертву и закручивалъ ее паутинками. Если паучокъ, спасаясь, падалъ на нити въ одинъ или нѣсколько пріемовъ, хозяинъ тенеты бросался по слѣдамъ его къ мѣсту прикрѣпленія поддерживающей нити и найдя хваталъ и дергалъ ее; въ другихъ случаяхъ онъ отрывалъ нить и тогда паучокъ падалъ прямо внизъ. Иногда Ereiga повторно трясъ тенету, сгоняя неожиданныхъ гостей, при этомъ замѣчательно ловко, быстро и поочереди перебиралъ нити, обслѣдуя ихъ лапками. Что бросаемая пауку животныя находились предварительно въ парахъ гвоздичнаго масла, которымъ не могли не пропахнуть, на это онъ не обратилъ вниманія. Нетрудно было вообще убѣдиться, что не зрѣніемъ, не слухомъ, не обоняніемъ руководствовался хозяинъ тенеты въ опредѣленіи направленія, куда бѣжать, а осязаніемъ и вибраціоннымъ чувствомъ.

Опредѣлять направленіе было для паука, повидимому, далеко не простымъ дѣломъ: онъ неоднократно бросался не въ ту сторону, куда надо было, и ничего не найдя, возвращался назадъ или, подбѣжавъ уже къ пойманному и закрученному паучку, шупаль его обѣими передними лапами или одной только правой ногой и неправильно рѣшивъ, что тревога напрасна, успокоивался и уходилъ. Если бы паукъ хорошо видѣлъ и имѣлъ нѣсколько лучшую память, онъ такихъ ошибокъ не дѣлалъ бы. Случалось, что паукъ немного спустя спохватывался и принималъ правильное рѣшеніе; онъ исправлялъ свою ошибку новымъ дѣйствіемъ, какъ бы получивъ черезъ органы чувствъ болѣе точныя свѣдѣнія, куда слѣдуетъ направиться, что дѣлать. Крестовикъ, скрутивъ въ одинъ моментъ паутинками перваго брошеннаго ему на тенету паучка, отнесъ его на центральную площадку, гдѣ и сталъ сосать; вторымъ и третьимъ онъ закусывалъ на мѣстѣ, гдѣ поймалъ ихъ. Я бросалъ все новыхъ и новыхъ. Паукъ, не выпуская изъ челюстей добычу, бѣжалъ къ мѣсту тревоги, схватывалъ ножками и шупальцами брошеннаго ему паучка и почти моментально тутъ же закручивалъ, такъ что скоро вся тенета оказалась усыянной мертвыми тѣлами. Утомившись ловлей и покормившись вдоволь, онъ расположился отдыхать. На утро остатки отъ вчерашней обильной трапезы оказались сбро-

шенными, а нѣсколько пострадавшая тенета исправленной, такъ что она имѣла даже видъ заново изготовленной.

Я повѣсилъ однажды на тенету, принадлежащую *Er. diadema*, довольно крупнаго паука этого же вида, завернувъ его предварительно въ легкій слой ваты. Хозяинъ тенеты сперва испуганно отбѣжалъ въ противоположную сторону, потомъ возвратился на центральную площадку, подергалъ и встряхнулъ нѣсколько разъ нити, идущія къ ватѣ, и, видимо успокоившись, отошелъ на свое мѣсто, перевернулся головою внизъ и задремалъ. Такъ какъ вѣтеръ колыхалъ вату, и вся тенета подъ тяжестью ея нѣсколько разслабла и покривилась, то крестовикъ минуты черезъ двѣ повторилъ испытаніе нитей и видимо сдѣлалъ прежнее умозаключеніе о достаточной прочности ихъ, по крайней мѣрѣ опять возвратился на мѣсто и заснулъ. Просидѣвъ напрасно цѣлый часъ въ ожиданіи, что паукъ примется, наконецъ, за удаленіе ваты, я рѣшилъ принудить его къ труду приближеніемъ къ ней звучащаго камертона. Это подѣйствовало сразу: животное, бросившись по направленію къ шуму, приступило къ дѣлу. Такъ какъ при работѣ лапки крестовика непосредственно мертваго тѣла не касались, то паукъ не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ опасенія, хотя слой ваты былъ настолько тонокъ, что черезъ него можно было отлично видѣть, что собственно находилось внѣтри. Удаляя вату, паукъ тщательно оберегалъ все тѣ нити, которыя только можно было при данныхъ условіяхъ сохранить въ цѣлости и которыя служили остономъ всей постройки. Но вотъ упавшая было вата въ нижней части тенеты вновь зацѣпилась и запуталась. Паукъ немедленно направился туда и удалилъ ее съ сильнымъ нарушеніемъ цѣлости постройки и затѣмъ къ моему удивленію началъ рвать паутинки безъ всякой пощады. Онъ какъ бы убѣдился послѣ всего случившагося въ непригодности ловушки въ такомъ видѣ и сталъ разрушать на пути своемъ вверхъ нити одну за другой съ чрезвычайной энергіей. Во время такой работы разрушенія тѣ нити, которыя крестовикъ не въ силахъ былъ порвать лапами, онъ переносилъ въ ротъ и перекусывалъ или срѣзалъ челюстными крючьями. Унося съ собою намотанную на щупальцы и ноги паутину и захвативъ по дорогѣ въ челюсти большаго комара — долгоножку (*Tipula*), случайно прилипшаго къ тенетѣ, паукъ, нагруженный такимъ образомъ, побѣжалъ вверхъ по одной изъ длинныхъ уцѣлѣвшихъ нитей и скрылся

въ углу. Вечеромъ онъ вновь спустился, снялъ остальные нити, а на утро на томъ же мѣстѣ оказалась построенной новая прекрасная ловушка.

На одну изъ тенетъ, въ то время какъ на ней сидѣлъ *Er. diadema*, я повѣсилъ мертваго паука того же вида, но по размѣрамъ въ три раза меньшаго. Хозяинъ тенеты яростно бросился на него и вдругъ испуганно отскочилъ. Немного спустя, онъ сталъ осторожно подходить и трогать мертваго паука передними конечностями, обошелъ его кругомъ, порвалъ нѣсколько нитей, приблизился и снова отшатнулся; наконецъ, какъ бы убѣдившись въ своей безопасности, принялся удалять его, какъ всякое инородное тѣло, хотя еще всякій разъ, когда касался его лапками, вздрагивалъ пугливо. Его пугало и качаніе тенеты отъ дуновенія вѣтра и случайный шумъ вблизи; онъ то и дѣло приостанавливалъ свою работу и настораживался. За время работы по удаленію мертваго тѣла онъ старался держаться на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, при чемъ былъ всегда самоувѣреннѣе, когда рвалъ нити на нѣкоторомъ отдаленіи, чѣмъ когда нечаянно или намѣренно дотрогивался до мертваго. Тутъ въ процессѣ узнаванія слуховыя воспріятія совершенно отсутствовали; только осязаніе и зрѣніе вело къ умозаключенію опредѣленнаго характера и къ соответствующимъ дѣйствіямъ.

При провѣркѣ этого наблюденія оказалось, что одни пауки того или иного вида въ отношеніи къ своимъ мертвымъ смѣлѣе, другіе трусливѣе при прочихъ равныхъ условіяхъ; многіе осторожны лишь въ самый первый моментъ. Иногда при удаленіи мертваго животнаго паука обнаруживаетъ ту же тактику, какъ и при нападеніи на крупное живое насѣкомое: выжиданіе и затѣмъ внезапное нападеніе. Огромное большинство относится однако совершенно безразлично къ тому, что передъ нимъ: мертвый ли паукъ или иное какое-нибудь инородное тѣло.

На тенету взрослога *Er. diadema* я положилъ однажды въ 1 ч. 23 м. дня осторожно пинцетомъ на разстояніи $1\frac{1}{2}$ сант. отъ центра небольшую муху. Отдыхавшій рядомъ на солнышкѣ крестовикъ въ одинъ моментъ бросился на нее и жадно впился челюстями въ ея голову. Быстро прикрѣпилъ онъ передній и задній конецъ тѣла насѣкомаго паутинками къ лучевой нити и затѣмъ всѣми четырьмя парами ногъ сталъ катать муху вокругъ ея собственной продольной оси. Если я по причинѣ чрезвычай-

ной быстроты движеній не ошибся въ счетѣ, было сдѣлано съ замѣчательной ловкостью 20 оборотовъ, и настѣкомое оказалось накрѣпко запеленутымъ поперечными оборотами паутинныхъ нитей. На этотъ актъ потребовалась всего 1 мин. времени. Муха теперь не могла двигаться, и паукъ порвалъ временную паутинную связь ея головного и брюшного конца съ тенетной, умѣло схватилъ челюстями за голову и понесъ на центральную площадку, гдѣ, принявъ свою любимую позу, успокоился. Въ 1 ч. 45 мин. прервалъ сосаніе, зашевелился и взялъ муху за другое мѣсто головы. Кормясь, онъ держался за тенету главнымъ образомъ задними ногами, изрѣдка переминая другими. Минуть черезъ 5 онъ отошелъ нѣсколько въ сторону, но сейчасъ же возвратился и взялся опять за новое мѣсто—за грудь сверху. Въ 2 ч. и 15 м. вдругъ приблизилась къ тенетѣ крохотная мушка (около 2 мм. длиною) и ударилась о паутину въ 6,5 сант. разстоянія отъ паука. Крестовикъ, уже давно сидѣвшій въ полной неподвижности, съ необычайной стремительностью оставилъ муху и ринулся на новую жертву, схватилъ ее моментально и почти также быстро опеленалъ ее въ 10 оборотовъ ближайшими паутинками на той же лучевой нити, гдѣ поймалъ и умертвилъ. Вращался по обыкновенію самый объектъ пеленанія. Сдѣлавъ свое дѣло въ $\frac{1}{2}$ мин., паукъ побѣжалъ назадъ къ прежней своей жертвѣ, вцѣпился ей снова въ грудь и сталъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжать сосаніе. Въ 2 ч. 30 м. паукъ, насытившись, отошелъ на $1\frac{1}{2}$ сант. въ сторону, откуда нѣсколько разъ, какъ бы играя, сперва подкрадывался, потомъ вдругъ набрасывался на свою жертву—актъ, напоминавшій собой игру кошки съ мышкой и повторившійся за 5 мин. 3 раза. Въ 2 ч. 35 м. паукъ, вцѣпившись въ свѣжее мѣсто мухи—въ грудь, опять сталъ сосать ее, потомъ постепенно перешелъ на брюшко. Въ 4 ч. 30 м. мухи на тенетѣ уже не было: паукъ сбросилъ ее и спокойно сидѣлъ на мѣстѣ одинъ со вздувшимся отъ обильной пищи брюшкомъ.

На другой день въ 2 ч. 50 мин. я положилъ на тенету комнатную муху съ перевязанной ниткой головой. Паукъ, сидѣвшій посрединѣ, тотчасъ встряхнулъ нѣсколько разъ свою постройку, затѣмъ упалъ головой внизъ на подоконникъ, гдѣ, несмотря на то, что муха все время билась, оставался сидѣть до 3-хъ час. 10 м., неподвижно держась задней правой ногой за связывающую

его съ ловушкой паутинную нить. Но вотъ паукъ очнулся, быстро взбѣжалъ на тенету, остановился на полпути, затѣмъ опять двинулся впередъ, но уже осторожнѣе, то и дѣло сосредоточивая вниманіе поднятіемъ переднихъ конечностей и неоднократно встряхивая ловушку, наконецъ, какъ бы собравшись съ духомъ, вдругъ впился челюстями въ голову мухи и одновременно сильно заработалъ ногами; ими онъ окутывалъ едва шевелившееся насѣкомое паутиной, при чемъ выпускалъ ее въ такомъ обильномъ количествѣ, что сразу образовалась вокругъ насѣкомаго густая, бѣлая пелена. Трясеніе паукомъ своей ловушки въ самый моментъ опусканія на нее мухи казалось несомнѣнно автоматическимъ, но послѣдующія повторныя встряхиванія представлялись явно активными, направленными къ опредѣленной, познаваемой животнымъ, цѣли. При окутываніи мухи паутинной пеленой паукъ крутилъ насѣкомое такъ, что нитка, которой перевязана была голова и которая торчала своими концами въ разныя стороны, свертывалась, что было цѣлесообразно, но происходило, надо думать, случайно. Дальнѣйшая работа паука заключалась въ осторожномъ изолированіи мухи отъ тенеты, отрываніи задерживающихъ паутинокъ, скрѣпленіи порванныхъ лучевыхъ нитей и пр. Въ 3 ч. 20 м. паукъ отдѣлил наконецъ насѣкомое и понесъ, но оно упало на другое мѣсто и запуталось. Онъ принялся было опять отдѣлять муху, но скоро оставилъ свое намѣреніе и сталъ сосать ее на мѣстѣ. Сосалъ онъ долго, рѣдко мѣнялъ позу и мѣсто, за которое держалъ добычу.

На брошеннаго въ ловушку комара-долгоножку (*Tipula*) паукъ сейчасъ же напалъ и, сравнительно быстро высосавъ, удалилъ, а образовавшееся въ тенетѣ отверстіе задѣлалъ, перенося паутинную нить на лапкахъ съ одного мѣста на другое.

Какъ-то на моихъ глазахъ на совершенно новую тенету упала и запуталась въ самомъ центрѣ ея пустая куколка какого-то насѣкомаго. Паукъ сейчасъ же занялся удаленіемъ ея и черезъ нѣсколько минутъ сбросилъ. Немного спустя упала на тенету тоненькая вѣточка, длиною въ 0,8 сант., и зацѣпилась. Сидѣвшій головою внизъ крестовикъ сейчасъ же почувствовалъ сотрясеніе, подбѣжалъ къ новому инородному тѣлу и занялся удаленіемъ его и въ данномъ случаѣ работалъ только челюстями и щупальцами. Минуты черезъ полторы все было готово: паукъ схватилъ вѣточку за конецъ, поднялъ ее и ки-

нуль внизъ, при чемъ по напряженію силъ видно было стараніе со стороны животнаго сбросить вѣточку такъ, чтобы она второй разъ не зацѣпилась. Послѣ этого паукъ сейчасъ же ушелъ на свое мѣсто и вновь задремалъ. Въ теченіе цѣлаго дня ему не удалось изловить ни одного насѣкомаго.

Когда однажды паукъ строилъ на окнѣ моей комнаты себѣ тенету съ радіусомъ 7 сант. и уже кончалъ дѣло, я бросилъ на нее бѣлую шерстяную нитку 5 сант. длиною. Паукъ немедленно оставилъ работу и отбѣжалъ на центральную площадку и отсюда, ухватившись лапками и челюстями, сталъ сильно трясти ловушку; однако нитка не падала. Тогда крестовикъ побѣжалъ къ самому краю ловушки, гдѣ собственно и находилась брошенная нитка, и принялся удалять ее непосредственно. Дѣло было трудное: приходилось лапками и челюстными крючьями отдѣлять нитку и въ то же время по возможности щадить ткань всей постройки, и онъ въ одномъ мѣстѣ рвалъ отдѣльныя паутинки, въ другомъ сейчасъ же скрѣплялъ свободные концы ихъ. Началъ онъ работу съ одного конца нитки и шелъ постепенно къ другому, при чемъ уже отдѣленную часть приходилось постоянно держать такъ, чтобы она не коснулась тенеты, приподымать и отталкивать, что требовало напряженія силъ, ловкости, умѣнья. Когда такимъ образомъ нитка вся была отдѣлена, паукъ схватилъ ее за нижній конецъ, приподнял и сбросилъ внизъ, но неудачно: она вновь зацѣпилась, но уже въ нижнемъ сегментѣ тенеты. Крестовикъ постоялъ на мѣстѣ, посмотрѣлъ и затѣмъ отправился въ центръ ловушки къ себѣ на покой. Онъ былъ крайне утомленъ почти часовой работой по изготовленію постройки и 20-ти-минутной по отдѣленію нити и сильно нуждался въ отдыхѣ.

Утромъ я замѣтилъ на окнѣ новую тенету того же паука съ радіусомъ въ 10 сант. Она была на другомъ мѣстѣ, ниже прежняго, гдѣ наканунѣ дождь и вѣтеръ разрушилъ всю паутинную постройку. Въ 12 ч. 50 мин. пополудни я повѣсилъ на тенету синюю нитку $7\frac{1}{2}$ сант. длиною. Минуть черезъ 5 паукъ выбѣжалъ изъ-за края оконной рамы, бросился прямо къ ниткѣ и тотчасъ же занялся удаленіемъ ея своимъ обычнымъ способомъ. Три раза падала она и столько же разъ запутывалась снова; тѣмъ не менѣе черезъ 5 мин. нитка была сброшена. На этотъ

разъ было отлично видно, какъ паукъ, обрывая ту или другую лучевую паутинку, крѣпко держалъ периферическую часть ея лапкой и, чтобы постройка не спалась, проводилъ отъ оторванной паутинки сейчасъ же продолженіе къ центру, гдѣ и закрѣплялъ ее. Такихъ лучевыхъ нитей онъ исправилъ быстро 3, но поперечныхъ не натягивалъ. Покончивъ работу, онъ засѣлъ на центральной площадкѣ и оставался тамъ до 1 ч. 15 мин., когда убѣжалъ въ уголъ окна, въ свое любимое мѣсто и спрятался тамъ очевидно въ ожиданіи добычи. Паукъ все время держалъ въ своихъ лапахъ 2—3 паутинныхъ нити, идущія отдѣльно отъ центра и не соприкасающіяся съ тенетой, но ждалъ онъ напрасно. При солнечномъ свѣтѣ тенета была слишкомъ видна пролетающимъ насѣкомымъ, и они не падали въ нее.

На другой день въ 1 ч. 10 м. пополудни я повѣсилъ на тенету такую же шерстяную нитку, но краснаго цвѣта. Паукъ, не смотря на крайнюю съ моей стороны осторожность, сейчасъ же сталъ сильно трясти ловушку. Успокоившись, онъ посидѣлъ нѣкоторое время въ своей обычной позѣ головою внизъ, затѣмъ убѣжалъ въ уголъ переплета оконной рамы. Нитка осталась на мѣстѣ. Въ 2 ч. 50 м. я повѣсилъ на тенету еще одну нитку, но зеленого цвѣта. Паукъ оставался въ своемъ убѣжищѣ безъ движенія и не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія. Только въ 3 ч. 40 м. онъ вышелъ изъ своего темнаго угла. На полпути отъ края тенеты къ ея центру онъ встряхнулъ ее, пощупалъ лучевыя паутинки, съ которыми какъ разъ соприкасались брошенныя цвѣтныя нитки и успокоившись засѣлъ на центральной площадкѣ, а черезъ 5 мин. ушелъ въ свой уголъ. Въ 4 ч. паукъ встрепенулся, побѣжалъ, но тревога оказалась напрасной. Онъ возвратился и хотѣлъ было опять вздремнуть, но въ это время вѣтромъ качнуло красную нитку, которая ударила концомъ объ одну изъ лучевыхъ паутинокъ. Паукъ вздрогнулъ, повернулся и побѣжалъ къ этой красной ниткѣ и сталъ быстро отдѣлять ее, пока не сбросилъ. Падая, она опять зацѣпилась, но уже въ нижней части тенеты, гдѣ очевидно не мѣшала пауку; по крайней мѣрѣ онъ оставилъ ее, сейчасъ же возвратился къ центру и усѣлся на покой, но предварительно провѣрилъ прочность паутинокъ, идущихъ къ зеленой ниткѣ. Въ 4³/₄ ч. паукъ безъ всякой видимой причины удалился. Въ 8 ч. вечера, когда я возвратился къ продолженію наблюденія, красная нить была уже сброшена, но зе-

леная оставалась на своемъ мѣстѣ. Паукъ отсутствовалъ. Въ 10 ч. вечера онъ принялся удалять зеленую нитку, пока не сбросилъ ее, на что потребовалось очень немного времени. По окончаніи работы онъ сейчасъ же принялся за починку тенеты, хотя было уже почти темно.

Въ 6 ч. вечера я повѣсилъ узенькую бумажную бѣлую полосу. Вслѣдствіе неизбѣжнаго при этомъ сотрясенія ловушки паукъ бросился было впередъ, но, завидя незнакомый предметъ, шархнулъ назадъ, сошелъ съ тенеты и спрятался въ уголъ. Просидѣвъ тамъ $\frac{3}{4}$ ч., онъ отправился на осмотръ обезпокоившаго его предмета и, дойдя до центра тенеты, сталъ всю ее сильно трясти, очевидно, чтобы сбросить бумажную ленточку. Когда это къ цѣли не привело, онъ осторожно приблизился и, обслѣдовавъ предметъ, началъ его удалять. Тутъ мнѣ представилась возможность лишній разъ прослѣдить весь ходъ работы паука. Крестовикъ хваталъ и рвалъ только тѣ нити, которыя дѣйствительно задерживали паденіе, и шадилъ все, что можно или надо было пощадить. Когда бумажная ленточка, вслѣдствіе зигзагообразной изогнутости, падая, цѣплялась за новыя ниже-проходящія нити, паукъ сейчасъ же знакомился съ положеніемъ дѣла и приступалъ къ устраненію препятствія, оттягивая одни паутинки, отрывая другія; оторванную онъ придерживалъ задней ногой, пока передними конечностями не завершалась другая работа. Животное вообще поразительно ловко разбиралось въ перепутанныхъ паутинкахъ съ помощью крючьевъ на ногахъ и челюстяхъ и работало очень усердно, пока не достигло намѣченной цѣли.

Въ 7 ч. вечера я порвалъ въ одномъ мѣстѣ тенету: паукъ бросился въ бѣгство, спрятался въ углу оконной рамы и замеръ тамъ въ неподвижности до 8 ч., когда отправился на осмотръ и изслѣдованіе своей постройки. Что онъ при изслѣдованіи переживалъ умственный процессъ въ какой бы то ни было степени и критически относился къ положенію дѣла было видно по медлительности и осторожности хожденія по спавшимся нитямъ и новымъ дорогамъ, по остановкамъ въ мѣстахъ дѣйствительно поврежденныхъ, по дотрогиванію щупальцами и лапками къ встрѣчавшимся сверткамъ паутины, наконецъ по подергиваніямъ нѣкоторыхъ паутинныхъ нитей. Послѣ всего этого онъ пошелъ къ мушкѣ, которую еще въ полдень укрѣпилъ на

тенетѣ, но не тронулъ ее, а постоявъ рядомъ, повернулся и ушелъ на свое старое мѣсто на переплетъ оконной рамы. Черезъ $\frac{1}{2}$ ч., видимо проголодавшись, онъ направился прямо къ заготовленной пищѣ, мѣсто нахождения которой очевидно помнилъ, и быстро уничтожилъ содержимое насѣкомаго. Возвращаясь обратно, паукъ вдругъ замѣтилъ, что около тенеты опять летаетъ крохотная мушка, но та была свѣтлая, эта—темная. Онъ насторожился, бросился въ одну сторону, потомъ въ другую, но мушка не далась и попытку схватить ее пришлось оставить.

Въ 10 ч. вечера, когда паукъ по обыкновенію спалъ на своей центральной площадкѣ, я повѣсилъ бумажную полоску 11 сант. длиною на этотъ разъ спирально изогнутую, такъ что она переплелась съ паутинными нитями на всемъ поперечникѣ тенеты и, казалось, была неудаима безъ сильнаго поврежденія всей постройки. Испуганный паукъ не упалъ на нити, какъ я ожидалъ, а побѣжалъ въ сторону и въ отдаленіи застылъ въ неподвижности. Однако уже черезъ $\frac{1}{2}$ ч. онъ принялся убирать бумажку. Потративъ на это 30 мин. и утомившись изрядно, онъ принужденъ былъ однако оставить работу. На утро бумажная лента оказалась сброшенной, а тенета почти цѣликомъ изготовлена заново болѣе крѣпко и прочно. Въ $9\frac{1}{2}$ ч. утра я повѣсилъ на нее ту же полоску, но въ такомъ положеніи, чтобы снять ее окончательно не было никакой возможности. Когда я вторично клалъ ее, находившійся теперь въ углу паукъ бросился было оттуда на тенету, встряхнулъ ее, но сейчасъ же убѣжалъ. Вечеромъ крестовикъ сидѣлъ въ центрѣ ловушки, а бумажная полоска висѣла на своемъ мѣстѣ. Утромъ слѣдующаго дня оказалось, что она сброшена, а тенета изготовлена заново, но такъ, что въ ней не доставало цѣлаго сегмента. Невольно думалось, что пауку не хватило паутиннаго матеріала закончить постройку.

На прекрасную, совершенно новую другую тенету я положилъ въ $9\frac{1}{2}$ ч. утра клочокъ ваты. Крестовикъ испуганно отбѣжалъ въ сторону, но не далеко, сейчасъ же возвратился и сталъ трясти свою постройку, при чемъ слѣдуетъ шагъ, другой, потрясетъ и ждетъ, потомъ такимъ же образомъ повторить это дѣйствіе и такъ неоднократно. Ожидаемаго животнымъ эффекта однако не послѣдовало. Тогда паукъ сталъ встряхивать отдѣльно каждую лучевую нить поочереди и такъ нѣсколько разъ подрядъ. Видимо убѣдившись въ бесполезности обоого рода встряхиваній,

паукъ принялся за удаленіе ваты обычнымъ порядкомъ, что было дѣломъ далеко не легкимъ въ виду рыхлости ея. Онъ сжималъ, скручивалъ и отдѣлялъ отъ паутины торчашія во всѣ стороны волокна ваты и повидимому стремился предотвратить новое паденіе, работалъ быстро и ловко и лапками, и щупальцами, и челюстями, проводя между прочимъ часто кончики ногъ черезъ ротовое отверстіе... Отдыхалъ онъ рѣдко и очень мало, но работа подвигалась впередъ медленно. Впрочемъ, черезъ $\frac{1}{2}$ ч. вата была сброшена.

На этомъ я кончу. Мнѣ думается—всего вышеизложеннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что психика у паукообразныхъ животныхъ отличается вообще большимъ разнообразіемъ и достигаетъ у высшихъ представителей высокой степени развитія. Правда, объемъ и степень сознанія даже у высшихъ формъ при сравненіи съ таковыми у человѣка ограничены до крайности, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы психика этого класса паукообразныхъ представляла мало поучительнаго и интереснаго. Безъ сомнѣнія, она требуетъ детальнаго и всесторонняго изученія. За это трудное дѣло я не брался. Моя цѣль была уяснить самому себѣ и дать интересующемуся читателю нѣкоторые руководящія пути къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ.

Э. В. Эриксонъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Н. Д. Виноградовъ. Философія Давида Юма. Ч. I. Теоретическая философія Д. Юма. Москва, 1906.

Изслѣдованіе Н. Д. Виноградова «Философія Давида Юма» посвящено изложенію и оцѣнкѣ воззрѣній мыслителя, сыгравшаго огромную роль въ исторіи новѣйшей философіи и тѣмъ не менѣе, по странной несправедливости судьбы, сравнительно мало привлекавшаго къ себѣ вниманіе историковъ. Не только въ русской философской литературѣ мы не находимъ широкихъ спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ философіи Юма, ихъ оказывается довольно мало и въ европейской литературѣ. Соотвѣтственно этому и значеніе Юма и даже основной смыслъ его философскихъ взглядовъ нельзя еще считать окончательно и всесторонне выясненными. Поэтому нельзя не привѣтствовать появленія у насъ основательнаго и ученаго труда, пытающагося освѣтить генезисъ и внутреннее содержаніе идей одного изъ оригинальнѣйшихъ философовъ, какихъ знаетъ человѣческая исторія.

Н. Д. Виноградовъ пока напечаталъ только первую часть своего сочиненія, въ которой разсматривается теоретическая философія Юма. Предметъ второй части составитъ моральная философія Юма и его взгляды въ области философіи религіи. Изданная Н. Д. Виноградовымъ работа начинается съ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о Д. Юмѣ, при чемъ авторъ старается прослѣдить его умственный ростъ, останавливается на важнѣйшихъ моментахъ его жизни и въ заключеніе даетъ живой образъ его характера и личности. Затѣмъ (гл. II) онъ об-

Вопросы философіи, кн. 83.

ращается къ произведеніямъ Юма, относящимся къ теоретической философіи, при чемъ сосредоточиваетъ особенное вниманіе на вопросъ и взаимномъ отношеніи между «Трактатомъ о человѣческой природѣ» и «Исслѣдованіемъ о человѣческомъ пониманіи». Въ третьей главѣ авторъ разсматриваетъ генезисъ теоретической философіи Юма, обсуждаетъ вопросъ объ отношеніи Юма къ античной философіи и къ рационалистической философіи новаго времени и особенно останавливается на ближайшихъ предшественникахъ Юма въ Англіи: Бэконѣ, Гоббсѣ, Локкѣ и Беркли. Въ связи съ этимъ онъ опредѣляетъ задачу теоретической философіи Юма и характеризуетъ ея методъ. Въ четвертой главѣ онъ разсматриваетъ психологическія предпосылки Юма, въ пятой его гносеологическія воззрѣнія и въ шестой — важнѣйшія метафизическія проблемы, затрагиваемыя въ теоретической философіи Юма: о пространствѣ и времени, о внѣшнемъ мірѣ, о душѣ. Въ этихъ главахъ онъ внимательно выдвигаетъ связь Юма съ его предшественниками, особенно въ вопросѣ о законѣ причинности (гл. V). Седьмая глава посвящается принципиальному вопросу о скептицизмѣ Юма. Въ ней авторъ доказываетъ, что Юмъ вовсе не былъ защитникомъ полного или абсолютнаго скептицизма, — онъ являлся скорѣе сторонникомъ скептицизма смягченнаго или *академической философіи*, которая воздерживается отъ чрезмѣрныхъ догматическихъ утвержденій и пытается установить опредѣленные границы для философскихъ изслѣдованій. Напротивъ, абсолютный скептицизмъ, по Юму, находитъ себѣ непобѣдимую препону въ требованіяхъ и вѣрованіяхъ практической жизни.

На этомъ кончается первый отдѣлъ разсматриваемой работы. Въ ея второмъ отдѣлѣ изображается историческая судьба важнѣйшихъ философскихъ концепцій Юма. Этотъ отдѣлъ состоитъ изъ двухъ обширныхъ главъ. Въ первой главѣ авторъ разсматриваетъ критическое отношеніе къ выводамъ Юма философъ здраваго смысла—Т. Рида, Дж. Битти, Т. Брауна и др., излагаетъ критику Юмовскаго ученія о причинности у Мэнъ де Бирана и подвергаетъ внимательному анализу вопросъ о вліяніи Юма на Канта. Во второй главѣ разсматривается положительное отношеніе къ принципамъ Юмовской философіи у нѣкоторыхъ мыслителей новѣйшаго времени, — Дж. С. Милля, О. Конта, Э. Лааса, Ф. Паульсена, представителей имманентной философіи,

Р. Авенариуса, Э. Маха. Авторъ не настаиваетъ, чтобы всѣ эти писатели прямо заимствовали свои взгляды у Юма, онъ только справедливо отмѣчаетъ несомнѣнное совпаденіе многихъ ихъ выводовъ съ воззрѣніями Юма, а также ихъ собственное признаніе своей умственной близости къ Юму. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ останавливается на ученіи Дж. С. Милля, котораго онъ считаетъ истиннымъ продолжателемъ и завершителемъ Юмовскаго эмпиризма, придавшимъ основнымъ тенденціямъ Юма болѣе послѣдовательную форму, чѣмъ это сдѣлалъ онъ самъ. Третій и послѣдній отдѣлъ работы содержитъ собственныя критическія замѣчанія автора по поводу главнѣйшихъ психологическихъ и философскихъ воззрѣній Юма. Въ нихъ онъ развиваетъ ту общую мысль, что Юмъ не былъ скептикомъ по принципу, что его скептицизмъ лишь стремится указать границы, которыя мы не должны переходить въ нашемъ изученіи опыта, и что существенное значеніе Юма состоитъ въ томъ, что онъ является родоначальникомъ новѣйшаго эмпиризма и позитивизма.

Слабой стороной книги Н. Д. Виноградова представляется нѣкоторая неравномѣрность въ разработкѣ ея отдѣльныхъ частей. И что особенно досадно, — эта неравномѣрность идетъ иногда въ разрѣзъ съ важностью рѣшаемыхъ вопросовъ. Напримѣръ, вопросъ о вліяніи Юма на слѣдующій за нимъ рядъ мыслителей въ XVIII и XIX вв. разработанъ, конечно, болѣе детально, чѣмъ вопросъ о вліяніи на самого Юма его предшественниковъ. И біографіи Юма, и оцѣнкѣ его сочиненій, и изложенію его предшественниковъ, и изложенію самого Юма со всѣми его теоріями посвящено 128 страницъ. Изъ нихъ собственно на предшественниковъ Юма приходится очень небольшая часть. А на философовъ послѣ Юма отдано почти сто страницъ (129—219). Между тѣмъ изъ этихъ двухъ вопросовъ какой важнѣе? Вѣдь авторъ пишетъ монографію о самомъ Юмѣ, а не объ его послѣдователяхъ и, стало быть, для него вопросъ о генезисѣ собственнаго ученія Юма естественно долженъ былъ бы занимать самое главное мѣсто. Наконецъ, авторъ самъ признаетъ, что установить степень непосредственнаго вліянія философіи Юма на взгляды послѣдующихъ философовъ задача довольно затруднительная: никогда нельзя быть увѣреннымъ, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, съ логическимъ совпаденіемъ въ ходѣ мысли или съ заимствованіемъ. Объ этомъ не разъ говорится въ книгѣ (напр., на стр. 205, 219—

220 и т. д.). Но черезъ это вообще работа въ этомъ направленіи теряетъ прочную почву.

Подобная же неравномѣрность замѣчается и въ объясненіи генезиса отдѣльныхъ теорій Юма. Напримѣръ, предшественники Юма въ ученіи о причинности изложены и разобраны гораздо подробнѣе, чѣмъ его предшественники въ ученіи о законахъ ассоціаціи. По поводу послѣдняго вопроса, Аристотель, Гоббсъ Спиноза, Локкъ упоминаются лишь въ заключеніи (стр. 224), притомъ въ очень общемъ и суммарномъ видѣ. И это только въ заключеніи, а тамъ, гдѣ излагается и разбирается ученіе объ ассоціаціяхъ у Юма, никакой исторической перспективы не оказывается (ст. 61). Читатель готовъ повѣрить Юму, что ни одинъ философъ не пытался перечислить принциповъ ассоціаціи раньше его и что онъ выступаетъ въ этомъ дѣлѣ первымъ. Невольно недоумѣваешь, отчего историческій вопросъ въ этомъ пунктѣ совсѣмъ обойденъ. Еще удивительнѣе, что такимъ же образомъ лишь въ заключеніи упомянуть Д. Гертли; вѣдь онъ раздѣляетъ съ Юмомъ славу основателя ассоціативной психологіи. Казалось бы внимательно остановиться на взаимномъ отношеніи ихъ взглядовъ было бы интересно и благодарною задачею. Какъ бы авторъ ни смотрѣлъ на дѣло, — признаетъ ли онъ ихъ взаимное вліяніе, важно было бы указать, какое оно было и въ чемъ выразилось; не признаетъ онъ этого вліянія, — тѣмъ самымъ ставится вопросъ о причинахъ совпаденія ихъ воззрѣній и о степени этого совпаденія.

Съ гораздо большимъ вниманіемъ останавливается авторъ на историческомъ генезисѣ ученія Юма о причинности. Но и въ этомъ пунктѣ нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ недостатковъ. Здѣсь опять сказывается неравномѣрность историческаго освѣщенія. Напримѣръ, авторъ излагаетъ даже малоизвѣстнаго арабскаго философа Алгазела XI—XII вв. (стр. 82), а между тѣмъ одинъ изъ интереснѣйшихъ предшественниковъ Юма въ его теоріи причинности І. Глэнвилъ почти обойденъ или, по крайней мѣрѣ, едва намѣченъ (ст. 38, 83—84). Авторъ приводитъ только изъ Глэнвиля довольно обширную цитату (какъ и изъ Алгазела) и этимъ ограничивается. Никакой попытки передать и оцѣнить идеи Глэнвиля въ ихъ цѣломъ онъ не дѣлаетъ. А объ этомъ приходится пожалѣть. Аргументація Глэнвиля разнообразна и оригинальна. Быть можетъ, еще интереснѣе выводы,

которые онъ изъ нея дѣлаеть. Вѣдь тутъ даже не исключительно историческій вопросъ о томъ, существовало или нѣтъ прямое вліяніе Глэнвилля на Юма. Сопоставленіе Глэнвилля и Юма поучительно въ принципиальномъ и логическомъ отношеніи. Глэнвилль, можетъ быть, не такъ рѣшителенъ въ основоположенныхъ скептическихъ разсужденіяхъ, но онъ очень категориченъ въ своихъ отрицательныхъ приговорахъ относительно претензій человѣческой мысли въ рѣшеніи отдѣльныхъ вопросовъ. Возьмемъ вопросъ о чудесномъ и сверхъестественномъ. Какъ онъ различно рѣшается у этихъ двухъ философовъ: Глэнвилль, усомнившись въ законѣ причинности и признавъ никакія дѣйствительныя силы въ мірѣ непознаваемыми, не счелъ себя въ правѣ а ргіогі отрицать какія бы то ни было сверхъестественныя вещи. Если мы ровно ничего не знаемъ о внутренней природѣ и внутреннемъ механизмѣ реальныхъ процессовъ, для насъ не должно быть ничего невозможнаго. И вотъ даже отрицаніе вѣдмъ, колдуновъ и всякой средневѣковой чертовщины ему кажется легкомысленнымъ самообольщеніемъ разума. Совсѣмъ иначе разсуждаетъ Юмъ. Его остроумная глава «о чудесахъ» въ «Измѣдованіи о человѣческомъ пониманіи» представила блестящій примѣръ для подражанія послѣдующимъ писателямъ, которые а ргіогі доказывали невозможность сверхъестественныхъ явленій. Опредѣливъ чудо, какъ нарушеніе законовъ природы, Юмъ выводитъ изъ этого, что никакія человѣческія свидѣтельства и даже собственныя наблюденія, какъ бы они ни были безукоризненны, не могутъ быть признаны въ качествѣ доказательствъ чуда, т. е. нарушенія того, что удостовѣряеть *общій* опытъ. Любопытно при этомъ, что въ качествѣ примѣровъ сверхъестественныхъ явленій Юмъ по большей части приводитъ такіе факты, которые въ наши дни не счелъ бы невозможными ни одинъ психопатологъ, знающій о явленіяхъ сомнамбулизма и внушенія. Совсѣмъ несообразнымъ представляется только второй изъ приведенныхъ Юмомъ случаевъ, заимствованный имъ у кардинала Ретца, — разсказъ о Сарагосскомъ соборномъ сторожѣ, у котораго вторично выросла нога отъ втиранія священнаго масла. Напротивъ, чудеса Веспасіана легко объясняются изъ дѣйствія внушенія на истеричныхъ субъектовъ, а чудеса на могилѣ аббата Пари обыкновенно подробно излагаются въ исторіяхъ гипнотизма, эпидемическихъ психическихъ заболѣваній и т. д. А Юмъ настойчиво требуетъ, чтобы

всѣ эти факты признавались за ложь и выдумку, не смотря ни на какія свидѣтельства и доказательства. Тутъ не только очень любопытно историческое различіе настроеній у двухъ столь сходно мыслящихъ людей, какъ Глэнвилъ и Юмъ; тутъ невольно возникаетъ принципиальный вопросъ: кто изъ нихъ болѣе правъ логически въ этомъ дѣлѣ при тѣхъ скептическихъ посылкахъ, изъ которыхъ они оба исходили?

Впрочемъ, въ этомъ случаѣ является и другой вопросъ, еще болѣе принципиальный: въ какой степени Юмъ былъ скептикомъ въ своей философіи? И вотъ по этому поводу мнѣ приходится сдѣлать Н. Д. Виноградову упрекъ, въ моихъ глазахъ довольно серьезный: въ его книгѣ неожиданно смутно и сжато отмѣченъ пунктъ, для него особенно важный,—тонкія, яркія, богатые наглядными примѣрами соображенія Юмъ о *нелогичности* всѣхъ нашихъ заключеній къ будущему, а, стало быть, и всѣхъ нашихъ выводовъ о причинныхъ связяхъ. Въ книгѣ Н. Д. Виноградова эти соображенія излагаются въ очень общихъ фразахъ и характеристикахъ. Собственно, прямо относится къ этимъ соображеніямъ только одно мѣсто (стр. 96). А между тѣмъ, въ «Исслѣдованіи о человѣческомъ пониманіи» (глава IV, II ч.) этимъ соображеніямъ посвященъ рядъ страницъ съ цѣлой кучей примѣровъ (приводятся и хлѣбъ, и снѣгъ, и деревья, и яйца, и передача движенія отъ однихъ тѣлъ къ другимъ и т. д.). И на всѣхъ этихъ примѣрахъ подробно и остроумно, съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, доказывается *неправоумность* логическаго перехода отъ прошлаго къ будущему и о совершенномъ отсутствіи рациональныхъ оправданій для идеи единообразнаго порядка природы. Эту мысль Юмъ съ увлеченіемъ старается развить и выяснить до полной прозрачности и неотразимости. А Н. Д. Виноградовъ излагаетъ только очень суммарный результатъ этихъ разсужденій, притомъ въ формулахъ довольно тусклыхъ и очень короткихъ. Зачѣмъ нужно было такъ ослаблять Юма въ этомъ пунктѣ? Вѣдь, казалось бы, автору слѣдовало обратить на него особенно большое вниманіе. Правда, взгляды автора на скептицизмъ Юма не совсѣмъ ясенъ, и онъ колеблется въ своемъ окончательномъ приговорѣ; но все же онъ явно склоняется къ тому, чтобы смягчить скептическій элементъ въ философіи Юма, даже по возможности устранить его, и готовъ видѣть въ Юмѣ просто эмпирика и позитивиста. Между тѣмъ

въ разсужденіяхъ Юма, о которыхъ сейчасъ было сказано, заключается главное возраженіе противъ такой оцѣнки. Отодвинувъ ихъ на второй планъ, авторъ, конечно, облегчилъ себѣ трудъ, но его изложеніе черезъ это получило едва ли желательный оттѣнокъ тенденціозности.

Въ частности въ этихъ же соображеніяхъ Юма заключается главное возраженіе противъ толкованія автора отношенія Дж. С. Милля къ Юму. По мнѣнію автора (стр. 167), Милль есть истинный продолжатель и завершитель Юмовскаго эмпиризма. Онъ устранилъ непоследовательность въ ученіи Юма, подведя и математику, которую Юмъ считалъ независимой отъ опыта, подъ категорію эмпирическихъ наукъ. По отношенію къ математикѣ авторъ, пожалуй, правъ: Милль тутъ оказался болѣе последовательнымъ или, если угодно, болѣе одностороннимъ эмпирикомъ. Но правильно ли сказать, что Милль только продолжалъ Юма или даже шелъ дальше его въ своей оцѣнкѣ эмпирическаго знанія вообще? Вѣдь онъ написалъ систему индуктивной *логики*; а по Юму, въ индуктивныхъ обобщеніяхъ нѣтъ *никакой логики*. Можно ли ихъ взгляды считать одинаковыми? Для Милля и единообразіе природы, и законъ причинности суть достовѣрныя объективныя истины, хотя и эмпирическаго происхожденія; по Юму, можно ли ихъ такъ назвать? Итакъ, во всемъ этомъ Милль никакъ не продолжатель Юма, да еще идущій дальше его. Здѣсь даже мало сказать, что онъ его смягчаетъ, — онъ просто высказываетъ діаметрально противоположный взглядъ.

Быть можетъ слѣдовало бы сдѣлать автору и еще одинъ упрекъ, хотя его ему пришлось бы раздѣлить съ очень многими изслѣдователями о Юмѣ: въ его книгѣ недостаточно выдѣлено и обрисовано *положительное* содержаніе философскаго міровоззрѣнія Юма. Дѣло въ томъ, что какъ бы ни былъ скептиченъ философъ въ своей оцѣнкѣ человѣческаго знанія, онъ всегда все же *философъ*, т.-е. имѣетъ какой-нибудь опредѣленный взглядъ на вещи, который, обыкновенно, играетъ не малую роль и въ его отрицательныхъ выводахъ. Это можно сказать даже о такихъ критикахъ познанія, какъ Кантъ, — это относится и къ Юму. Для меня лично не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Юмъ былъ настоящимъ скептикомъ и что онъ въ своихъ отрицательныхъ приговорахъ о человѣческомъ знаніи шелъ значительно

дальше своихъ болѣе умѣренныхъ и сдержанныхъ послѣдователей въ XIX столѣтіи,—но я все же понимаю, почему его скептицизмъ до сихъ поръ вызываетъ недоумѣніе и споры. Стоитъ хорошенько вчитаться въ Юма, чтобы ясно замѣтить, что для него самого его скептицизмъ (или скептически растолкованный чистый эмпиризмъ) представляетъ скорѣе лишь *reductio ad absurdum* притязаній мысли на познаніе сверхчувственной дѣйствительности, чѣмъ серьезное и окончательное убѣжденіе. Во всякомъ случаѣ, его философія далеко не ограничивалась одними отрицательными выводами даже въ своей чисто теоретической части. У него было нѣкоторое положительное міросозерцаніе, къ которому онъ относился уже вполне серьезно и которое являлось очень оригинальнымъ для своего времени по рѣзкости и радикализму своихъ натуралистическихъ тенденцій. Въ цѣляхъ оправданія этого міросозерцанія Юмъ часто прибѣгалъ къ скептическимъ доводамъ, но ихъ значеніе колеблется въ его глазахъ въ зависимости отъ того, противъ чего онъ ихъ направляетъ. Они ему представляются достаточно сильными, чтобы совсѣмъ подорвать логическій кредитъ у трансцендентныхъ идей о Богѣ, Провидѣніи, душѣ, безсмертіи, свободѣ и т. д.; но они уже не кажутся ему въ такой степени неотразимыми, когда подымается вопросъ о реальности внѣшняго матеріальнаго міра (любопытно по этому вопросу его отношеніе къ аргументаціи Берклея: онъ не только ее усваиваетъ цѣликомъ, но и развиваетъ дальше, и тѣмъ не менѣе къ окончательному выводу Берклея, что матеріальный міръ есть *только представленіе*, онъ относится съ явной ироніей); и эти скептическіе доводы совсѣмъ теряютъ для него свою силу, когда онъ начинаетъ доказывать непоколебимое господство законовъ природы, абсолютный детерминизмъ человѣческой воли или абсолютную невозможность чего-нибудь сверхъестественнаго на свѣтѣ. Одинъ и тотъ же законъ причинности—въ однихъ главахъ является субъективной иллюзіей нашего воображенія, въ другихъ объективно-властнымъ закономъ самихъ вещей. Отсюда получается тотъ своеобразно капризный ходъ мысли, который такъ затрудняетъ пониманіе сочиненій Юма, если не имѣть постоянно въ виду его серьезный и положительный взглядъ на вещи, которымъ онъ невольно смягчалъ и регулировалъ свои сомнѣнія. И вотъ нельзя не пожалѣть, что, по крайней мѣрѣ въ этой части своего труда, авторъ не дѣлаетъ по-

пытки охарактеризовать это положительное міросозерцаніе Юма: это нужно было бы сдѣлать.

Это міросозерцаніе интересно не только по своему содержанію, но и по своему генезису. Въ немъ соединяются странныя особенности. Съ одной стороны, какъ основа всякаго убѣжденія въ реальномъ бытіи, выдвигается вѣра. Но въ то же время не ко всѣмъ предметамъ вѣры, даже наиболѣе обычнымъ, Юмъ относится одинаково. Теологическія вѣрованія въ немъ постоянно вызываютъ сдержанную иронию и это въ такую эпоху, когда сознательные атеисты въ Англии и Шотландіи далеко не были зауряднымъ явленіемъ; то же самое можно сказать о вѣрѣ въ существованіе души, свободы и т. д. За то вѣру во внѣшній матеріальный міръ онъ усваиваетъ совершенно серьезно, и не только вѣру въ фактъ существованія внѣшнихъ вещей, но и въ абсолютное единообразіе природы (хотя самъ же доказывалъ отсутствіе логическихъ основаній для такой вѣры) и въ абсолютное господство надъ всѣми явленіями физико-механическихъ законовъ. Въ результатѣ міросозерцаніе, въ которое вѣрится Юмъ, пріобрѣтаетъ ясно выраженный матеріалистическій обликъ. Откуда же взялся этотъ матеріалистическій складъ въ умственномъ настроеніи Юма? Возникъ ли онъ самопроизвольно? Или онъ навѣялъ Габбсомъ? Или онъ явился плодомъ знакомства Юма съ античной философіей? Н. Д. Виноградовъ утверждаетъ, что своею личною жизнью Юмъ воскрешаетъ типъ эпикурейскаго мыслителя. Съ эпикурейцами Юмъ несомнѣнно былъ знакомъ и нерѣдко говоритъ о ихъ моральныхъ воззрѣніяхъ; въ «Исслѣдованіи о человѣческомъ пониманіи» онъ защиту своихъ взглядовъ на провидѣніе и будущую жизнь влагаетъ въ уста Эпикура; главную задачу философій онъ видитъ въ разрушеніи суевѣрій и т. д. Не были ли для него эпикурейцы въ годы его юности тѣмъ же, чѣмъ были Демокритъ и Аристотель для Лейбница? Я лишь ставлю вопросъ, но никакъ не рѣшаю его. Я настаиваю только, что вопросъ о содержаніи и возникновеніи дѣйствительнаго міросозерцанія Юма еще ждетъ своего рѣшенія.

Вотъ тѣ главныя замѣчанія, которыя я хотѣлъ сдѣлать. Перечисленные недочеты не заслоняютъ однако крупныхъ достоинствъ рассматриваемой книги. Ея строго-научная обработка, широкая начитанность автора по всѣмъ разнообразнымъ философскимъ

и научнымъ вопросамъ, какіе ему приходится затрагивать въ своемъ сочиненіи, животрепещущій интересъ темы, наконецъ, простота и ясность его изложенія, все это заставляетъ признать его трудъ солиднымъ и цѣннымъ вкладомъ въ русскую философскую литературу и пожелать автору такъ же хорошо завершить свое изслѣдованіе, какъ онъ его началъ.

Л. Лопатинъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи:

М. В. Бернацкій. Къ аграрному вопросу. Москва, 1906. С. 81.
Ц. 30 к.

Кн. Григорій Волконскій. Обязательная наследственная аренда. Съ предисловіемъ А. А. Карелина. Спб., 1906. Ст. 26.

Вопросы момента. Сборникъ статей. Москва, 1906. Ст. 256.
Ц. 80 к.

Библиотека «Свѣточа». **А. Г. Горнфельдъ.** Муки слова. Спб., 1906.
Ст. 47. Ц. 20 к.

Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Составилъ **Н. Денисюкъ.** Вып. I, Москва, 1906. Ст. VII+389.
Ц. 1 р.

Итоги и перспективы. Москва, 1906 г. Ст. XVI+216. Ц. 8с к.

Адр. Круковскій. Владимиръ Соловьевъ, какъ мыслитель и человекъ. Вильна, 1905 г. Ст. 45. Ц. 10 к.

Его же. Характеръ творчества Ибсена. Вильна, 1906. Ст. 35.
Ц. 10 к.

Н. Лосскій. Обоснованіе интуитивизма. Спб., 1906. Ст. VIII+368
Ц. 2 р.

И. М. Любомудровъ. Введеніе въ исторію метафизики. Ковровъ, 1906. Ст. 24. Ц. 15 к.

Мих. Оленовъ. Идеологія русскаго буржуа. Москва, 1906. Ст. 118. Ц. 50 к.

Памятники эфіопской письменности. «Изслѣдованіе Зара-Якоба». Изданіе текста и переводъ Б. Тураева. Спб., 1904. Ст. 62.

И. Чернышевъ. Памятная книжка Марксиста. Спб. 1906. Ст. I. XXX+240. Ц. 1 р.

Обзоръ журналовъ.

Revue philosophique за 1904 г. №№ 6—12.

J. J. von Biervliet. «L'éducation de la mémoire à l'école.

Сообщеніе объ упражненіяхъ для развитія памяти, частью примѣнявшихся уже на практикѣ, въ одной изъ школъ, частью только предполагаемыхъ.

Примѣнялись общія упражненія, развивающія зрительную, слуховую и отчасти мускульную память, при чемъ предварительно измѣрялась при помощи опытовъ въ среднемъ память каждого класса. По истеченіи 8-ми мѣсяцевъ память повысилась въ среднемъ на единицу.

Предполагаются спеціальныя упражненія для облегченія заучиванія наизусть.

A. Rey. «Ce que dévient la logique».

Современная намъ формальная логика, охватывая довольно неопредѣленную группу различныхъ проблемъ, сливается съ такими чуждыми ей областями, какъ методологія, метафизическая психологія сужденія, теорія познанія, философія наукъ. Въ итогѣ получаются совершенно ненужныя, бесполезныя изслѣдованія. Между тѣмъ, опредѣленная группировка проблемъ и положительное ихъ рѣшеніе возможны лишь въ томъ случаѣ, если область каждой науки точно разграничена. Тогда получится слѣдующая группировка: описаніе явленій, относящееся къ исторіи наукъ; эпистемологія, какъ часть социологіи, изслѣдующая эти явленія; опирающаяся на нее техническая наука—логика или иначе—раціональное искусство, и, наконецъ, философія наукъ, подвергающая критикѣ эпистемологическіе и логическіе вопросы.

Th. Ribot. «La logique des sentiments».

Въ противоположность объективной логикѣ разума, принимаю-

щей на практикѣ характеръ анализа и совершенно чуждой эмоциональнаго оттѣнка,—логика чувствъ субъективна, отличается синтетическимъ характеромъ и разлагается на измѣняющіяся въ зависимости отъ чувства и воли сужденія или цѣнности.

Въ ней могутъ быть намѣчены слѣдующіе пять видовъ разсужденій:

I. Разсужденіе, основанное на страсти. Примѣромъ такого разсужденія, имѣющаго въ виду самосохраненіе индивидуума, можетъ служить разсужденіе радости; любовь отвѣчаетъ экспансивной сторонѣ индивидуума; ревность имѣетъ въ виду обѣ указанныя стороны.

II. Безсознательное разсужденіе, къ которому должны быть отнесены случаи обращеній и превращеній.

III. Разсужденіе, основанное на воображеніи. Сюда относятся: 1) вѣрованія (напр. въ будущую жизнь), 2) искусство дивинаціи, 3) магія.

IV. Разсужденіе съ цѣлью оправданія и утѣшенія, употребляемое въ религіи, практической морали и т. п.

V. Разсужденіе, составляющее переходъ отъ логики чувствъ къ логикѣ Разума. Сюда относится защита своего мнѣнія, имѣющая мѣсто въ рѣчи проповѣдника, адвоката, политическаго и общественнаго дѣятеля и т. п.

Всѣ эти многочисленныя проявленія логики чувствъ сводятся къ двумъ типамъ, основаннымъ на тѣсно связанныхъ у высшихъ животныхъ, двухъ коренныхъ стремленіяхъ аффективной жизни, а именно: на стремленіи къ самосохраненію и стремленіи къ расширенію. Къ первому изъ этихъ типовъ принадлежитъ четвертый видъ разсужденій и изъ перваго вида—разсужденіе робости. Остальные виды, въ качествѣ активныхъ формъ логики чувствъ, принадлежатъ ко второму типу, въ основѣ котораго лежитъ стремленіе къ расширенію.

G. Dumas. «Le sourire: étude psychophysologique».

Объясненіе улыбки слѣдуетъ прежде всего искать въ области не психологическихъ, а физиолого-механическихъ фактовъ. Въ противоположность теоріи Дарвина, объясняющей появленіе улыбки «ассоцірованіемъ полезныхъ привычекъ» и теоріи «ассоцірованія аналогичныхъ ощущеній» Вундта — улыбка должна быть рассматриваема, какъ сложный рефлексъ, коренящийся въ законѣ «диффузіи» Спенсера. За исключеніемъ подбородка, въ

улыбкѣ принимаетъ участіе все лицо (даже иногда и уши) вслѣдствіе сокращенія извѣстныхъ мускуловъ, а именно тѣхъ, которые легко возбуждаются и могутъ дѣйствовать совмѣстно, не встрѣчая противодѣйствія. Физиолого-механическое происхожденіе улыбки подтверждается опытами: электризація одного изъ лицевыхъ нервовъ вызываетъ на лицѣ непроизвольную улыбку. Согласно предполагаемой теоріи необходимо признать возможность улыбки не на одномъ только лицѣ, но и въ какой-либо другой части тѣла, какъ слѣдствіе общаго возбужденія организма. Наблюденія подтверждаютъ это предположеніе; такъ, во всемъ тѣлѣ замѣчается въ этихъ случаяхъ необыкновенная легкость, подвижность, а у животныхъ (кошекъ, собакъ, птицъ) выразителемъ улыбки является даже не столько лицо, сколько хвостъ, снабженный наиболѣе подвижными мускулами во всемъ организмѣ.

Естественное проявленіе—рефлексъ, ассоціировавшись съ чувствомъ радости, обращается постепенно въ символъ для выраженія чувствъ и, пріобрѣтая такимъ образомъ психологическое содержаніе, становится вполнѣ сознательной, произвольной улыбкой и дѣлается факторомъ соціальной жизни. Такъ, улыбка служитъ выраженіемъ не только пріятныхъ и въ частности нѣжныхъ чувствъ, но также и соціальныхъ отношеній.

Кромѣ улыбки, ассоціированной съ чувствомъ радости, можетъ еще быть указана улыбка, выражающая стремленіе къ смѣху. Этими двумя видами, сводимыми въ сущности къ одному, исчерпываются, — если принять во вниманіе ихъ скрещиваніе и претерпѣваемые измѣненія, — всѣ разновидности улыбки, каковы, напр.: презрительная улыбка, улыбка горечи и др.

Е. Goblot. «La finalité en biologie».

Возраженія автора на замѣчанія, полученныя имъ по поводу его статей о конечныхъ причинахъ.

А. Fouillée. «La priorité de la philosophie des idées-forces sur la doctrine de M. R. Ardigò».

Авторъ въ небольшомъ письмѣ опровергаетъ приписанный ему фактъ заимствованія теоріи идей-силъ у итальянца Ардиго.

D. Parodi. «Morale et biologie».

Въ послѣднее время мораль переживаетъ кризисъ: снова замѣчается отрицательное отношеніе къ независимой свободной морали и дѣлаются попытки включить ее въ составъ какой-нибудь

другой, болѣе обширной дисциплины, какъ-то: психологіи, социологіи, биологіи. Типичнымъ образчикомъ биологической морали служитъ сочиненіе Мечникова, разбирающее главныя несовершенства человѣческой природы и предлагающее средство для борьбы съ болѣзнями, старостью и смертью, имѣя въ виду урегулированіе поведенія и достиженіе идеала счастья.

Изъ анализа сочиненія выясняется безграничная вѣра Мечникова въ значеніе физиологіи. Между тѣмъ, ожидаемое имъ въ идеальномъ будущемъ полное приспособленіе человѣческой природы къ окружающей средѣ совершенно невыполнимо, какъ вслѣдствіе непрерывныхъ измѣненій самой социальной среды, такъ и вслѣдствіе наличности у человѣка разума, мѣшающаго ему ограничиться одной только областью инстинктовъ. Кромѣ того, все-таки остается еще вопросомъ, слѣдуетъ ли стремиться къ индивидуальному счастью или же выше должно стоять благополучіе вида или, наконецъ, выше всего—общая эволюція? Такимъ образомъ биологія оказывается неудовлетворительнымъ фундаментомъ для морали, но предлагаемая Мечниковымъ врачебная программа не лишена практическаго значенія.

P. Landormy. «La logique du discours musical».

Музыкальное воспріятіе должно быть изучено такъ же, какъ воспріятіе пространства. Совершенно независимо отъ эстетики или теоріи прекраснаго въ музыкѣ конструируется философія музыки, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы дать критику слухового воспріятія и выдѣлить управляющіе имъ апіорные законы, т.-е. заняться логическимъ изслѣдованіемъ въ музыкѣ и разграничить область эмпиризма отъ области апіорнаго разума, дополнить механическое объясненіе фактовъ присоединеніемъ телеологическаго фактора.

Dr. Hartenberg. «Les émotions de bourse: notes de psychologie collective».

Отчетъ о наблюденіяхъ, произведенныхъ надъ парижской биржей, какъ вкладъ въ коллективную психологію. Биржа соединяетъ въ себѣ черты, присущія: толпѣ, профессиональной средѣ, рынку и игорному залу. Эмоціи, какъ, напр., впечатлительность, довѣрчивость, заразительность и др., берутъ верхъ надъ логикой и спокойнымъ размышленіемъ. Нервно настроенная даже въ спокойное время биржа непрерывно переходитъ отъ довѣрчиваго

подъема духа къ состоянію паники и мрачнаго отчаянія и обратно—въ зависимости отъ курса.

H. Piéron. «Les méthodes de la psychologie zoologique».

Въ краткой замѣткѣ авторъ высказываетъ мысль, что въ психологіи животныхъ, наряду съ двумя противоположными метафизическими теоріями, а именно — истолкованія жизни амебы черезъ изученіе человѣка и обратно—изученія человѣка черезъ посредство амебы, возможно еще третье изслѣдованіе, чуждое метафизики и заключающее въ себѣ методъ примѣненія наиболѣе простой, подходящей гипотезы къ истолкованію объективныхъ фактовъ.

R. de La Grasserie. «De l'expression de l'idée de sexualité dans le langage».

Имѣя въ виду главнымъ образомъ психологическую точку зрѣнія, авторъ приводитъ генезисъ идеи родового отличія, возникающей въ языкѣ при наличности извѣстнаго развитія народа и претерпѣвающей въ послѣдствіи нѣкоторыя измѣненія.

P. Gaultier. «Ce qu'enseigne une oeuvre d'art».

Произведеніе искусства интересно: 1) своимъ сюжетомъ, 2) своимъ стилемъ и для своего усвоенія требуетъ отъ человѣка извѣстной способности чувствовать, т.-е. переживать эстетическую эмоцію.

Въ стилѣ выражаются: индивидуальность автора и вліяніе на него современниковъ. Въ выборѣ сюжета сказывается оригинальность автора. Кроме того, произведеніе искусства раскрываетъ еще передъ нами самое сокровенное въ природѣ и живыхъ существахъ, въ соціальной жизни и живой человѣческой душѣ.

Daireaux (Marie). «La sur-action».

Въ области психики совершенно такъ же, какъ и въ области физической жизни, происходитъ иногда нарушеніе правильнаго теченія психической жизни, ощущаемое въ видѣ толчка и переживаемое въ различной формѣ и съ различными послѣдствіями, при чемъ всѣ видоизмѣненія его сводятся къ неожиданному большому напряженію силъ, къ проявленію высшей степени активности—«sur-action».

Clément. «Un document contemporain sur l'inconscient dans l'imagination créatrice».

Въ небольшой замѣткѣ авторъ указываетъ на интересъ, пред-

ставляемый сочиненіемъ Ницше «Такъ говорилъ Заратустра» со стороны участія *безсознательнаго* въ творческомъ воображеніи.

D-r Jankélévitch. «De la nature du sentiment amoureux».

Разсужденія такъ называемаго здраваго смысла отождествляютъ чувство половой любви съ половой потребностью, считая влюбленность патологическимъ явленіемъ. Извѣстныя философскія теоріи сводятъ его къ инстинкту продолженія рода, считая этотъ инстинктъ проявленіемъ воли (Шопенгауэръ) и безсознательнаго (Гартманъ) и называя чувство влюбленности иллюзіей.

Въ дѣйствительности же въ эволюціи и проявленіяхъ любви играетъ роль, кромѣ указанныхъ органическихъ двигателей, еще чисто-психологическій факторъ, а именно—влеченіе къ абсолютному, безконечному, чѣмъ и обусловливаются различныя видоизмѣненія влюбленности.

Въ самомъ дѣлѣ, этимъ влеченіемъ къ безконечному питаются и обыденные влюбленные, въ житейскомъ смыслѣ этого слова, для которыхъ психическая сторона любви тѣсно связана съ физической,—и влюбленные платонически, прислушивающіеся къ голосу инстинкта, но считающіе его чѣмъ-то второстепеннымъ, въ виду главной цѣли, т.-е. достиженія непреходящаго, безконечнаго въ любви,—и, наконецъ, влюбленные въ области религіи или мистики, совершенно противопологающіе требованія своей физической и духовной природы.

L. Dugas. «Psychologie des examens».

Не смотря на вредъ, приносимый во многихъ случаяхъ экзаменами, они остаются тѣмъ не менѣ наилучшимъ средствомъ для оцѣнки и потому отнюдь не должны быть уничтожены, а лишь преобразованы. Экзаменатору слѣдовало бы остерегаться, какъ исключительной оцѣнки однихъ только познаній, такъ, въ равной степени, и оцѣнки однихъ только умственныхъ способностей. Экзаменъ долженъ изслѣдовать не широту, а глубину ума и познаній. Число экзаменовъ должно быть, конечно, сокращено, и функціи строго разграничены и опредѣлены. Уничтоженіе же экзаменовъ повлекло бы за собой весьма нежелательныя послѣдствія въ соціальной борьбѣ за существованіе. Итакъ, необходима серьезная реформа, при наличности которой экзамены будутъ приносить громадную пользу и станутъ положительно необходимы.

C. Bos. «Pathologie de la croyance».

Исслѣдуя патологию вѣрованія, авторъ разсматриваетъ цѣлый рядъ явленій, сюда относящихся, начиная съ галлюцинацій и кончая сомнѣніями. Всѣмъ этимъ явленіямъ присуща одна общая черта—слабое проявленіе активности. Вслѣдствіе зависимости вѣрованія отъ индивидуальности, патологія вѣрованія оказывается относительной: что нормально для одного, патологично въ при-
мѣненіи къ другому.

Foucault. «L'évolution du rêve pendant le réveil».

На основаніи личнаго и коллективнаго самонаблюденія авторъ отмѣчаетъ безсвязность сновидѣній, схваченныхъ въ моментъ, наиболѣе близкій къ ихъ переживанію, а именно въ самомъ началѣ внезапнаго пробужденія; между тѣмъ, какъ тѣ же сновидѣнія въ періодъ болѣе продолжительнаго пробужденія вступаютъ другъ съ другомъ въ связь, переживая такимъ образомъ эволюцію чисто-логическаго характера.

Godfernaux. «Le parallélisme psycho-physique et ses conséquences».

Цѣль автора показать, что психо-физическій параллелизмъ, понимаемый въ истинномъ свѣтѣ, способенъ объяснить всю рѣшительно физико-сознательную жизнь, при чемъ всѣ возраженія поверхностныхъ критиковъ падаютъ сами собой.

E. Blum. «Congrès international de Philosophie».

Отчетъ о международномъ конгрессѣ по философіи, состоявшемся въ Женевѣ въ сентябрѣ 1904 г.

F. Paulhan. «L'immoralité de l'art».

По разсмотрѣніи взаимоотношеній нравственности, понимаемой въ самомъ общемъ смыслѣ, и искусства въ различныхъ его проявленіяхъ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: искусство, возникнувъ изъ дисгармоніи между человѣкомъ и реальнымъ міромъ, вмѣсто того, чтобы постараться понять или уничтожить эту дисгармонію, какъ это дѣлаютъ наука, философія, мораль, религія, промышленность,—оставляетъ ее безъ всякаго вниманія, но взамѣнъ міра реальнаго выдвигаетъ міръ идеальный, свободный отъ всякой дисгармоніи.

Выставляемый эстетическій идеалъ не стремится къ реализаціи, подобно идеалу моралиста, промышленника; сохраняя при своемъ развитіи характеръ иллюзіи, онъ стремится сдѣлаться центромъ вселенной, стремится управлять міромъ дѣйствительности. Эсте-

тическій идеалъ приводитъ міръ дѣйствительности къ полнѣйшему самоотрицанію, подчеркивая ту самую дисгармонію, которая собственно и вызываетъ эстетическій идеалъ къ жизни. Такова имморальность искусства, независимо отъ высокой его цѣнности въ жизни.

J. Delvaile. «La vie sociale».

Трудность социальной науки обусловливается необыкновеннымъ многообразіемъ взаимно переплетающихся факторовъ, дающихъ въ результатѣ социальную жизнь. Несмотря на признаніе принципа раздѣленія труда въ социальной жизни, она все же не должна быть отождествляема съ жизнью организма. На ряду съ признаніемъ общихъ законовъ, управляющихъ жизнью общества, нельзя отрицать и значенія индивидуальности. Внутренней связью общества служитъ сознательное стремленіе къ осуществленію общей цѣли. Изученіе социальной жизни должно совершаться при помощи историческаго метода.

V-te Brenier de Montmorand. «Les mystiques en dehors de l'extase».

Перечисляя психологическія особенности мистиковъ, какъ-то: сильное развитіе воли, проявляющееся въ самовнушеніи на ряду съ посредственнымъ развитіемъ разума, проявленія здраваго смысла и наблюдательности, болѣзненная чувствительность ко всему, имѣющему отношеніе къ Божеству—на ряду съ полной безчувственностью по отношенію къ ближнему, жажда страданій и непосредственный переходъ отъ высшаго блаженства къ невѣроятнымъ мученіямъ и меланхоліи,—авторъ высказываетъ замѣчаніе, что теорія Джемса-Ланге не вполнѣ оправдывается на мистикахъ: такъ, состоянію блаженства у нихъ предшествуютъ физическіе процессы, вслѣдъ за которыми у остального человѣчества обыкновенно наступаетъ печаль.

Dugas. «Les études sur la memoire affective».

Изъ сопоставленія взглядовъ различныхъ психологовъ на аффективную память обнаруживается, 1) что данный вопросъ соприкасается со многими другими интересными вопросами и 2) что онъ еще очень мало изученъ, судя по разногласію психологовъ въ объясненіи сущности, природы, цѣнности и объема аффективной памяти.

В. Волновичъ и З. Столица.

Archiv für Geschichte der Philosophie.

Band XVIII. Neue Folge XI Band. 1905 г. I. Heft.

Stan. von Dunin-Borkowski.—Къ исторіи и критикѣ текста древнѣйшаго жизнеописанія Бенедикта Спинозы.

Настоящая статья посвящена подробному сличенію древнѣйшихъ списковъ біографіи Спинозы, находящихся въ бібліотекахъ важнѣйшихъ городовъ Европы, съ цѣлью показать общность ихъ происхожденія.

Hugo Renner.—Карль Стеффенсонъ и его философія исторіи.

Исходя изъ дуалистической точки зрѣнія и признавая съ одной стороны существованіе міра идей и разумной свободы, а съ другой—міра явленій, Карль Стеффенсонъ въ своей философіи исторіи опредѣляетъ человѣческому духу роль связующаго звена между этими двумя противоположными мірами.

Этой посредствующей ролью человѣческаго духа объясняется необходимость основательнаго изученія его развитія, его исторіи, которая есть такимъ образомъ непосредственная реализація міра идей въ мірѣ явленій. Такъ какъ историческая жизнь человѣческаго духа слагается изъ этихъ двухъ элементовъ, преслѣдуя съ одной стороны абсолютныя идеи и цѣли, а съ другой подчиняясь естественнымъ механическимъ законамъ природы, то всякая исторія должна быть непременно изучаема съ двухъ точекъ зрѣнія—не только съ точки зрѣнія внѣшнихъ фактовъ, но, главнымъ образомъ, со стороны скрывающейся въ нихъ внутренней, вѣчной проблемы. Эта внутренняя сила, сила нравственныхъ идеаловъ находитъ себѣ наилучшее воплощеніе въ отдѣльныхъ человѣческихъ личностяхъ, выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ людей, откуда ясно значеніе героевъ для исторіи.

Задачей философіи исторіи по Стеффенсону и является раскрытіе этого внутренняго смысла и связи всѣхъ историческихъ событий, что въ свою очередь ведетъ къ непосредственному познанію Божества въ природѣ.

Излагая воззрѣнія Стеффенсона, авторъ настоящей статьи съ одной стороны считаетъ его близкимъ Канту и Шлейермахеру по строгой методичности его системы, а съ другой—указываетъ на его сходство съ Шеллингомъ. Но характеризуя Стеффенсона какъ въ высшей степени крупную личность, въ которой соединялась и важная для историка методологичность, и высшая метафизическая одаренность, онъ тѣмъ не менѣе не опредѣля-

еть его философіи широкаго будущаго въ силу метафизичнаго обоснованія всѣхъ его положеній.

Otto Vuek.—Атомистика и понятіе матеріи у Фараддея. Heft 1 и 2.

Всякая наука въ основѣ своей непремѣнно приближается къ философіи. Это касается и естественныхъ наукъ, и плодотворность такого сближенія особенно ярко видна на системѣ Фараддея, который исходя изъ основныхъ положеній данныхъ опыта, философскимъ образомъ строитъ свои доказательства и благодаря этому наталкивается на новыя открытія. Но сознавая всю важность философіи и математики для естествознанія, Фараддей не былъ настолько освѣдомленнымъ въ этихъ наукахъ, чтобы быть въ состояніи дать цѣльную и вполне законченную систему. Занимаясь изученіемъ законовъ и фактовъ, онъ постоянно наталкивался на тѣ или иныя гипотезы, и вотъ изобразить его отношеніе къ гипотезамъ и въ частности къ атомистикѣ и является главной задачей автора этой статьи. Всякая гипотеза имѣла значеніе для Фараддея только въ томъ случаѣ, если она основывалась на принципѣ, подъ которымъ онъ разумѣлъ руководящую идею, указывающую путь къ изслѣдованію. Вся система Фараддея есть постоянное опредѣленіе этихъ отношеній принципа и факта.

Обращаясь къ отношенію Фараддея къ атомистикѣ, авторъ прежде всего дѣлаетъ историческій очеркъ развитія атомизма въ его основныхъ положеніяхъ съ самыхъ древнихъ временъ до новѣйшихъ и указываетъ на важное научное значеніе этой гипотезы. Фараддей много работалъ надъ этой гипотезой.

Еще въ самыхъ раннихъ своихъ сочиненіяхъ онъ выступилъ противникомъ грубаго атомизма древнихъ временъ и цѣлымъ рядомъ доказательствъ пытался опровергнуть господствовавшее мнѣніе объ атомѣ, какъ объ отдѣльномъ физическомъ тѣлѣ. Этому мнѣнію онъ противопоставляетъ свою теорію объ атомахъ, какъ о нѣкотораго рода взаимодействующихъ силахъ, вслѣдствіе чего получается возможность ихъ безконечной дѣлимости, откуда вытекаетъ и новое пониманіе матеріи, какъ тонкаго, эластичнаго вещества, обладающаго неограниченной дѣлимостью частицъ. Приводя теорію Фараддея, авторъ сравниваетъ ее попутно съ теоріями другихъ атомистовъ, древнихъ и новѣйшихъ, особенно останавливаясь на мнѣніи Босковича. Изъ этого сравненія видно,

что теорія Фарадея, болѣе чѣмъ всѣ другія, приближается къ самымъ новѣйшимъ пониманіямъ, какъ атомовъ, такъ и матеріи, имѣвшимъ такое громадное значеніе для развитія электричества и магнетизма.

Adolf Dyroff.—Индійская эстетика.

Въ своей статьѣ авторъ имѣетъ въ виду прослѣдить законы развитія эстетики на Востокѣ и установить полную аналогію этого развитія съ эстетикой Запада. Изслѣдованія касаются главнымъ образомъ области поэзіи, гдѣ авторъ намѣчаетъ два основныхъ момента развитія: 1) Господство непосредственныхъ чувствъ и настроеній и 2) Первенствующую роль основной идеи, дающей направленіе всему произведенію и связывающей въ одно цѣлое всѣ второстепенныя его части.

Heft 2.—Paul Sakmann.—Вольтеръ какъ философъ. Heft 2 и 3.

Характеристика Вольтера какъ философа, по мнѣнію автора настоящей статьи, является въ высшей степени трудной и сложной задачей, такъ какъ: 1) онъ не принадлежалъ ни къ одной изъ существующихъ философскихъ школъ и 2) у него самого не было строго законченной, послѣдовательной и въ стройномъ порядкѣ изложенной системы. Прежде чѣмъ говорить о его теоретической философіи, авторъ опредѣляетъ, что именно Вольтеръ разумѣлъ подъ философіей вообще, и приходитъ къ заключенію, что это понятіе у него совершенно не выяснено. Иногда слово философія употребляется Вольтеромъ въ смыслѣ теоретической дѣятельности ума, иногда въ смыслѣ практической, а иногда онъ разумѣетъ подъ ней просто политическую партійную программу. Въ своей системѣ онъ совершенно не даетъ мѣста метафизикѣ, являющейся, по его мнѣнію совершенно безплодной, бесполезной и порождающей массу заблужденій, и ограничивается въ своихъ разсужденіяхъ только областью дѣйствительнаго и практически полезнаго, что даетъ поводъ автору настоящей статьи причислять его къ позитивистамъ. Въ своей теоріи познанія онъ очень близокъ къ англійской философіи эмпиризма вообще и къ Локку въ частности, хотя съ другой стороны въ его системѣ нетрудно замѣтить слѣды старо-французскаго вліянія. Но, принимая основныя положенія Локковской теоріи познанія, Вольтеръ во многомъ отъ нея отстываетъ, а именно: въ ученіи о познавательномъ значеніи ощущеній, объ ин-

стинктъ и о дѣятельности воображенія, и этимъ приближается къ сенсуализму. Въ основныхъ же послылкахъ своей теоріи познанія онъ остается убѣжденнымъ скептикомъ. Во взглядахъ на міръ и его образованіе онъ является приверженцемъ атомизма и теоріи пустого пространства. Переходя къ его религиознымъ воззрѣніямъ, авторъ характеризуетъ его какъ деиста, убѣжденного противника матеріалистовъ и атеистовъ и намѣчаетъ у него три рода доказательствъ бытія Бога: 1) естественно-научное, 2) гедоническое и 3) социальное-педагогическое. Но доказывая существованіе Бога, Вольтеръ совершенно лишаетъ Его всѣхъ атрибутовъ, какъ личности, разумѣя подъ Богомъ высшій разумъ, разлитый во вселенной, дѣйствующій по необходимымъ законамъ. Что касается вопроса о душѣ, то Вольтеръ совершенно отрицаетъ ея существованіе какъ отдѣльной имматеріальной субстанции, но считаетъ ее просто качествомъ тѣла, соединенной съ нимъ въ одной и той же реальной сущности, т.-е. настаиваетъ на одухотворенности матеріи, въ то же время все-таки строго различая матеріальность и интеллектуальность. Въ вопросѣ о свободѣ воли Вольтеръ, подобно Локку, очень неопредѣленъ и непослѣдователенъ. Въ началѣ своей жизни онъ былъ убѣжденнымъ индетерминистомъ, а въ концѣ уже замѣтно склоняется къ детерминизму, признавая по крайней мѣрѣ полную зависимость воли отъ мотивовъ.

W. Uebel.—Гердеръ и Тетенсъ.

Настоящій очеркъ посвящается авторомъ изложенію теорій Гердера и Тетенса о происхожденіи и развитіи человѣческой рѣчи, въ которыхъ онъ отмѣчаетъ очень близкое сходство. Сдѣлавъ краткій историческій очеркъ теоріи развитія языка, авторъ подробно останавливается на разсмотрѣніи этого вопроса у Лейбница, котораго онъ считаетъ прямымъ предшественникомъ въ этой области какъ Гердера, такъ и Тетенса, а затѣмъ уже переходитъ къ подробному изложенію обѣихъ теорій. Гердеръ считаетъ рѣчь принадлежностью исключительно человѣческой, находящейся въ такой тѣсной и неразрывной связи съ разумомъ, что разумъ, по его мнѣнію, есть просто внутренняя сторона языка, черезъ посредство чувствъ дѣлающаяся внѣшней рѣчью. Такимъ образомъ, въ актѣ рѣчи важную роль играютъ наши внѣшнія чувства, являющіяся посредствующимъ звеномъ между мыслью и ея воплощеніемъ въ звукѣ, на основаніи простого подражанія

окружающему міру. Древнѣйшей формой рѣчи по Гердеру было воплощеніе въ звуки только конкретныхъ образовъ, а затѣмъ уже начали появляться названія отвлеченныхъ понятій, въ чемъ онъ ссылается не только на психологію, но и на исторію языка. Развитіе человѣческой рѣчи происходитъ по естественнымъ законамъ природы, испытывая такую же эволюцію, какъ и поэзія. Что касается Тетенса, то его теорія въ основныхъ своихъ пунктахъ очень сходна съ теоріей Гердера, хотя въ то же время отличается отъ нея и нѣкоторыми довольно крупными различіями. Въ основу своей теоріи онъ подобно Гердеру, кладетъ чувственно-конкретную картину развитія рѣчи, но въ дальнѣйшемъ ходѣ своего изслѣдованія онъ довольно сильно отступаетъ отъ него, рѣзко различая членораздѣльную рѣчь отъ разума и доказывая, что на первыхъ ступеняхъ развитія человѣческая рѣчь есть простое животное подражаніе виѣшней природѣ и только позднѣе къ этому процессу присоединяется разумъ, осмысляющій простыя ощущенія, вызванныя этимъ подражаніемъ. Дѣлая въ заключеніе своего очерка сравнительную характеристику обоихъ изслѣдователей, авторъ замѣчаетъ, что Гердеръ своей эстетической теоріей и параллелью съ поэзіей далъ болѣе яркую и живую картину возникновенія и развитія рѣчи, но Тетенсъ въ своемъ изслѣдованіи явился болѣе точнымъ, мѣткимъ и больше стоящимъ на почвѣ научнаго эмпиризма.

Hartwig Derenbourg.—Комментаріи араба Аверроэса къ нѣкоторымъ физическимъ очеркамъ Аристотеля.

Авторъ дѣлаетъ извѣщеніе, что въ національной бібліотекѣ Мадрида, между арабскими манускриптами, находится манускриптъ Аверроэса, по многимъ палеографическимъ даннымъ относящійся къ XIII в., очень интересный для изслѣдователей Аристотеля. Манускриптъ содержитъ комментаріи на шесть физическихъ коротенькихъ очерковъ Аристотеля, подъ слѣдующими заглавіями: 1) Audition physique; 2) О небѣ и о землѣ; 3) О рожденіи и разрушеніи; 4) Метеорологическіе вопросы; 5) О душѣ; 6) Вопросы метафизики.

Lorenzo Michelangelo Villia.—Мелкія замѣтки читателя Платона.

Въ своей статьѣ авторъ имѣетъ въ виду: 1) опровергнуть мнѣніе Штальбаума относительно хронологіи діалога Кратиллъ, который онъ, вопреки обычному мнѣнію, не соглашается отне-

сти къ послѣднему періоду жизни Платона; 2) касается перевода отдѣльныхъ словъ и выраженій въ діалогѣ Филебъ, которыя ему кажутся неправильными, и 3) останавливается на выясненіи основныхъ мыслей діалога Протагоръ.

Heft 3. François Picavet.—Paul Tannery какъ историкъ философіи.

Сдѣлавъ краткій біографическій очеркъ названнаго философа, авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ его какъ историка философіи. Значеніе Tannery на этомъ поприщѣ, по мнѣнію автора, было очень велико. Прежде всего съ точки зрѣнія широты его задачъ, такъ какъ въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ не ограничивался областью философіи въ узкомъ смыслѣ, но старался дать возможно полный очеркъ ея развитія въ связи съ другими науками: математикой, естествознаніемъ, философией и др. Труды его на поприщѣ исторій наукъ очень многочисленны и представляютъ глубокий интересъ какъ съ точки зрѣнія употребляемаго имъ метода, такъ и со стороны богатства матеріала. Особенно много онъ поработалъ надъ изслѣдованіемъ греческой науки, которой посвящены лучшіе его труды. Не менѣе важны и его работы, посвященныя XVII и XVI в. Въ нихъ онъ анализируетъ системы Джордано Бруно, Малебранша, Гассенди, Фрэнсиса Бэкона, Лейбница и Галилея, доставляя своими изслѣдованіями много цѣннаго матеріала.

Dr. Goedeckemeyer.—Подраздѣленіе греческой философіи.

Занимаясь изслѣдованіемъ эволюціи человѣческаго духа, авторъ останавливается и на греческой жизни и въ частности на греческой философіи, разсматривая ее съ этой точки зрѣнія—какъ одну изъ стадій этой эволюціи. При своемъ изслѣдованіи онъ наталкивается на вопросъ о подраздѣленіи греческой философіи, и находя всѣ существующія до сихъ поръ подраздѣленія недостаточными, пытается дать свое собственное. Послѣ ряда серьезныхъ обоснованій историческаго и общеполитическаго характера, онъ подраздѣляетъ всю греческую философію на два крупныхъ періода, считая поворотнымъ пунктомъ смерть Аристотеля. Впрочемъ, Сократа и софистовъ, составляющихъ, по его мнѣнію переходную ступень между обѣими эпохами, авторъ выдѣляетъ въ отдѣльный историческій періодъ. Въ результатѣ получается слѣдующая схема: I—Онтологическій періодъ, включая Аристотеля, подраздѣляющійся, въ свою очередь, на 1) наивный

онтологизмъ и 2) софистовъ и методическій онтологизмъ и II—Эвдемонологическій періодъ послѣаристотелевской философіи, въ которомъ авторъ намѣчаетъ три момента: 1) Пирроническій скепсисъ, эпикурейцы и стоики; 2) Карнеадскій скепсисъ и философія компромисса, и 3) Енесидемскій скепсисъ, философія откровенія и позитивизмъ. Въ первомъ періодѣ главное мѣсто принадлежитъ натурфилософскимъ и этическимъ вопросамъ, во второмъ же періодѣ на первый планъ выдвигается принципъ счастья и благополучія.

Artur Buchenau.—Къ исторіи переписки между Лейбницемъ и Малекраншемъ.

Авторъ, послѣ краткой бібліографіи переписки Лейбница вообще и съ Малекраншемъ въ частности, цитируетъ интересное письмо Лейбница къ Малекраншу, которое было найдено въ одномъ малоизвѣстномъ манускриптѣ и потому не опубликовано прежними изслѣдователями. Письмо относится къ 1700 г. Въ немъ Лейбницъ, между прочимъ, касается своей манеры изложенія философіи въ письмахъ, считая ее очень удобной и полезной для себя, такъ какъ переписка помогаетъ ему выяснять свое міровоззрѣніе и всесторонне разрабатывать систему.

Paul Warler.—Историческія основоположенія міровоззрѣнія Шопенгауэра.

Прежде чѣмъ приступить къ непосредственному изложенію своей темы, авторъ дѣлаетъ историко-критическій очеркъ характера, вкусовъ и степени развитія современной Шопенгауэру эпохи. Эта эпоха, вообще важная для Германіи, является временемъ расцвѣта ея силъ особенно въ поэзіи и въ философіи, гдѣ господствующимъ принципомъ явился принципъ «Объективнаго идеализма». Настроеніе это безусловно отразилось и на Шопенгауэрѣ. Авторъ настоящей статьи и задается цѣлью выяснить характеръ этихъ вліяній и ихъ значеніе для міровоззрѣнія Шопенгауэра. Изъ поэтовъ этой эпохи неоспоримо громадное вліяніе на него имѣлъ Гете, которому онъ обязанъ преобладаніемъ въ своей метафизикѣ непосредственнаго чувства, образности и поэзіи сравнительно съ чисто разсудочнымъ элементомъ, и Тикъ съ своимъ пессимизмомъ и пантеизмомъ. Въ философскомъ же отношеніи онъ находился подъ всецѣлымъ вліяніемъ Шеллинга, философія котораго какъ нельзя болѣе отвѣчала его натурфилософскимъ интересамъ. Это вліяніе Шел-

линга особенно сказалось на основномъ сочиненіи Шопенгауэра «Міръ какъ воля и представленіе», что авторъ заключаетъ на основаніи тщательнаго анализа основныхъ положеній обоихъ философовъ какъ въ области теоріи познанія, такъ въ этикѣ и въ эстетикѣ. Изъ этого же анализа вытекаетъ не только сходство, но и довольно крупныя различія системъ, которыя авторъ объясняетъ вліяніемъ на Шопенгауэра французскаго просвѣщенія вообще, и идей Вольтера въ частности. Отъ него онъ заимствовалъ не только идеи, глубокое пессимистическое настроеніе и отвращеніе ко всему сверхчувственному, выходящему изъ предѣловъ непосредственнаго опыта, но и самый стиль и форму своихъ сочиненій. Этимъ двоякимъ вліяніемъ нѣмецкаго идеализма и французскаго просвѣщенія и объясняется та двойственность въ системѣ Шопенгауэра, которая заставляла его съ одной стороны быть приверженцемъ Канта и видѣть всю истину въ тщательномъ изслѣдованіи и данныхъ опыта, а съ другой—не удовлетворяться этимъ опытнымъ міромъ и стремиться въ область идей. Въ этомъ дуализмѣ исходная точка для пониманія философіи Шопенгауэра. Что касается Канта, то Шопенгауэръ изучалъ его подъ руководствомъ и въ изложеніи Шульце, у котораго онъ заимствовалъ взгляды на Кантовскую вещь въ себѣ и отношеніе субъекта и объекта. Но гораздо большее значеніе для Шопенгауэра имѣла не теорія познанія, но этика Канта, именно тотъ дуализмъ, который существуетъ у него между міромъ явленій съ одной и міромъ идей и высшей свободы съ другой стороны. Та же точка зрѣнія привлекала Шопенгауэра и въ ученіи Фихте, хотя въ цѣломъ трансцендентальная философія чистаго идеализма не могла возбудить его сочувствія. Немаловажное значеніе для философскаго міровоззрѣнія Шопенгауэра имѣло его знакомство съ философіей индусовъ и Якова Бѣме, гдѣ онъ нашелъ многое для своего ученія о волю. Въ подтвержденіе своихъ мнѣній авторъ приводитъ цѣлый рядъ выписокъ и отрывковъ изъ студенческихъ и болѣе позднихъ по времени записей и набросковъ Шопенгауэра, въ которыхъ онъ отыскиваетъ и подчеркиваетъ слѣды всѣхъ названныхъ вліяній.

G. L. Duprat.—**Психо-физиологія страстей въ древней философіи.**

Древняя философія вообще объясняла происхожденіе страстей

физиологическимъ образомъ. Для доказательства своего мнѣнія авторъ вкратцѣ разсматриваетъ всѣ теоріи о происхожденіи страстей самыхъ древнихъ философовъ и знаменитыхъ медиковъ, начиная съ Діогена и Демокрита и кончая Плутархомъ и неоплатониками, и на основаніи этого разсмотрѣнія приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: первоначально въ древней философіи причиной происхожденія страстей считали холодное и теплое начала въ человѣческомъ тѣлѣ, густую и жидкую кровь. Затѣмъ появляются системы, считающія главной причиной не сердце и его отправления, а мозгъ. Наиболѣе же распространенной была система Аристотеля, считавшая причиной всякаго происхожденія какихъ бы то ни было органическихъ измѣненій нѣкоторую матеріальную частицу души—пневму. Это воззрѣніе Аристотеля долго держалось въ древней философіи. Слѣды его, конечно, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, авторъ находитъ и у стоиковъ, и у эпикурейцевъ, и даже у неоплатониковъ. Понятіе пневмы перешло затѣмъ и въ новую философію, гдѣ подъ этимъ названіемъ разумѣлось вещество среднее между духомъ и тѣломъ, служившее для объясненія ихъ взаимодѣйствія.

С. Вос.—Понятіе блаженства у Спинозы и у Фихте.

Приступая къ своему изслѣдованію, авторъ прежде всего старается объяснить, что тема его не является ни произвольной, ни искусственной, такъ какъ 1) понятіе блаженства играетъ важную роль въ обѣихъ системахъ, центръ тяжести которыхъ лежитъ не въ теоріи познанія, а въ нравственной философіи, именно въ отношеніи души къ Абсолюту; 2) сопоставленіе этихъ двухъ системъ нисколько не искусственно, такъ какъ онѣ очень близки и родственны по духу. Посвящая свое дальнѣйшее изложеніе отысканію въ обѣихъ системахъ точекъ соприкосновенія и различія въ вопросѣ о блаженствѣ, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: какъ та, такъ и другая система въ отношеніи понятія блаженства могутъ быть названы оптимистическими, такъ какъ обѣ онѣ признаютъ возможность блаженства здѣсь на землѣ, состоящее въ добродѣтели, которая есть высшее познаніе Бога, но въ то время какъ Фихте считаетъ это Божественное познаніе вполнѣ доступнымъ человѣческому разуму, Спиноза, какъ человѣкъ XVII в., стремящійся къ непосредственному примиренію вѣры и разума, признаетъ необходимость Божественнаго откровенія. Фихте и въ этомъ вопросѣ

остаётся философомъ, Спиноза же прежде всего богословъ и пророкъ. Главныя же различія въ богословскомъ пониманіи блаженства, авторъ объясняетъ разницей вѣроисповѣданій обоихъ философовъ. У Спинозы вопросъ о блаженствѣ составляетъ неразрывное цѣлое съ его теоріей, которая не можетъ существовать безъ того или иного рѣшенія этого вопроса, въ системѣ же Фихте этотъ вопросъ далеко не занимаетъ такого важнаго мѣста, и онъ занимается имъ только во второй періодъ своей жизни.

4. Neft. H. Gomperz.—Ученіе Платона объ идеяхъ.

Предметомъ настоящей статьи служитъ разборъ сочиненія Paul Natorp'a, большого знатока Платоновскихъ произведеній, именно его сочиненія «Ученіе объ идеяхъ Платона. Введеніе въ идеализмъ», въ которомъ онъ, стоя на точкѣ зрѣнія критическаго идеализма, старается приписать ту же точку зрѣнія и Платону. Онъ считаетъ его философію идеалистическою, разумѣя слово идеалистическая въ смыслѣ критической и противопоставляя ее догматической. Основные принципы Платоновской философіи, идеи, представляютъ собою по Natorp'у просто научные методы—законы познанія. Аристотель же совершенно не понималъ Платона и объявилъ его идеи данными реальностями, гиперфизическими предметами. Прежде чѣмъ опровергать мнѣнія Natorp'a, авторъ настоящей статьи старается установить, что именно онъ разумѣетъ подъ идеями и находитъ у него три значенія идей: 1) въ смыслѣ методовъ; 2) законовъ и 3) опредѣленій. Но авторъ опровергаетъ всѣ эти толкованія идей и единственно возможнымъ считаетъ пониманіе идей, какъ понятій. Слѣдовательно, основная ошибка Natorp'a состоитъ въ произвольномъ толкованіи понятія идея, откуда проистекаютъ и всѣ остальныя. Свое же толкованіе идей авторъ обосновываетъ строгимъ и послѣдовательнымъ анализомъ съ указанной точки зрѣнія всѣхъ діалоговъ Платона и сравненіемъ своихъ выводовъ съ соотвѣтствующими выводами Natorp'a. Въ результатѣ онъ объявляетъ его толкованія Платоновскихъ идей недостаточно обоснованнымъ и, отдавая Natorp'у должное, какъ знатоку вообще Платоновскихъ сочиненій, считаетъ, что настоящій его трудъ по изслѣдованію діалоговъ съ указанной точки зрѣнія не имѣетъ научнаго значенія.

Jules Maldidier.—Боссеюэтъ-пробабилиеть.

Авторъ имѣетъ въ виду своей статьей показать отношеніе

Боссюэта къ философіи пробабиллизма. Прежде всего онъ подвергаетъ критикѣ мнѣнія ученыхъ Поръ-Ройяля, бывшихъ защитниками пробабиллизма вообще, и логическимъ путемъ доказываетъ ихъ несостоятельность. Затѣмъ онъ переходитъ къ Боссюэту, который гораздо шире поставилъ вопросы пробабиллизма, признавая важное значеніе законовъ вѣроятности для науки и практической жизни. Имѣя въ виду такое широкое примѣненіе законовъ вѣроятности, Боссюэтъ старается установить для этого примѣненія нѣкоторыя необходимыя правила. Анализируя эти правила съ точки зрѣнія ихъ логической необходимости, практичности и достаточности, авторъ настоящей статьи хотя и приходитъ къ отрицательнымъ выводамъ, тѣмъ не менѣе считаетъ Боссюэта въ своемъ окончательномъ выводѣ гораздо глубже, послѣдовательнѣе и научнѣе въ сравненіи со всѣми другими пробабиллистами той эпохи.

Theodor Lorenz.—Добавленія къ биографіи Беркли.

Авторъ приводитъ англійскіе документы, касающіеся биографіи Беркли.

Jahresbericht 2, 3 и 4 Heft.

Heinrich von Struve.—Польская философія послѣднихъ 10-ти лѣтъ (1894—1904 г.).

Настоящая статья посвящена обзору польской философіи за послѣднія десять лѣтъ, при чемъ за центры польской философской мысли авторъ принимаетъ Краковъ, Лембергъ и Варшаву. Прежде всего онъ обращается къ Кракову и подвергаетъ разсмотрѣнію труды наиболѣе крупныхъ краковскихъ философовъ Pawlicki и Straszewski. Первый изъ названныхъ философовъ, особенно извѣстенъ какъ крупный изслѣдователь въ области древне-греческой философіи вообще и Платона въ частности, гдѣ онъ примѣняетъ новые очень плодотворные методы. Straszewski же является главнымъ образомъ историкомъ философіи Востока, преимущественно занимающимся философіей Индіи, Китая и Египта, давая очень полное представленіе о развитіи у нихъ философской мысли въ тѣсной связи съ ихъ религіозными воззрѣніями. Изъ другихъ философовъ авторъ останавливается на Лютославскомъ, извѣстномъ своимъ стилометрическимъ методомъ, примѣняемымъ имъ къ діалогамъ Платона, на Козловскомъ, имѣющемъ въ виду въ своихъ сочиненіяхъ сблизить философію съ эстетикой и въ частности съ поэзіей, на Гейнрихѣ—привержен-

цѣ взглядовъ Авенаріуса въ области эмпирио-критицизма, а затѣмъ указываетъ цѣлый рядъ социологовъ, какъ Balicki, Grabski, Gumplowicz и др., называя ихъ сочиненія и слегка касаясь ихъ основныхъ воззрѣній въ области философіи и социологии. Переходя къ философамъ Лемберга, авторъ подробно останавливается на Твардовскомъ, извѣстномъ своими изслѣдованіями въ области представленій и понятій, затѣмъ Вартенбергъ, который стяжалъ себѣ извѣстность работами о причинности у Канта, высказывая мысль, что Кантъ далеко не закончилъ своего труда въ этой области, но только намѣтилъ путь. Очень интересны работы Вартенберга въ области метафизики, гдѣ онъ является приверженцемъ плюрализма, связывая этотъ плюрализмъ съ теизмомъ. Затѣмъ авторъ излагаетъ воззрѣнія графа Dzieduszycki, извѣстнаго болѣе въ области эстетики и исторіи искусства, но кромѣ того работающаго и въ области теоріи познанія, гдѣ онъ развиваетъ интересную мысль, что категорическій императивъ Канта лежитъ не только въ основѣ его этики, но и теоріи познанія. Изъ другихъ авторъ останавливается на Рубчинскомъ, извѣстномъ своими изслѣдованіями о неоплатонизмѣ въ средніе вѣка. Въ заключеніе, сдѣлавъ краткій обзоръ социологическихъ и натурфилософскихъ работъ лембергскихъ ученыхъ, авторъ переходитъ къ главному пункту польской культурной и общественной жизни—Варшавѣ. Указавъ цѣлый рядъ очень интересныхъ по содержанию сборниковъ и энциклопедій, издаваемыхъ въ Варшавѣ, авторъ останавливается на разборѣ своей собственной работы «Критическое введеніе въ философію», гдѣ онъ занимается рѣшеніемъ вопроса о сущности и основныхъ задачахъ философіи, о ея методѣ, отношеніи къ другимъ наукамъ и жизни, рассматривая жизненныя цѣли и задачи всѣхъ философскихъ системъ, начиная съ стоиковъ, эпикурейцевъ и циниковъ и кончая утилитаристами и даже анархистами. Этимъ и кончается его обзоръ, продолженіе котораго будетъ помѣщено въ слѣдующемъ выпускѣ «Archiv'a».

Н. Аникіева.

Открыта подписка на 1906 годъ

НА ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

И

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

1) „Церковный вѣстникъ“—ежедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) „Христіанское чтеніе“—ежемѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ *приложенія* къ журналамъ редакція съ 1895 г. издаетъ и въ 1906 г. заканчиваетъ изданіемъ

Полное Собраніе Твореній Св. Іоанна Златоуста

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

а) *Отдѣльно* за „Церковный Вѣстникъ“ пять руб., съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—6 р. 50 к., въ переплетѣ 7 руб.; за „Христіанское Чтеніе“ пять руб., съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—6 р. 50 к., въ переплетѣ 7 руб.

б) *За оба журнала вмѣстѣ* восемь руб., съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—9 руб., въ переплетѣ 9 р. 50 к.

За границей:

за оба журнала 10 руб., съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—11 р. 50 к., въ переплетѣ 12 р.; за каждый журналъ *отдѣльно* 7 руб., съ приложеніемъ 12-го тома „Златоуста“—9 руб., въ переплетѣ 9 р. 50 к.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обращаются въ контору редакціи (Невскій пр. 182, кв. 10), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церк. Вѣстникѣ“.

Редакторы проф. Д. Миртовъ.
проф. П. Смирновъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „БОГОСЛОВСКИЙ ВѢСТНИКЪ“

1906 ГОДА (XV ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

СЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРИТА, ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

Въ качествѣ *собственнаго приложения* къ журналу „Богословскій Вѣстникъ“ всѣмъ подписчикамъ его въ 1906 г. будутъ высланы:

ТРЕТИЙ И ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЫ

ТВОРЕНІЙ БЛАЖЕННАГО ТЕОДОРИТА, ЕПИСКОПА КИРСКАГО.

въ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ двухъ томовъ твореній блаженнаго Теодорита

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Прим. безъ пересылки семь рублей, за границу—десять.

Допускается подписка на журналъ *безъ приложения* (Цѣна 7 р.). Допускается разсрочка на два срока (при подпискѣ 4 р. и къ 1 іюля 4 р.), или на три срока (при подпискѣ 3 р., къ 1 іюля 3 р. и къ 1 октября 2 р.): Подписавшіеся на журналъ *безъ приложения* пользуются такой разсрочкой: на два срока при подпискѣ 4 р., къ 1 іюля 3 р.); на три срока (при подпискѣ 3 р., къ 1 іюля 2 р. и къ 1 октября 2 р.). За переѣзду адреса 20 к.

Прим. Новые подписчики, желающіе получить I и II томы твор. бл. Теодорита, должны заявить о семъ редакціи, при чемъ обозначить, какое изданіе они желаютъ имѣть, новое ли — 2 р. за оба тома, или старое — 1 р. (Текстъ въ обоихъ изданіяхъ тождественный).

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московск. губ., въ редак. „Богословскаго Вѣстника“.
Редакторъ проф. И. ПОПОВЪ.

25 годъ
изданія

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1906 Г. 25 годъ
изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи популярно-научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма и медиумизма.

(Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма и явленій спиритизма.)

Независимое слово внѣ школъ и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходить не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзы́вы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на 1/2 года 3 руб.
За границу на годъ 6 р., на 1/2 года 3 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала — Арбатъ, домъ Нейдгартъ, кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Открыта подписка на журналъ
„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

въ 1906 году,

выходитъ ежемѣсячно.

Кромѣ 12 книгъ журнала, подписчики получаютъ въ 1906 году

Атласъ картинъ по Русской исторіи,

выпускъ 4-й, заключаетъ въ себѣ слѣдующія картины:

- 1) Потѣшныя, 2) Петръ Великій за границей, 3) Флотъ Петра Великаго, 4) Солдаты Петра Великаго, 5) Засѣданіе Сената при Петрѣ Великомъ, 6) На улицѣ Петербурга въ Петровское время, 7) Въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ. Картины исполнены автогитишей по оригинальнымъ рисункамъ. Объяснительный текстъ къ картинамъ подѣ общимъ заглавіемъ **„Изъ прошлаго Русской земли“**, составленный С. Князьковымъ, будетъ приложенъ къ атласу въ видѣ отдѣльной книжки, какъ особый выпускъ изданія **„Библиотека Дѣтскаго Отдыха“**.

Журналъ предназначается для дѣтей старшаго возраста. ДОПУЩЕНЪ въ ученическія бібліотеки всѣхъ низшихъ училищъ, въ бесплатныя народныя читальни и въ бібліотеки средн. учебн. заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой 6 руб.

Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала въ С.-Петербургѣ, Загородный пр., 28.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРНАГО ФОНДА.

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ 2 ИЗДАНИЕМЪ

СБОРНИКЪ

„НА СЛАВНОМЪ ПОСТУ“.

Сборникъ этотъ былъ составленъ и изданъ въ ознаменованіе сорокалѣтія литературной дѣятельности покойнаго Н. К. Михайловскаго.

ЦѢна 3 руб.

Открыта подписка на 1906-й годъ

VII-й Г.

на издающуюся въ городѣ Харбинѣ газету

VII-й Г.

„НОВЫЙ КРАЙ“.

ГАЗЕТА БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ
Е Ж Е Д Н Е В Н О,

ЗА ИСКЛЮЧЕНІЕМЪ ДНЕЙ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На годъ	полгода	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Городскіе	12 руб.	7 руб.	4 руб.	3 руб.	2 руб.
Иногородніе	14 "	8 "	5 "	3 " 50 к.	2 " 50 к.
За границу	20 "	11 "	6 " 50 к.	4 " 25 "	3 " 25 "

Въ розничной продажѣ цѣна отдѣльнаго номера 10 коп. Подписка и объявленія принимаются въ книжномъ магазинѣ „Новый Край“—Харбинь-Пристань, уголь Новгородней и Мостовой. Плата за объявленія: на первой страницѣ, передъ текстомъ—25 коп., а на послѣдней страницѣ послѣ текста—15 коп. за строку пята.

Редакторъ-издатель Л. А. Артемьевъ.
 Редакторъ Ж. Ж. Веревкинъ.

Открыта подписка на журналъ на 1906 годъ

(СОРОКЪ СЕДЬМОЙ).

„Труды Кіевской Духовной Академіи“.

Цѣна на годовое изданіе 7 р., за границу 8 р. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 листовъ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ обеззанимательныя и по изложенію доступныя большинству читателей, а также переводы твореній блажен. Иеронима и блаж. Августина, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ: „Библіотена твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“.

Указомъ Св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г. подписка какъ на „Труды“, такъ и на „Библіотеку твореній свв. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“, рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Для ознакомленія съ прошлымъ журналомъ можетъ служить „Систематическій указатель статей, помѣщенныхъ въ „Труд. Кіев. Дух. Акад.“ за 45 лѣтъ его существованія (1860—1904); какъ этотъ указатель, такъ и каталогъ книгъ, имѣющихся въ складѣ редакціи для продажи, высылаются по первому требованію.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Казанскаго Университета

на 1906 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертации, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ во всѣхъ отрасляхъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнью коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, биографическіе очерки и некрологи профес. и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнне преподаванія, распредѣленіе лекцій, актовъ отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета.

Редакторъ А. Александровъ.

ХІІ ГОДЪ. ВЪ 1906 ГОДУ ГОДЪ ХІІ.
„Журналъ Министерства Юстиціи“

будеть выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1906 г.

Въ „Журналѣ“ печатаются: 1) Указанія и распоряженія правительства, приказы и циркуляры по вѣдомству М. Ю.; 2) Статьи по исторіи, теоріи и практической разработкѣ права и судопроизводства, особенно гражданскаго и уголовнаго; 3) Обзоръ текущей судебной практики, систематическія извлеченія изъ рѣшеній Гражд. и Уголов. Касс. Д-товъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената; 4) Литературное обзорѣніе: критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ, библиографическій указатель юридической литературы, русской и иностранной; 5) Обзоръ иностраннаго законодательства: свѣдѣнія о новыхъ законахъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ; 6) Письма изъ Англии и Парижа.

Подписная плата **8 рублей** въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ чрезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для подготовленія къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ, при подпискѣ въ Главной Конторѣ,—по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки и объявленій уступкою 10⁰/₀.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копеекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ѳ. Держужинскій.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1906 годъ
на ежедневную политическую газету

„СОВРЕМЕННОКЪ“.

„Современникъ“ — независимый органъ печати. Девизъ газеты — прогрессивное развитіе силъ общественныхъ на основѣ конституціонной свободы.

Условія подписки съ доставкою и пересылкою: на 1 годъ 10 р., на 1/2 года 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 50 к., 1 мѣс. 1 р. Для преподавателей всѣхъ учебныхъ заведеній и студентовъ: на 1 годъ 7 р., на 1/2 года 3 р. 50 к., на 1 мѣс. 60 к.

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Москва, Столешниковъ пер., д. О-ва „Якорь“. Контора открыта въ будни съ 10 до 5 ч., въ праздники отъ 12 до 2 ч.

Открыта подписка на 1906 годъ
на еженедѣльный общественно-литературный иллюстрированный журналъ

НОВОЕ СЛОВО.

Въ „Новомъ Словѣ“ прижимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, М. П. Арцыбашевъ, Ю. П. Айхенвальдъ, М. М. Богословскій, И. А. Бунинъ, Ю. А. Бунинъ, М. В. Веселовская, Ю. А. Веселовскій, О. Волжанинъ, Н. Голантъ, Е. П. Гославскій, В. А. Готвальтъ, А. М. Гущинъ, А. К. Дживелеговъ, Д. Н. Егоровъ, И. Н. Игнатовъ, А. А. Кизеветтеръ, М. Н. Коваленскій, П. А. Кожевниковъ, Н. А. Крашенинниковъ, Максъ-ли, С. П. Мельгуновъ, Н. К. Муравьевъ, С. А. Найденовъ, Н. М. Никольскій, Н. Н. Оглобинъ, М. Н. Покровскій, П. Н. Сакудинъ, Н. А. Скворцовъ, В. Н. Сторожевъ, Танъ, Н. Д. Телешовъ, Н. И. Тимковскій, А. С. Хахановъ, Е. Н. Чириковъ, С. А. Шумаковъ, Г. Я. Шустерманъ, П. М. Ярцевъ и др.

Подписка принимается въ главной конторѣ „НОВАГО СЛОВА“.

Москва, Тверская, Мамоновскій пер., д. Карягиной. Телефонъ № 81—32.

Для приѣма подписки и объявленій
контора открыта:

Въ будни—отъ 9 ч. утра до 6 веч.
Въ праздники—отъ 11 час. утра до
4 час. дня.

Подписная цѣна, 50 №№ въ годъ, съ
пересылкой и доставкой.

на годъ 3 рубля.
” 1/2 Г. 2 ”
” 1/4 ” 1 ”

Редакторъ-издатель Н. А. Крашенинниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
ИЗВѢСТІЯ
МОСКОВСКАГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА.

Годъ XII—1906.

Извѣстія выходятъ четырьмя книгами въ годъ, составляющими не менѣе 35 листовъ текста in 8^о.

Подписка принимается въ канцеляріи Московскаго Сельскохозяйствен. Института и въ книжны. магаз. Карбасникова (Москва, Варшава, Вильна, С.-Петербургъ) и „Трудъ“ (Москва, Тверская).

Подписная цѣна въ годъ за четыре книги 5 р.; для студентовъ высшихъ учебныхъ заведеній—2 р. 50 к.; цѣна отдѣльной книги 1 р. 50 в.; отдѣльные оттиски статей естественноисторическихъ и статистикоэкономическихъ высылаются названными книжными магазинами наложеннымъ платежомъ по расчету 20 к. за листъ.

Редакторы С. И. Ростовцевъ.
Д. Н. Прянишниковъ.

Въ 1906 году будетъ продолжаться (30-й годъ) изданіе
Ж У Р Н А Л А

ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: отдѣлъ общій, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, и отдѣлъ официально-справочный.

Цѣна журнала, съ пересылкой во все города Россіи:

	Отдѣлъ общій.	Отдѣлъ офиц.-справоч.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 р. 40 к.	4 р. 40 к.	8 р. — к.
„ 6 „	2 „ 20 „	2 „ 20 „	4 „ — „
„ 3 „	1 „ 20 „	1 „ 20 „	2 „ — „
„ 1 „	— „ 40 „	— „ 40 „	— „ 80 „

Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы.

Открыта подписка на 1906 годъ
на ежедневную, политическую, общественную и литературную
НИКОЛАЕВСКУЮ ГАЗЕТУ,

издаваемую въ городѣ Николаевѣ пайщиками подъ временной редакціей
А. Н. Леонтьева по программѣ большихъ столичныхъ газетъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: безъ доставки: въ годъ — 6 р., 6 мѣс.—3 р. 25 к., 3 мѣс.—1 р. 75 к., помѣсячно — 75 к. Съ доставкой на домъ и иногороднимъ: въ годъ—7 р., 6 мѣс.—3 р. 75 к., 3 мѣс.—2 р., помѣсячно—90 к. За границу: къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 60 к. въ мѣсяцъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ конторѣ газеты при типо-литографіи
Бр. Бѣлинскихъ, (въ гор. НИКОЛАЕВѢ, Херс. губ), уг. Спасской и Соборной, д. Феруза. Тамъ же принимаются объявленія.

Продолжается подписка на 1906 годъ,

десятый годъ изданія,

на большую, ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

„Южное Обозрѣніе“,

выходящую въ г. ОДЕССѢ, въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Редакторъ-издатель *Т. М. Бейленсонъ.*

XV годъ
изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на

1906 г.

ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

съ бесплатнымъ приложеніемъ

Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго собранія Правительствующ. Сената и Собранія узаконеній и распоряж. Правительства. Выходитъ два раза въ недѣлю: по воскресеньямъ и четвергамъ. Безъ предварительной цензуры.

Годовая подписная цѣна съ доставкой и пересылкою СЕМЬ рублей.

Допускается разсрочка въ платежъ: при подпискѣ—4 руб. къ 1-му апрѣлю—остальные—3 рубля.

Правительственныя, Судебныя и Административныя, ровно какъ общественныя и сословныя учрежденія могутъ подписываться въ кредитъ, съ тѣмъ, чтобы деньги (7 р.) были присылаемы въ теченіе ШЕСТИ мѣсяцевъ, во, во всякомъ случаѣ, до истеченія подписнаго года; лица же, служащія въ этихъ учрежденіяхъ, въ правѣ подписываться чрезъ гг. казначеевъ въ разсрочку, со взносомъ ежемѣсячно по одному рублю, каковыя деньги должны быть доставляемы въ редакцію гг. казначеями.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 59.)

Съ 1 января 1906 года въ Смоленскѣ выходитъ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

„СМОЛЕНСКІЙ ГОЛОСЪ“.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: На годъ. На 6 мѣс. На 3 мѣс. На 1 мѣс.

Съ пересылкой по почтѣ . . . 4 р. — к. 2 р. 15 к. 1 р. 15 к. 45 к.

Съ доставкой въ г. Смоленскѣ 3 „ 60 „ 2 „ — „ 1 „ 10 „ 40 „

Безъ доставки въ г. Смоленскѣ 3 „ — „ 1 „ — „ — „ 95 „ 35 „

Адресъ: г. Смоленскъ, Редакція газеты „Смоленскій Голосъ“, Ильинская, д. Вознескво.

Редакторъ-издатель *О. О. Горбатовскій.*

НОВАЯ КНИГА: СВОБОДНАЯ СОВѢСТЬ.

Литературно-философскій сборникъ.

Книга первая.

Содержаніе: А. М. Бухаревъ. Изъ матеріаловъ для біографіи.—А. С. Бухаревой. Изъ пережитаго.—Гр. В. Н. Бобринской. Смерть и безсмертіе. По поводу трехъ драмъ Метерлинка.—Вал. Свенцицкаго. „Не то, не то“... Рассказъ.—Вл. Поливанова. Большіе люди. Рассказъ.—А. Г. Коваленской. Дѣва Назарета. Поэма.—С. Соловьева. Изъ „Аккордовъ“. Стихотворенія.—Эллиса. Вѣнецъ Данте.—Эллиса. Изъ св. Иоанна Златоуста. Стихотвореніе.—П. Астрова. Свѣтъ на пути.—Пер. П. Батюшкова. Камни. Легенда.—В. Харузиной. Весенняя элегія. Стихотвореніе.—Андрея Бѣлаго. „Мы ждемъ его возвращенія“. Рассказъ.—Андрея Бѣлаго. О научномъ догматизмѣ.—Андрея Бѣлаго. О пессимизмѣ.—Андрея Бѣлаго. Нѣсколько словъ о міросозерцаніи Чичерина.—Б. Вышеславцева. Свобода совѣсти.—С. А. Котляревскаго. Свободная совѣсть.—М. А. Эргеля. Троицкое начало и его общественное приложеніе. 3-я часть книги „La Russie et l'Eglise universelle“. Владимира Соловьева. Перев. Г. А. Рачинскаго. Изъ церковныхъ лѣтописей.—Г. А. Рачинскаго. Общественная совѣсть.—Андрея Бѣлаго. Правда марксизма.—П. И. Астрова. На пути къ свободѣ совѣсти. Вѣротерпимость. Церковная реформа.—П. И. Астрова.

Продается въ книжныхъ магазинахъ т-ва И. Д. Сытина и другихъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вторая книга сборника „Свободная совѣсть“ выйдетъ въ апрѣлѣ 1906 г.

Готовятся къ печати изданія „СВОБОДНОЙ СОВѢСТИ“:

Ламеннэ. „Рѣчи вѣрующаго“ („Paroles d'un croyant“), перев. С. М. Роговина, подъ редакціей и съ предисловіемъ С. А. Котляревскаго.

Д. С. Мережковский. „Теперь или никогда“, лекція.

Редакція: Москва, Триумфальная-Садовая, домъ Цветковой, кв. 1.

XIII годъ
изданія.

Открыта подписка на 1906 годъ

XIII годъ
изданія.

на ежедневную общественную газету

„СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ“

издаваемую въ г. Томскѣ подъ новой редакціей.

Подписная цѣна: Съ доставкой въ Томскѣ: на годъ—5 р., на 9 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—2 р. 75 к., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. Съ доставкой и перес. во всѣ города Россіи: на годъ—5 р., на 9 мѣс.—4 р., на 6 мѣс.—3 р., на 3 мѣс.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. За границу: на годъ—9 р., на 9 мѣс.—7 р., на 6 мѣс.—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.

Новые годовые подписчики—городскіе, подписавшіеся до 1 декабря, а иногородніе, подписавшіеся до 15 декабря, получаютъ газету съ 1 декабря бесплатно.

За печатаніе въ „Сибирской Жизни“ объявленій взимается плата: впереди текста за строку пегита—20 коп., повади текста—10 коп. За рассылку объявленій при газетѣ вѣсомъ не болѣе лота—7 р. за 1000 экземпляровъ.

Подписка и объявленія принимаются: въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина въ Томскѣ и въ конторѣ редакціи газеты. Иногородніе адресуютъ свои требованія въ г. Томскѣ, въ контору редакціи газеты „Сибирская Жизнь“.

Редакторы-издатели: И. Малиновскій, М. Соболевъ.

1906 г.

Открыта подписка

Годъ VI.

на „Журналь Невропатологіи и Психіатріи имени С. С. Корсакова“

издаваемый Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ при московскомъ университетѣ подъ редакціей проф. В. К. Рота и В. П. Сербскаго и прив.-доц.

А. А. Корнилова, Л. С. Минора, Г. И. Россомо и С. А. Суханова.

Журналь выходитъ 6 разъ въ годъ выпусками въ 12—15 листовъ.

Подписная цѣна на годъ съ пересыл. и доставкой—10 р. Заграницу—12 р.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Клиника нервныхъ болѣзней.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1906 годъ
на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для дѣтей

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ для дѣтей средняго возраста и примѣняется какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной, городской и сельской школы.

Въ программу журнала входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные. II. Стихотворенія, съ иллюстраціями. III. Историческіе рассказы и очерки. IV. Биографіи замѣчательныхъ людей. V. Популярныя естественно-историческіе очерки. VI. Очерки и рассказы географическаго и этнографическаго содержанія. Путешествія. VII. Отдѣльныя иллюстраціи. VIII. Изъ современной жизни. IX. Библиографія: обзоръ дѣтской и педагогической литературы.

По примѣру 1905 года, и въ 1906 году въ журналѣ будетъ помѣщено 12 отдѣльныхъ картинокъ (по одной въ каждомъ номерѣ), преимущественно съ картинъ выдающихся художниковъ, и кромѣ того 12 картинокъ, изображающихъ типичныя виды Россіи.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣлоусовъ, Н. Васинъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, А. А. Кизветтеръ, С. А. Князьковъ, М. А. Круковский, В. Н. Львовъ, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, Н. Д. Телешевъ, М. В. Тиличева, В. Н. Харузина, Ю. Н. Щербачка и др.

Журналъ выходитъ разъ въ мѣсяцъ книжками около 5 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **2 РУБ. 50** КОП. съ доставкой и за 12 книжекъ въ годъ

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Безъ доставки въ Москвѣ: въ редакціи, у Н. Печковской и въ книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова.

Цѣна журнала безъ доставки 2 руб. Оставшіеся экземпляры за 1905 годъ продаются въ редакціи по 2 руб. Иногороднимъ высылаются за 2 руб. 50 коп., наложеннымъ платежомъ за 2 руб. 60 коп.

Пробный номеръ журнала высылается по требованію изъ редакціи за три семикопеечныя марки, подробная программа бесплатно.

Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“. Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1906 годъ (третій годъ изданія)
на ежемѣсячный журналъ искусства, литературы и общественной жизни

„ПРАВДА“.

Въ наши дни группировки общественныхъ силъ, когда по всей русской землѣ идетъ усиленная ломка и всеобщее партійное строительство, „Правда“ ставитъ своей задачей быть неизмѣннымъ выразителемъ интересовъ рабочаго класса и проводникомъ той его идеологіи, которая во всѣхъ странахъ была ему всегда надежнымъ компасомъ и служила и служить залогомъ побѣды.

Въ 1906 году „Правда“ выходитъ въ свѣтъ 1 и 15 числа наждаго мѣсяца.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ редакціи журнала „Правда“, Кудрино, 1, 18, на Арбатѣ—кн. маг. Путиловой; на Неглинной—кн. маг. „Журнальное дѣло“; на Тверской—кн. маг. „Трудъ“ и кн. маг. „Жизнь“; на Домниковской—въ школьномъ домѣ Управы (библіотека учащихся) и др. извѣстныхъ магаз.

Условія подписки: годъ—8 р. (съ дост. и перес.), четверть—2 р. За границу—10 р. 80 к. за годъ и 2 р. 70 к. за четверть. Допускается разсрочка. Допускается выписка наложеннымъ платежомъ (ва 50 к. дороже). Въ уплату принимаются почтовые марки. Адресъ редакціи: Москва, Кудрино, 1, телефонъ 73—10. Адресъ конторы: Москва, Неглинная, 4, телефонъ 50—08.

Подписка и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель Вал. Кожевниковъ.

Годъ изданія III.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1906 г.

НА ЖУРНАЛЬ

Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Гипнотизма,

ПОДЪ ОБЩЕЮ РЕДАКЦІЕЮ

Акад. В. М. БЕХТЕРЕВА.

Редакторы отдѣловъ:

Прив.-доц. Н. О. Лосскій—общей психологіи. Прив.-доц. А. Ф. Лазурскій и д-ръ А. А. Крогіусъ—эксперимент. психологіи. А. П. Нечаевъ—педагогической психологіи. Проф. Л. В. Блументау—психопатологіи. Прив.-доц. В. П. Осиповъ—гипнотизма. Д. А. Дриль и проф. В. Ф. Чижъ—криминальной антропологіи и общественной психологіи.

Журналъ въ 1906 году выйдетъ въ количествѣ 5 книжекъ въ годъ, объемомъ въ 5—6 листовъ каждая, по слѣдующей программѣ: 1) оригинальныя статьи по психологіи общей, ея исторіи, по психологіи экспериментальной и педагогической, по зоопсихологіи, по психопатологіи и гипнотизму, по криминальной антропологіи и общественной психологіи; 2) обзоры, рецензіи и рефераты по указаннымъ отдѣламъ; 3) корреспонденціи, отчеты и письма; 4) хроника, біографіи и некрологи; 5) объявленія и извѣщенія. Книжки 2-я и 4-я будутъ представлены для статей и рефератовъ, относящихся исключительно къ области педагогической психологіи.

Въ текущемъ году въ видѣ бесплатнаго приложенія будетъ разослано сочин. акад. Бехтерева „Основы ученія о функціяхъ“ (вып. IV и V).

Оригинальныя статьи и рефераты (въ заказныхъ бандероляхъ) покорнѣйше просятъ адресовать въ редакцію (Боткинская, 9, Клиника душевныхъ и нервныхъ болѣзней). Приемные часы по вторникамъ, отъ 1—2, и пятницамъ, отъ 2—3. Статьи въ случаѣ надобности подлежатъ сокращеніямъ и редакціоннымъ поправкамъ. Размѣръ оплаты статей гонораромъ опредѣляется по соглашенію съ авторами. Статьи, присылаемыя въ редакцію безъ обозначенія условій, поступають въ полное распоряженіе редакціи. О книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, будутъ дѣлаться объявленія. Книги и журналы просятъ присылать въ бібліотеку редакціи (С.-Петербургъ, Боткинская, д. № 9, Клиника душевнобольныхъ). Плата за объявленія 30 р. за страницу.

Подписная цѣна 3 руб. въ годъ за 5 книжекъ, съ перес. 3 р. 50 к. Цѣна за двѣ педагогическія книжки 1 руб. 50 коп. съ пересылкою. Требованія и деньги адресовать: въ контору П. П. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12.

Редакт. В. М. Бехтеревъ.
Секрет. В. Протопоповъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ.

(17-й годъ изданія).

на общепедагогической журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ первыхъ четырехъ книжкахъ „Р. Ш.“ за 1906 г. напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи: 1) Учительскія общества въ Германіи. В. И. Фармановскаго. 2) Изъ гимназическихъ воспоминаній. Проф. В. М. Шимкевича. 3) Вопросы воспитанія на почвѣ психо-физиологій и біологій. Л. Е. Оболенскаго. 4) Привычка и навѣкъ, какъ основы всякой физической и психической дѣятельности человѣка. В. Л. Розенберга. 5) Недочеты средней школы. Ф. И. Павлова. 6) Матеріальный бытъ, здоровье и физическое воспитаніе учащихся въ духовныхъ училищахъ. В. Подстепянскаго. 7) Естествознаніе въ начальной народной школѣ. А. Челлевскаго. 8) Эстетическое чувство и его педагогическое значеніе. Александра Нечаева. 9) Мысли А. П. Чехова о воспитаніи дѣтей. А. Мощанскаго. 10) Обзоръ дѣятельности земства по народному образованию за 1905 г. И. П. Бѣлоконскаго. 11) Изъ міра дѣтскихъ игръ. А. Г. 12) О преподаваніи всеобщей исторіи и литературы въ средней школѣ. С. Золотарева. Тогда и теперь. Г. Зоргенфрея. 14) Дѣтскій вопросъ въ связи съ послѣдствіями войны и трудовыя колоніи. Н. Верещагиной. 15) Школа у современныхъ славянъ въ фактахъ и цифрахъ. А. И. Яцимирскаго. 16) Наши коммерческія школы и ихъ общественное значеніе. А. Сахарова. 17) Педагогическій міръ и Государственная Дума. Б. В. 18) Правовое положеніе учителя. А. Г. 19) Преступленія и наказанія въ средней школѣ. Д. 20) Къ вопросу о преподаваніи психологій. А. К.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библиографіи, печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р.; хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ Я. В. Абрамова; хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей Х. Д. Альчевской и М. Н. Салтыковой; хроника профессиональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкой—7 руб. 50 коп.; для иногороднихъ съ пересылкою—восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Книжные магазины удерживаютъ за комиссію 5%. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ „Р. Ш.“ допущенъ Ученымъ Комитет. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ учительскія библиотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

Золотая медаль на международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ въ 1904 г.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

КОМИССІЯ ПО ОРГАНІЗАЦІ ДОМАШНЯГО ЧТЕНІЯ

при учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. Зн.

(Б. Никитская, д. Рихтеръ, кв. 8. Москва.)

Удостоена серебряной медали на всемірной выставкѣ въ Парижѣ.

Комиссія выпустила въ свѣтъ 4-хгодичныя систематическія программы I, II, III и IV гг. и эпизодическія программы I и II-ая серіи и „Сборникъ программъ для чтенія по государственному строю“, который вмѣщаетъ всю исторію для справокъ, общее учение о правѣ, философію права и рядъ отдѣльных программъ по государственному строю.

Имѣются въ продажѣ:

Систематическія программы на I годъ. Изд. 7-е. Ц. 35 к., съ пересылкой—46 коп., наложеннымъ платежомъ—63 коп.

Систематическія программы домашняго чтенія на I годъ. Ц. 45 коп., съ пересылкой—60 коп., налож. плат.—77 коп. Изд. 5-е.

Систематическія программы домашняго чтенія на III годъ. Изд. 3-е. Ц. 60 к., съ пересылкой—85 коп., налож. плат.—95 коп.

Систематическія программы домашняго чтенія на IV годъ. Изд. 2-е. Ц. 60 коп., съ пересылкой—87 коп., налож. плат.—97 коп.

Въ программахъ на каждый годъ помѣщены: Предисловіе, правила для сношенія читателей съ комиссіей, составъ комиссія, списокъ пожертвованій въ ея пользу, планъ систематическаго чтенія на четыре года и семь отдѣловъ. 1) математическій, 2) физико-химическій, 3) биологическій, 4) философскій, 5) общественно-юридическій, 6) историческій и 7) исторія литературы.

Эпизодическія программы I-я серія. Изд. 2-е. Ц. 20 коп., съ пересылкой налож. плат.—41 коп.

Содержаніе: 1) „Пирамида“, составит. М. О. Гершензонъ; 2) „Средневѣковыя города“ А. К. Дживелегова; 3) „Исторія французской революціи“ М. Н. Коваленскаго; 4) „Смутное время въ московскомъ государствѣ“ Н. Н. Алябьева; 5) „Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи В. А. Краснокутскій и К. К. Нотгафтъ; 6) „Растительныя сообщество средней Россіи“ А. Ф. Флерова; 7) „Байронъ и его время“ П. С. Когана; 8) „Валленштейнъ Шиллера“ А. Э. Лютеръ; 9) „Новгородскія быliny“ Н. М. Мендельсона; 10) „Городское хозяйство и городскіе финансы“ П. П. Гензель; 11) „Факторы преступности“ Н. Н. Полянскаго; 12) „Вопросъ о смертной казни въ старой и новой литературѣ“ С. В. Познышева, и его же 13) „Основы судебной реформы 1864 г.“

Эпизодическія программы II-я серія. Ц. 15 коп., съ перес. налож. плат.—36 коп. Изд. 2-е.

Содержаніе: 1) „Корея“ А. А. Борзова; 2) „Японія“ М. Н. Коваленскаго и С. Г. Григорьева; 3) „Право войны“ А. С. Яценко; 4) „Средневѣковая исторія Англій“ Д. М. Петрушевскаго; 5) „Горе отъ ума Грибоедова“ Ю. И. Айхенвальда; 6) „Анна Каренина—Толстого“ И. Н. Ровонова, и 7) „Дарвинизмъ“ П. К. Кольцова.

Условія руководства занятіями по этимъ програм. приложены къ каждой программѣ.

Сборникъ программъ по государственному строю. Ц. 50 коп., съ пересылкой налож. плат.—85 к.

Содержаніе сборника: ч. I программы по всеобщей и русской исторіи. Ч. II. А. Программы по вопросамъ государственнаго строя: 1) общее учение о правѣ; 2) исторія философіи права; а) общее государственное право; б) государственное право западныхъ державъ, в) русское государственное право; Б. Отдѣльныя программы; общее учение о государствѣ; 2) государственныя формы; 3) правовое государство; 4) раздѣленіе властей; 5) судъ въ правовомъ государствѣ; 6) земское самоуправленіе; 7) политика Аристотеля; 8) средневѣковая исторія Англій; 9) старый порядокъ и революція; 10) земскіе соборы; 11) планъ государственнаго преобразованія Сперанскаго.

„Вопросы Философіи и Психологіи“

Б. Никитская, Б. Чернышевскій пер., д. 9, кв. 5

продаются «Труды Московскаго Психологическаго Общества»:

Выпускъ II. Иммануиль Кантъ. Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Пер. Влад. Соловьева. Изд. третье. Цѣна 1 руб. 20 коп., съ перес. 1 р. 40 к.

Выпускъ III. О свободѣ воли. Рефераты и статьи членовъ Психологическаго Общества. Цѣна 2 руб., съ перес. 2 р. 25 к.

Выпускъ VI. Э. Кердъ. Гегель. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ кн. С. Н. Трубецкаго. Съ приложеніемъ статьи о Гегелѣ Вл. С. Соловьева. Цѣна 1 р. 50 к.

Изданія Московскаго Психологическаго Общества:

К. Фишеръ. Артуръ Шопенгауэръ. Перев. съ нѣмец. подъ ред. В. П. Преображенскаго. М. 1895. XVI + 521 стр. Ц. 3 р.

Г. А. Гирнъ. Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Переводъ съ французскаго. Съ предисловіемъ С. И. Старынкевича. Цѣна 2 руб.

Фр. Паульсенъ. Введеніе въ философію. 3-е изд. Пер. съ нѣм. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Цѣна 3 руб.

Проблемы идеализма. Сборникъ статей. Подъ ред. П. И. Новгородцева. Ц. 3 руб.

И. А. Вальтеръ. Основной двигатель наслѣдственности. Ц. 40 к.

Средина и постоянство. Переводъ съ китайскаго Д. П. Конисси. Ц. 25 к., съ перес. 35 к.

М. С. Корелинъ. Ранній италіанскій гуманизмъ и его историографія. Критическое изслѣдованіе. Москва, 1892, т. VIII и 1087. Цѣна 6 р. 50 к.

Его же. Очерки изъ исторіи философской мысли въ эпоху возрожденія. Міросозерцаніе Франческо Петрарки. Съ приложеніемъ некрологовъ М. С. Корелина, составленныхъ Вл. С. Соловьевымъ и В. О. Ключевскимъ. Ст. 92 + XV. Ц. 40 к.

В. Н. Ивановскій. Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота. Ц. 30 к.

А. Бэнь. Психологія т. II. Переводъ и предисловіе Вл. Н. Ивановскаго. М. 1906 г. (I-й томъ вышелъ въ серіи «Библіотека для самообразованія»). Ц. въ переп. 2 р. 50 к., студентамъ 1 р. 75 к.

Фр. Паульсенъ. Основы этики. Перев. (съ разрѣш. автора) съ 6-го нѣмецк. изд. подъ редакц. Вл. Н. Ивановскаго. М. 1906. Все сочиненіе 30 печ. листовъ, 2 выпуска. Вышелъ 1 вып. 12 лист.) Ц. выпуска 1 р.

Н. Я. Гротъ. О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ. Опытъ философскаго построенія. Ц. 70 к.

Л. Лопатинъ. Положительныя задачи философіи, т. II. Ц. 2 р.

Его же. Понятія объ индукціи. Ц. 25 к.

Д-ръ Карль дю-Прель. Философія мистики или двойственность человѣческаго существа. Перев. съ нѣм. М. С. Аксенова. Спб. 1895. Ц. 3 р. 50 к.